

**ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**Материалы
XXVIII Международной научной конференции по изучению Австралии,
Новой Зеландии и Океании
«Южнотихоокеанский регион: место встречи Востока и Запада»
25-26 октября 2007 г.**

Ответственный редактор: В.П. Николаев, к.и.н.

Москва
2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительная речь заместителя директора Института востоковедения РАН Зайцева И.В.....	4
Речь посла Австралии в России Роберта Тайсона.....	6
Речь посла Новой Зеландии в России Кристофера Элдера.....	8

Политико-историческая часть

Ван Чэнь. Ход установления дипломатических отношений между КНР и Австралией: исторический фон.....	10
Заказникова Е.П. Отношения Австралии и Новой Зеландии с АСЕАН.....	13
Лебедева Н.Б. Векторы курса СССР в Южнотихоокеанском субрегионе накануне и в период «перестройки».....	20
Массов А.Я. Монография «Encounters under the Southern Cross: two Centuries of Russian-Australian Relations 1807-2007» (Ed. by A. Massov, J. McNair, T. Poole, Adelaide 2007).....	31
Николаев В.П. Новый треугольник безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Австралия-США-Япония.....	34
Пале С.Е. Методы урегулирования этнополитических конфликтов в Океании.....	40
Скоробогатых Н.С. Внешняя политика Австралийского Союза в 1930-х годах.....	45
Соколов Ю.М. Практическая деятельность по развитию отношений СССР и России со странами Океании в 1987-1992 гг. (На примере Новой Зеландии, Западного Самоа, Королевства Тонга и Островов Кука).....	58

Экономика

Авдаков И.Ю. Транспортные олигополии Японии (к вопросу о выходе японских железнодорожных компаний на рынки Австралии и Азии).....	69
Архипов В.Я. Австралия: экономика и иностранные инвестиции.....	75
Буденкова А.В. Обеспечение экономической безопасности Австралии в условиях интеграции....	89
Мосолова О.В. Тенденции глобализации и современная социально-экономическая политика в новых индустриальных странах Восточной Азии (Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур)...	94
Мусатова Е.Н. Современные российско-австралийские экономические отношения: проблемы и перспективы.....	103
Стефанчук А.Г. Новая Зеландия в окружающем мире (экономический аспект).....	112
Шрестха Мадху Кришна. Обзор важных аспектов непальско-австралийского сотрудничества....	121

Этнография и социология

Григорянц З.А. Армянская диаспора в Австралии и Новой Зеландии.....	125
Жарова О.В. Проблемы интеграции экологических процессов в государственную систему Австралии.....	128
Петина О.О. Австралия и Новая Зеландия в архивах ИВ РАН.....	140
Сарабьев А.В. Самоидентификация в условиях полиэтничного общества: арабское диаспоральное сообщество в Австралии.....	147
Тимошенко В.Н. Внутренняя ситуация в Папуа – Новой Гвинее в конце XX – начале XXI века...	151

Тумаркин Д.Д. Остров Новая Россия (к истории подготовки первой экспедиции Н.Н. Миклухо-Маклая на Новую Гвинею).....	158
Хренов Ю.Ф. Значение миграции для Австралии.....	165

Культура

Звягинцева И. Проблемы австралийской и новозеландской кинематографий.....	169
Иванова Л.А. Живопись фасадов мужских домов папуасов абелам и чертежный способ передачи объемных объектов на плоскость.....	175
Петриковская А.С. К истории российско-новозеландских культурных связей.....	176
Чининов И.В. Суда и навигационное искусство народов Микронезии (к постановке проблемы)..	184

Вступительная речь заместителя директора Института востоковедения РАН И.В. Зайцева

200-летний юбилей установления первых контактов между Россией и Австралией широко отмечается в обеих странах проведением ряда общественных и научных мероприятий. В их числе и сегодняшняя научная конференция, организованная Институтом востоковедения РАН под названием «Южнотихоокеанский регион: место встречи Востока и Запада».

Другой примечательной датой является 65-летие установления дипломатических отношений между СССР и Австралией.

Знаменательно, что именно в этот юбилейный год Австралию впервые в истории взаимоотношений двух стран посетил Президент России В.В. Путин. Этот визит придаёт новое измерение российско-австралийским связям, открывает новые горизонты для взаимовыгодного сотрудничества.

Специально к 200-летию юбилею в Австралии был издан совместный труд австралийских и российских учёных: «Встречи под Южным Крестом» (Аделаида, 2007). С российской стороны этот проект возглавил профессор А.Я. Массов из Санкт-Петербурга. В числе авторов сотрудники Института востоковедения – А.С. Петриковская, а также Е.В. Говор, ныне работающая в Австралийском национальном университете. Тот факт, что в Институте востоковедения уделяется большое внимание изучению Австралии, показывают изданные в последние годы книги: В.Я. Архипов «Австралия в мировой экономике» (М., 2005), Н.С. Скоробогатых «Вехи конституционного пути Австралии (1788-2006 гг.)» (М., 2006), А.С. Петриковская «Российское эхо в культуре Австралии» (М., 2002) и «Культура Австралии» (М., 2007).

Российско-новозеландские отношения более «молодые», так как Новая Зеландия начала свое существование в 1840 г., когда был заключен знаменитый «Договор Ваитанги». Однако первые российские мореплаватели посетили острова задолго до этого события – в 1821 г.

Современные дипломатические отношения России (как преемницы СССР) с Австралией и Новой Зеландией имеют более чем полувековую историю. Они были установлены в годы Второй мировой войны, когда наши страны объединились в антигитлеровской коалиции для борьбы с фашистской Германией. Отмечу, что среди участников нынешней конференции присутствует Чрезвычайный и Полномочный посол, Почётный консул Королевства Тонга Юрий Михайлович Соколов. Он возглавлял посольство СССР-России в Новой Зеландии в 1987-1992 гг.

Позвольте поприветствовать и поблагодарить за проявленное внимание к нашей конференции посла Австралии – Его Превосходительство господина Роберта Тайсона и посла Новой Зеландии – Его Превосходительство господина Кристофера Элдера. Выражаю надежду, что сотрудничество между Институтом востоковедения и посольствами Австралии и Новой Зеландии будет развиваться.

Хочу напомнить о ещё одной, более скромной, юбилейной дате – 40-летию создания в Институте востоковедения группы по изучению Тихоокеанских проблем, наследником которой является отдел Южнотихоокеанских исследований. Инициатором создания группы, а затем руководителем отдела был Ким Владимирович Малаховский – автор множества монографий по истории Австралии, Новой Зеландии и Океании. Тогда же зародилась традиция проведения научных конференций с участием учёных из разных научных и учебных центров СССР.

Комплексному изучению южнотихоокеанских стран и в целом Азиатско-Тихоокеанского региона в Институте востоковедения уделяется большое внимание. Очевидна важность и актуальность таких исследований для российской науки, для

формирования российской политики в бассейне Тихого океана. Наши учёные унаследовали и развили научные направления Тихоокеанского института АН СССР, вошедшего в Институт востоковедения при его создании в Москве.

Интерес к изучению Австралии и Новой Зеландии проявляют молодые люди – студенты Восточного университета (учредитель – Институт востоковедения РАН), о чём свидетельствуют успешно защищённые дипломные работы.

Научные конференции по изучению Австралии, Новой Зеландии и Океании являются важным элементом координации исследований на южнотихоокеанской проблематике, своеобразным «смотром» научных достижений отечественных учёных. Они предоставляют возможности для личных встреч и дискуссий по актуальным вопросам австраловедения и океанистики.

Желаю участникам нынешней 28-ой конференции успешной, плодотворной работы!

Речь посла Австралии в России Роберта Тайсона

Мне хотелось бы поздравить вас с удачным выбором темы конференции: ведь АТР – это самый быстроразвивающийся регион в мире. И, разумеется, Россия, частично располагаясь в Азиатско-Тихоокеанском регионе, вносит свой вклад в эти впечатляющие темпы роста.

Учитывая огромный опыт участников конференции и удивительное разнообразие запланированных тем, я попробую вкратце рассказать о современном этапе двусторонних отношений между Австралией и Россией и о недавнем визите в Австралию президента Путина.

Как известно, этот год особенно важен в контексте наших двусторонних отношений: мы отмечаем 200 лет с момента первого контакта (в июне 1807 г. российский шлюп «Нева» вошёл в Порт-Джексон, где ныне находится город Сидней); а также 150 лет консульских отношений и 65 лет дипломатических отношений.

К юбилейному году посольство подготовило небольшой буклет, и я принёс несколько копий с собой.

Австралия и Россия участвуют в различных международных и многосторонних объединениях и сотрудничают, в том числе, по вопросам, связанным с проблемами нераспространения ядерного оружия и региональной безопасности.

Мы с удовольствием отмечаем растущую роль России в регионе АТР, её активное участие в международных организациях, которые представляют интерес и для нас – к примеру, в АТЭС (Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество).

Растёт значимость России как экспортного рынка для австралийских производителей, и мы рассчитываем, что данная тенденция усилится со вступлением России в ВТО. В июне прошлого года мы подписали соответствующее двустороннее соглашение, касающееся России и ее вхождения в ВТО.

Для развития отношений нужны более широкие контакты среди правительственных чиновников и деловых людей наших стран, что позволит исправить наши и ваши устаревшие и не вполне верные представления друг о друге.

Поэтому позвольте мне ещё раз подчеркнуть, что нам было исключительно приятно, что президент Путин сумел совершить визит в Австралию, в ту самую неделю, когда он приезжал в Сидней для участия в Саммите лидеров АТЭС. Впервые глава российского государства побывал с визитом в Австралии.

Это стало прекрасной возможностью развить наши торговые отношения и инвестиционные связи. Президент привёз с собой большую бизнес-делегацию, представителей частного сектора. Мы организовали программы для бизнесменов, специальные встречи и другие мероприятия. В составе делегации были такие крупные компании, как «Русал», «Газпром» и «Норильский никель» (последний, кстати, в настоящее время является крупнейшим российским инвестором в Австралии). Мы подписали двустороннее соглашение об использовании ядерной энергии, которое позволит Австралии экспортировать уран в Россию, что само по себе увеличит объём торговли между нашими странами более чем на 1 миллиард долларов в год. Также было заключено несколько сделок в финансовом секторе, что поможет нам наладить более тесные бизнес-контакты. Кроме того, в ту же самую неделю в Брисбене состоялось важное торгово-культурное мероприятие – «Неделя России в Австралии». Событие было организовано при поддержке Российской академии бизнеса и предпринимательства, Российского союза промышленников и предпринимателей и Правительства штата Квинсленд, и пользовалось огромным успехом.

Я не очень люблю использовать клише, однако я искренне верю, что визит президента Путина станет поворотным пунктом, вехой в развитии наших двусторонних торговых отношений.

Хочу также сказать несколько слов об АТЭС и о результатах встречи лидеров АТЭС в Сиднее. Первый саммит АТЭС прошёл в Австралии (в Канберре) в 1989 г., а в 2007 г. нам было очень приятно снова принимать у себя этот форум. За последнее десятилетие страны-члены АТЭС создали 195 миллионов новых рабочих мест; благодаря экономика этих стран произошёл 70% рост мировой экономики. Австралия стремится усилить роль АТЭС как важнейшей в регионе площадки для бизнеса и кооперации.

Сиднейская декларация глав государств и правительств стран АТЭС поможет выработать более эффективный международный подход к проблеме изменения климата и впервые учитывает интересы как развитых, так и развивающихся стран.

Лидеры АТЭС приняли чёткую программу действий, предусматривающую:

- снижение энергоёмкости в регионе АТЭС на 25% к 2030 г.
- увеличение площади лесных массивов в регионе АТЭС на 20 млн. га к 2020 г.
- создание Азиатско-Тихоокеанской контрактной сети по вопросам энергетических технологий (APNet) в целях укрепления сотрудничества в области энергетических исследований

Лидеры пообещали, что со всей решительностью и гибкостью приложат необходимую политическую волю для скорейшего и успешного завершения раунда переговоров в Доха в рамках ВТО.

Участники выразили готовность предпринять индивидуальные и совместные шаги по улучшению делового климата, а также огласили программу действий, призванных подкрепить региональную экономическую интеграцию, в том числе:

- изучение возможностей создания зоны свободной торговли в регионе АТР
- продвижение структурных реформ
- защиту прав интеллектуальной собственности в регионе, либерализацию инвестиций, укрепление региональных финансовых рынков и повышение качества управления

Главы государств и правительств экономик АТЭС ещё раз подчеркнули важность повышения уровня благосостояния и процветания их населения и согласились сотрудничать по вопросам противодействия терроризму, здравоохранения, защиты продуктов питания, устойчивости и готовности к чрезвычайным ситуациям и стихийным бедствиям и энергетической безопасности. Участники саммита также одобрили меры по укреплению самого института АТЭС.

Австралия и Россия уже осуществляют двустороннее сотрудничество по многим из этих вопросов, но теперь наши отношения получают дальнейшее развитие, в том числе, и по международным каналам. Это не только хорошо само по себе, но также отражает как минимум два основных момента, которые возникли в 21-ом веке. Во-первых, проблемы, с которыми мы сталкиваемся в современном мире – мире после холодной войны, – это наши общие проблемы; во-вторых, Россия к настоящему времени стала, вне всякого сомнения, настоящим членом азиатско-тихоокеанской семьи наций.

Благодарю за внимание!

Речь посла Новой Зеландии в России Кристофера Элдера

Для меня является большой честью быть приглашенным на открытие конференции, посвящённой Южнотихоокеанскому региону.

Эта конференция приходится на двухсотлетнюю годовщину установления двусторонних отношений между Россией и Австралией. Новозеландские связи с Россией не были столь ранними – потребовалось 13 лет, чтобы наши отношения достигли такого же уровня. Это случилось в 1820 г., когда капитан фон Беллинсгаузен сошёл на берег Новой Зеландии. Он возглавлял экспедицию по изучению Южного полярного круга, и после пугающих ледяных просторов золотые пляжи залива Королевы Шарлотты должны были показаться ему раем.

Тем не менее, после первой высадки в России отнюдь не сложилось позитивного представления о Новой Зеландии. Некоторое время спустя Чехов в своём рассказе написал: «Это варварство. Это – Новая Зеландия».

Экспедиция Беллинсгаузена положила начало двум направлениям, на которых строились отношения между нашими странами в дальнейшем. Первое из них – изучение Южного полярного круга. Наш совместный интерес к антарктическому региону стал важным аспектом наших взаимоотношений. Это нашло своё отражение в заключении соглашения о сотрудничестве в области совместного изучения Антарктики в 2005 г.

Кроме того, Беллинсгаузен привёз в Россию первую этнографическую информацию о людях, живущих в Южнотихоокеанском регионе. Он стал основоположником того направления в науке, в котором многие из вас работают сегодня.

Новая Зеландия – страна Южнотихоокеанского региона. Другой путешественник, французский писатель Андре Зигфрид, прибывший в Новую Зеландию в конце 19 века, написал в своём очерке что «главные города Новой Зеландии стоят лицом к Тихому океану и спиной к Австралии».

Это не очень честно по отношению к Австралии, но это отражает огромную важность ЮТР для Новой Зеландии. Окленд в некотором роде является самым большим городом Полинезии. Страны ЮТР – наши ближайшие соседи, и люди этого региона проживают от Новой Зеландии до Северных островов, находящихся недалеко от России.

Конечно, с развитием нашего общества и русско-новозеландских связей, области исследований значительно расширились в обеих странах. Это отражается в большом количестве докладов, представленных на этой конференции. Людям интересны исследования в областях новозеландской языковой культуры, экологии, экономики, культуры, региональных связей и развития двусторонних отношений Новой Зеландии с Россией. Подобная конференция в Новой Зеландии затронула бы столь же обширное количество областей.

Такие исследования являются краеугольным камнем научной работы. Я был поражён, услышав речь министра финансов Новой Зеландии Майкла Каллена, которую он произнёс в британском Кембриджском университете.

М. Каллен подчеркнул важность развития научных связей. Он задал вопрос, что могла бы делать страна, не обладающая достаточным количеством рабочей силы, высокоразвитой промышленностью и обилием природных ресурсов.

Цитирую его ответ: «Всё, что у нас есть – это наши знания. К счастью, знания – самый ценный ресурс из всех. Важны не сами ресурсы, а то, как мы их используем».

М. Каллен также сказал: «Мы добьёмся успеха, вкладывая средства в развитие знаний, навыков, исследований и внедрение инноваций, а также налаживая связи с миром. Инновации обеспечивают нам конкурентоспособность. Основа инноваций – исследования. Сотрудничество является ключевым моментом и от него зависит то, насколько успешными

будут исследования, строящиеся на генерировании новых идей и обмене ими между учёными».

Для того, чтобы выжить и развиваться, Новой Зеландии необходимо создать базу знаний, что можно сделать, работая совместно с учёными со всего мира. Именно поэтому я столь воодушевлён направлением исследований, отражённым на этой конференции, и именно поэтому я надеюсь, что это приведёт к более тесному сотрудничеству между учёными наших стран.

Желаю вам удачных выступлений!

Ход установления дипломатических отношений между КНР и Австралией: исторический фон

Ван Чэнь, Пекин

Установление в 1972 году официальных дипломатических отношений между Австралией и КНР ознаменовало собой вступление этих отношений в новый исторический период. В период времени, предшествовавший этому и последующий период, лидер лейбористской партии Австралии в то время Гоф Уитлэм сыграл ключевую роль.

После Второй мировой войны, началось противостояние двух лагерей – социалистического и капиталистического – во главе с СССР и США, «холодная война» длилась с конца 40-х до 80-х годов, до распада Советского Союза, главным союзником США были Западная Европа, Япония и Канада, а союзниками Советского Союза были Восточная Европа и Китай, борьба между противостоящими лагерями не прерывалась, и особенно сильно проявилась в Корейской войне (1950–1953 гг.), Карибском кризисе (1962 г.) и Вьетнамской войне (1964–1975 гг.). За эти несколько десятков лет «холодной войны» США и их союзники проводили политику «сдерживания» коммунизма, и заключали союзы со странами Западной Европы, Среднего Востока и Юго-Восточной Азии. Отношения между противоборствующими сторонами были настолько напряжёнными, что вполне могла разразиться Третья мировая война, однако степень напряжённости за этот период также несколько раз снижалась, и всё же созрела необходимость в потеплении отношений между лагерями. Ближе к концу рассматриваемого периода, что касается положения на международной арене, то ООН уже официально признала КНР, но позиция Австралии и США по китайскому вопросу всё ещё не была положительной.

В 60-х – 70-х годах и США, и СССР – каждый из них выступал за урегулирование международной обстановки, желая завершить противостояние между двумя великими лагерями. В конце 60-х – начале 70-х, хотя «холодная война» и продолжалась, однако напряжённость начала несколько ослабляться, уже начался процесс «потепления». Китай в это время как раз искал возможности улучшить отношения с США, чтобы получить преобладание в отношениях с Советским Союзом. Перед визитом госсекретаря США Генри Киссинджера в КНР, лидер лейбористской партии Австралии Гоф Уитлэм уже в июле 1971 года во главе делегации посетил Китай, и там поднял вопрос об установлении между Австралией и КНР дипломатических отношений. В феврале 1972 года президент США Никсон прибыл с визитом в КНР и встретился с Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем. После этого руководители США и КНР провозгласили возобновление дипломатических отношений между двумя странами.

В 1971 году ООН признала КНР в качестве своего пятого постоянного члена правления, и в это время «китайский вопрос» стал в австралийской дипломатии центральным вопросом. В самой Австралии коалиционное правительство двух партий (либеральной и аграрной) во главе с Уильямом Макмагоном придерживалось политики непризнания КНР, но в мае 1971 года провозгласило политику «постепенной нормализации», основой которой являлся диалог с КНР в области торговли, но при этом подразумевалась отсрочка и торможение признания любых решений КНР. Пока коалиционное правительство Австралии по вопросу построения дипломатических отношений с КНР пребывало в нерешительности, не зная, как быть, лейбористская партия, которая была в оппозиции к коалиционному правительству, и, главным образом, её лидер Гоф Уитлэм сделали правильную оценку международной ситуации, он нашёл возможность для визита в Китай и изыскал путь для улучшения отношений с КНР. В 1971 году между КНР и Западом получила развитие так называемая «дипломатия пинг-понга». Суть её в том, что в марте в КНР были приглашены несколько западных команд по пинг-понгу, в том числе команды США и Австралии, команда

США посетила КНР в апреле 1971 года, и была принята в Доме собраний народных представителей в Пекине премьером Чжоу Эньлаем. Вслед за этим, КНР посетила команда по пинг-понгу Австралии, что получило широкое освещение в средствах массовой информации. После этого команда по пинг-понгу КНР побывала с визитами в США, Австралии, Европе. «Дипломатия пинг-понга» стала формой неофициального диалога между КНР и Западом.

Одновременно стоит отметить, что хотя в то время между Австралией и КНР ещё не было официальных дипломатических отношений, но уже с 60-х годов Австралия импортировала в Китай пшеницу. В 1970 году по причине того, что один пункт договора по импорту не мог быть подписан, в Австралии по вопросу установления дипломатических отношений с КНР начались публичные дебаты. Лейбористская партия своевременно откликнулась на это, её лидер связался с премьером КНР Чжоу Эньлаем и выразил желание посетить Китай с визитом, предполагаемая цель визита – это исследование и обсуждение торговых и дипломатических отношений КНР и Австралии. В июле 1971 года лидер лейбористской партии в то время Гоф Уитлэм возглавил партийную делегацию и посетил с визитом города Пекин, Шанхай и провинцию Гуандун, в Пекине они встретились с Мао Цзэдуном, Чжоу Эньлаем, Дэн Сяопином и другими более чем сорока высшими китайскими руководителями. Именно этот визит и явился прологом установления дипломатических отношений между КНР и Австралией.

После того, как 21 декабря 1972 года между двумя странами установились дипломатические отношения, высшие руководители стран поддерживали постоянный обмен визитами и контактировали друг с другом. Являясь в Азиатско-Тихоокеанском регионе двумя наиболее значимыми странами, Австралия и КНР по вопросам поддержания мира и стабильности в этом регионе, способствования развитию и процветанию региональной экономики, имеют общее стремление к поддержанию такого положения, поскольку оно выгодно обеим странам, кроме того, они несут общую ответственность за ситуацию в этом регионе. И области возможного сотрудничества КНР и Австралии очень широки.

Благодаря общему старанию правительств и народов двух стран, отношения сотрудничества между КНР и Австралией вошли в долговременное и стабильное русло, непрерывно развивались в здоровой обстановке, и отсюда возникает уверенность, что и в будущем эти отношения будут продолжать развиваться успешно.

В качестве послесловия следует сказать, что и сегодня отношения между Австралией и КНР развиваются в хорошем ключе. Подтверждением этому стал визит в сентябре этого года председателя КНР Ху Цзиньтао в Австралию. В ходе визита Ху Цзиньтао встретился в Канберре с председателем палаты представителей Австралии Дэвидом Хокером и председателем сената Аланом Фергусоном.

Как заявил Ху Цзиньтао, китайско-австралийские отношения всесторонне и углублённо развиваются, взаимное политическое доверие между обеими сторонами непрерывно углубляется, сотрудничество в торгово-экономической области и в других сферах дало огромные результаты, контакты и взаимодействие между обеими сторонами в региональных и международных вопросах становятся всё более тесными, двусторонние отношения переживают наилучший период в своей истории. В рамках этого процесса взаимный обмен между законодательными органами двух государств также наполнен хорошим содержанием, что вносит большой позитивный вклад в углубление взаимопонимания и дружбы между народами обеих стран и развитие всестороннего сотрудничества в китайско-австралийских отношениях. Председатель КНР отметил, что 35-летняя история дипломатических отношений между двумя странами свидетельствует о том, что развитие китайско-австралийских отношений отвечает коренным интересам двух государств и их народов, благоприятствует миру, стабильности и процветанию в регионе и на всей планете. В отношениях между Китаем и Австралией нет столкновения коренных

интересов, напротив, есть широкие общие интересы. Китайская сторона всегда смотрела на отношения с Австралией с точки зрения их перспектив и стратегической значимости и неуклонно развивала эти отношения. Китай рассматривает австралийскую сторону в качестве хорошего партнёра для взаимовыгодного сотрудничества и близкого друга, с которым он может вместе идти по пути совместного развития. Китайская сторона намерена совместно с австралийской стороной прилагать усилия для углубления взаимного доверия, умножения точек соприкосновения, укрепления сотрудничества и открытия будущего.

Источники и литература:

1. www.xinhuanet.com
2. www.sina.com.cn

Отношения Австралии и Новой Зеландии с АСЕАН

Заказникова Е.П., к.и.н., ИВ РАН

Отношения Австралии и Новой Зеландии (АНЗ) с Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) являются важным фактором безопасности и благосостояния этих государств и оказывают значительное влияние на политическую и экономическую ситуацию в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Практически на протяжении всей истории этих отношений их отличала определённая неустойчивость, отражая существующие между данными субрегионами, по многим параметрам, различия, перемены в положении стран и внешнюю конъюнктуру. Но целесообразность сотрудничества превалировала, возникающие время от времени конфликты так или иначе улаживались, и отношения развивались, в целом, в поступательном русле.

Политические и экономические связи Австралии и Новой Зеландии с государствами ЮВА были установлены ещё до образования в 1967 г. АСЕАН в составе Индонезии, Малайзии, Сингапура, Филиппин и Таиланда. Но внешняя политика АНЗ в этот и довольно длительный последующий период проводилась, в основном, в интересах Великобритании и, в возрастающей мере, с США. И их отношения с этими странами стоились не только на двусторонней основе, но и в рамках созданных данными державами организаций, в том числе военных блоков, в орбиту которых были втянуты и молодые государства ЮВА. Однако значение, которое придавали АНЗ связям с этими странами, наглядно продемонстрировал тот факт, что они были в числе первых внешних партнёров АСЕАН.

Интерес Австралии и Новой Зеландии (хотя она тяготела, в основном, к Южнотихоокеанским странам) к АСЕАН усилился также после того, как обозначились перемены во внешнеэкономической стратегии Великобритании, в 1969 г. провозгласившей о намерении уйти из регионов, включающих и Юго-Восточную Азию. Австралия восприняла их с надеждой стать её преемником в ЮВА, заявив, что сохранит в этом субрегионе, главным образом в Сингапуре, своё военное присутствие. Но бывшие метрополии не спешили утрачивать свои военные связи с прежними владениями – как, собственно, и сами эти страны, извлекавшие из них определённые экономические выгоды. В 1971 г. Великобритания создала Оборонительный союз пяти держав с участием Австралии, Новой Зеландии, Сингапура и Малайзии.

Вместе с тем, Австралия активно налаживала свои отношения с Индонезией, где после государственного переворота в 1965 г. к власти пришёл прозападный президент Сухарто. В начале 1972 г. он нанёс официальный визит в Австралию, став первым посетившим эту страну руководителем независимой Индонезии. В результате этого визита была принята программа двустороннего оборонительного сотрудничества, австралийское правительство обещало предоставить Индонезии экономическую помощь.

Но уже вскоре отношения ухудшились, что было связано с усилением сепаратистского движения в соседней с Папуа Новой Гвинеей индонезийской провинции Ириан Джая. Спасаясь от репрессий властей, участники этого движения искали убежища в пограничной зоне, что привело к серьёзному конфликту Австралии с Индонезией. И лишь подписание в 1974 г. соглашения сторон о границе положило начало его урегулированию.

Между тем, к этому периоду наметились признаки переосмысления внешней политики АСЕАН. В 1971 г. на саммите этой организации была принята Декларация о превращении Юго-Восточной Азии в зону мира, свободы и нейтралитета. С 1973 г. началась полоса выхода стран АСЕАН из военных блоков. В 1975 г. Филиппины подняли вопрос о пересмотре соглашения с США о военных базах. В 1976 г. на очередном саммите АСЕАН был утверждён Договор о сотрудничестве в Юго-Восточной Азии, известный как «неагрессивный пакт».

Менялась и внешняя политика АНЗ. После прихода к руководству Австралией в 1972 г. представителей Лейбористской партии правительство заявило о намерении вывести свои войска из Сингапура. Делались и другие шаги в этом направлении. А в 1976 г. была провозглашена стратегия «Австралийской обороны», в соответствии с которой интересы страны стали смещаться в сторону соседних территорий.

И не только в области безопасности. Хотя приоритетом отношений АНЗ оставалась военно-политическая сфера, развивались и торгово-экономические связи. Но они находились ещё на низком уровне. В начале 1970х годов австралийский экспорт в Европу резко сократился, однако соответствующее увеличение его в Азию касалось, в основном, Северо-Восточных стран, и доля ЮВА была небольшой. При этом торговля с государствами АСЕАН осуществлялась на основе введённых Австралией ограничений и, в результате, в условиях дисбаланса с большим ущербом для этих стран. Это встречало, естественно, негативную их реакцию, но, несмотря на все усилия АСЕАН изменить ситуацию, она оставалась, практически, прежней.

Важной вехой в развитии сотрудничества АНЗ с государствами ЮВА было предоставление в 1974 г. Австралии и в 1975 г. Новой Зеландии статуса партнёров по диалогу АСЕАН. Это стало основой согласования программ экономической и технической помощи АНЗ данными странами. Хотя подобная помощь оказывалась Австралией уже с 1967 г., теперь она обрела формализованный характер. В 1977 г. руководители Австралии и Новой Зеландии были приглашены на саммит АСЕАН по случаю 10-летия этой организации. В подписанном его участниками заключительном коммюнике говорилось о необходимости расширения экономического сотрудничества как между этими, так и другими странами. Торгово-экономические связи развивались и по линии негосударственных организаций бизнеса и власти. Но в 1981 г. на АСЕАН приходилось лишь 2,5% австралийского экспорта и 2,9% импорта. Очень небольшой была и доля Новой Зеландии. Активизации этих связей способствовало укрепление сотрудничества между Австралией и Новой Зеландией, в 1983 г. заключивших торговое соглашение о более тесных экономических отношениях, на базе которого и стал, в основном, осуществляться товарооборот с АСЕАН.

Но радикальные перемены в данной сфере стали происходить только с середины 1980-х годов, когда в странах АСЕАН, потенциал которой увеличился вхождением в 1984 г. богатого нефтью Брунея, начался быстрый экономический рост. Австралия и Новая Зеландия поспешили использовать этот потенциал, и развитие их торгово-экономических отношений обрело новую динамику.

В результате удельный вес экономик этих субрегионов в АТР существенно возрос, и они смогли сыграть важную роль в создании в 1989 г. такого глобального объединения, как организация Азиатско-Тихоокеанского сотрудничества (АТЭС). На данном этапе в неё вошли наряду с Австралией, Новой Зеландией и АСЕАН, также Япония, Корея, Канада и США, позднее вовлекая всё новые и новые страны.

Укреплялись и политические связи АНЗ с АСЕАН. Важное значение при этом имел отказ данных государств от дискриминационной национальной политики.

В 1990-х годах развитие отношений двух субрегионов происходило в условиях решительного поворота Австралии в сторону Азии. Они стали гораздо более широкими и разнообразными, но основой оставалась торгово-экономическая сфера. В начале данного десятилетия пропорция АСЕАН в товарообороте Австралии достигла 14%. Вместе с тем, главный инструмент экономического развития этих стран – инвестиции – составляли лишь 4% от всех австралийских зарубежных капиталовложений.

В зоне общих интересов находились и вопросы безопасности – в середине 1990-х годов с ведущими асеановскими странами Австралия заключила договоры об обороне. В 1994 г. во время встречи АСЕАН с Австралией, Новой Зеландией, Папуа Новой Гвинеей,

Японией, Китаем, США, Канадой, ЕС и Россией был образован Региональный форум безопасности АСЕАН. Впоследствии к нему присоединились и вошедшие в период 1995-98 гг. новые члены АСЕАН – Вьетнам, Лаос, Мьянма (бывшая Бирма) и Камбоджа, а также Индия, Монголия и КНДР.

Отношения Австралии с государствами АСЕАН были различными, но наиболее сложными вновь стали с Индонезией, Австралия обвинила её в том, в ходе борьбы с сепаратистским движением в провинциях Ириан, Джая, Аче и Восточный Тимор нарушаются права человека. Пришедшее к власти в 1996 г. коалиционное правительство Австралии во главе с Дж. Говардом предприняло усилия по улучшению этих отношений. Но разразившийся в 1997-98 гг. в Азии финансово-экономический кризис, который отразился и на Юго-Восточной Азии, в Индонезии привёл и к политическому кризису с последовавшей затем отставкой президента Сухарто. Австралия оказала значительную помощь наиболее пострадавшим от кризиса Таиланду и Индонезии. Она также приветствовала выдвинутую новым индонезийским президентом Б. Хабиби программу реформ, включающую, в частности, предоставление Восточному Тимору широкой автономии. Однако в конце 1998 г. позиция Австралии по этому вопросу кардинально изменилась – она стала придерживаться мнения, что период автономии для этой провинции должен стать подготовительным этапом к предоставлению ей права на самоуправление вплоть до отделения. Индонезия крайне болезненно восприняла такую позицию, считая её вмешательством в свои внутренние дела. Двусторонние отношения обрели критический характер после того, как во время проведённого в августе 1999 г., по согласованию с ООН, референдума на Восточном Тиморе, большинство населения проголосовало за независимость, и в провинции развернулась кампания разрушений и убийств сторонников независимости членами поддерживаемой армией полувоензированной милиции. В этих условиях Австралия выступила с инициативой, которая была поддержана и Новой Зеландией, введения на Восточный Тимор контингента международных миротворческих сил. В сентябре Совет безопасности ООН принял соответствующую резолюцию, и такой, состоящий главным образом из австралийцев, контингент, командовал которым австралийский же генерал, был на Восточный Тимор высажен. В знак протеста Индонезия расторгла договор об обороне с Австралией, и двусторонние отношения достигли самого низкого за всю их историю уровня. Возмущение в Индонезии, как и в ряде других асеановских стран, вызвало и появившееся в прессе сообщение о «доктрине Говарда», суть которой заключалась в готовности Австралии стать представителем США в проведении миротворческих операций в Азии.

Накал антиавстралийских настроений в Индонезии несколько снизился после состоявшейся в октябре ратификации индонезийским парламентом результатов референдума на Восточном Тиморе и последующего уведомления руководства ООН новым президентом страны А. Вахидом о завершении его правления над этой территорией. Но напряжённость в австралийско-индонезийских отношениях оставалась.

В результате прихода к руководству Индонезией в 2001 г. Мегавати Сукарнопутри они стали смягчаться. Но вскоре вновь осложнились из-за проблемы беженцев с Ближнего Востока, транзитом через Индонезию пытавшихся добраться до Австралии и Новой Зеландии. Однако выдвинутая Индонезией идея проведения региональной конференции на тему нелегальной миграции и успешное её, совместно с Австралией, проведение способствовало улучшению двусторонних отношений. Особенно – в связи с нарастанием угрозы международного терроризма после трагических событий 11 сентября в США. Необходимость сотрудничества подтвердил и произошедший в октябре 2002 г. теракт на индонезийском острове Бали, когда из более 200 его жертв почти половину составили австралийцы. В этих обстоятельствах Австралия заключила с Индонезией, Малайзией, Таиландом и Камбоджей антитеррористическое соглашение.

Но сотрудничество сторон вновь подверглось испытанию в связи с заявлением Говарда в декабре 1999 г. о том, что в устав ООН следует внести пункт о праве нанести упреждающий удар по террористическим организациям, находящимся на территории любого государства Азии. Ведущие страны АСЕАН выразили категорическое несогласие с такой позицией австралийского руководства. Негативное влияние на отношения АСЕАН с АНЗ оказывало и укрепление их военных связей с США. Особенно – в связи с начавшейся в 2003 г. войной в Ираке, участие в которой приняли и данные государства. Но единства по этому вопросу в АСЕАН не было. В то время как решительно против данной акции выступили мусульманские государства Индонезия и Малайзия, Филиппины и Таиланд также направили в Ирак небольшой контингент своих войск (вскоре, однако, начав их вывод), а остальные страны заняли нейтральную позицию.

Тем не менее, антитеррористическое сотрудничество АСЕАН с АНЗ продолжалось – как на двустороннем уровне, так и в качестве участников международных конференций. К этому подтолкнули происшедшая в 2003- 2004 гг. серия терактов в Индонезии и усиление деятельности исламских и других экстремистов в Таиланде и на Филиппинах. Но этот процесс по-прежнему происходил неравномерно. Так в январе 2004 г. министр иностранных дел Индонезии заявил, что действия Австралии в качестве «американского шерифа в АТР» (именно так озвучил её роль президент США Дж. Буш во время своей поездки по странам ЮВА в 2003 г.) может лишь осложнить ситуацию в регионе. Вместе с тем, в феврале Австралия и Индонезия выступили сопредседателями Региональной министерской встречи по проблеме борьбы с терроризмом. Австралия сократила численность своего контингента в Ираке, о намерении сделать это в марте заявила и Новая Зеландия. В том же 2004 г. Австралия и АСЕАН находились среди представителей 25 государств состоявшегося на Бали Азиатско-Тихоокеанского форума антитеррористического сотрудничества. А также – проведённой в австралийском г. Сидней встрече руководителей сил особого назначения АТР, в том числе США. В Джакарте была организована серия мероприятий по безопасности в АТР с участием более двадцати стран с четырёх континентов. Продолжалась и антитеррористическая деятельность Регионального форума АСЕАН. Соответствующую направленность имел также состоявшийся в апреле в новозеландском г. Окленд форум южнотихоокеанских островов, участником которого была и Австралия.

После переизбрания в октябре 2004 г. на посту премьер-министра Австралии Говарда и избрания новым президентом Индонезии С. Б. Юдхойоно Австралия и Новая Зеландия были приглашены на саммит АСЕАН по случаю 30-летия партнёрских отношений между этими государствами. А в декабре Австралия и Индонезия стали спонсорами организованной в г. Джакарта конференции представителей различных конфессий с целью обсуждения проблемы исламистского радикализма. В апреле 2005 г. состоялся визит Юдхойоно в Австралию, во время которого стороны подписали соглашение о сотрудничестве в области безопасности и в экономической сфере. В том же месяце состоялся и визит в Австралию нового премьер-министра Малайзии Бадави, примечательный тем, что он был первым за 21 год посетившим эту страну малазийским лидером. Политические связи с Австралией развивались и по линии других асеановских государств.

Однако озабоченность стран ЮВА вызвало сделанное в тот же период заявление Говарда о намерении ввести в Ирак, по просьбе членов антииракской коалиции, дополнительный контингент австралийских войск. Вместе с тем, Австралия, где также усиливалась деятельность мусульманских экстремистов, была весьма заинтересована в антитеррористическом сотрудничестве с АСЕАН. В начале 2006 г австралийские власти заявили о желательности подписания с Индонезией нового договора о безопасности взамен аннулированного ею в 1999 г. Но в марте произошёл инцидент, который вызвал самое сильное после восточнотиморского кризиса ухудшение двусторонних отношений – выдача

Австралией виз с предоставлением временного убежища 42 беженцам из Аче, среди которых находились борцы за независимость этой провинции и члены их семей. Индонезия отозвала своего посла из Австралии и заявила о намерении пересмотреть с ней свои отношения. Говард поспешил заявить, что Австралия никогда не поддерживала сепаратистское движение в Аче и выступает за целостность Индонезии. Он также сказал, что австралийским правительством предусматривается изменение правил предоставления убежища нелегальным мигрантам. Вскоре конфликт был улажен, и в июне 2007 г. парламент Австралии утвердил вышеупомянутый договор, хотя и обусловив его ратификацию возможностью мониторинга ситуации с правами человека в провинции Папуа (прежней Ириан Джая).

В августе состоялась встреча членов Регионального форума безопасности АСЕАН, число которых достигло 22. Наряду с обсуждением проблемы борьбы с терроризмом, применения оружия массового уничтожения и преступности в целом дискутировались и вопросы сотрудничества в экономической и гуманитарной сфере. Австралия подписала с АСЕАН соответствующую двустороннюю декларацию.

К этому периоду в торгово-экономических отношениях АНЗ с АСЕАН произошли количественные и качественные сдвиги. Товарооборот стал на порядок больше и приобрёл новый характер. То же имело место и в инвестиционном процессе. Преодолевая последствия кризиса и возобновляя экономический рост, страны АСЕАН добились принципиально важных перемен в торговле с Австралией и Новой Зеландией – уже в 1999 г. маятник дефицита качнулся в их сторону. В целом за 1990-2003 гг. экспорт товаров и услуг Австралии в ЮВА в стоимостном выражении почти утроился, но их поток в обратном направлении возрос впятеро. Отрицательное сальдо в торговле с АСЕАН имела и Новая Зеландия – экспорт товаров и услуг из стран Ассоциации увеличился вчетверо, тогда как новозеландский только удвоился.

В результате роста экономического потенциала АСЕАН валовой внутренний продукт государств этой организации в 2003 г. практически сравнялся с ВВП АНЗ; в совокупности достигнув 1,269 млрд. долларов США, он вплотную приблизился к соответствующему показателю Китая.

В условиях растущей конкуренции с этим государством, а также с другими Северо-Восточными странами Азии, как АСЕАН, так и АНЗ стремились к внутренней интеграции. АСЕАН поставила перед собой такую задачу ещё в 1993 г. с целью стать более привлекательным объектом иностранных инвестиций и в условиях пополнения своих рядов менее экономически развитыми странами. В качестве инструмента интеграции был признан план создания зоны свободной торговли в АСЕАН к 2020 г. А в 2006 г. страны ЮВА пришли к соглашению трансформировать АСЕАН в организацию типа Европейского союза, сократив срок образования ЗСТ к 2015 г. Несколько ранее в том же 2006 г. о создании единого экономического пространства договорились Австралия и Новая Зеландия.

Это создало предпосылки более предметного обсуждения темы либерализации торговли между двумя субрегионами. Но переговоры на эту тему Австралия начала ещё в 2004 г. Она добилась заключения соглашения о зоне свободной торговли с некоторыми странами АСЕАН и активизировала свои усилия в этом направлении с данной организацией в целом. Это имело место в связи с подготовкой к Восточноазиатскому саммиту – появившейся в конце 1990-х годов структуре взаимодействия АСЕАН с Китаем, Японией и Южной Кореей в формате «АСЕАН + 3». На этом саммите, состоявшемся в столице Малайзии Куала-Лумпуре в декабре 2005 г., обсуждался вопрос о превращении такой конструкции в «АСЕАН +6» с включением в неё Индии, Австралии и Новой Зеландии. В ходе обсуждения этой идеи возникли разногласия среди асеановских государств, некоторые из них, а также Китай возражали против участия АНЗ. Однако генеральный секретарь АСЕАН Онг Кенг Йонг и Япония выступили в поддержку данных стран. Свои условия выдвинули Австралия и Новая

Зеландия, согласившиеся, в конце концов, подписать договор относительно торговли и сферы услуг в 2007 г.

Тема либерализации торговли обсуждалась на состоявшемся в сентябре 2006 г. очередном заседании Генеральной ассамблеи Межпарламентской организации с участием большинства стран ЮВА и 10 государств-партнёров по диалогу АСЕАН. И в ещё более широком масштабе в ноябре 2006 г. на саммите АТЭС в столице Вьетнама г. Хюангхьян, где эта организация была представлена 19-ю государствами, на долю которых приходилось 50% мирового продукта и торговли и 40% инвестиций.

А в январе 2007 г. состоялся второй Восточноазиатский саммит, в котором участвовали все 16 вышеуказанных государств. Он принял декларацию о развитии торгово-экономического сотрудничества, в том числе с целью снижения зависимости от импорта нефти за счёт поиска альтернативных источников энергии.

В августе того же года АСЕАН подписала с Австралией соглашение, в соответствии с которым переговоры на тему создания зоны свободной торговли должны быть завершены в 2008 г.

В сентябре в австралийском г. Сидней состоялся очередной, 15-ый, саммит АТЭС, на котором было принято заявление о поддержке усилий к дальнейшей региональной экономической интеграции. Но главным итоговым документом этой встречи 21 государств была Сиднейская Декларация об изменениях климата, в которой выражалось их согласие на сокращение к 2012 г. загрязняющих атмосферу вредных выбросов (хотя эти меры и были обозначены как необязывающие).

В 2004/05 гг. Юго-Восточная Азия (включая малозначащий Восточный Тимор) заняла во внешней торговле Австралии практически третье место. АСЕАН вошла в десятку главных её партнёров в следующих областях: Сингапур и Индонезия в сфере торговли, Сингапур как инвестор, Малайзия, Индонезия и Таиланд – в качестве туристов и студентов.

В 2006 г. австралийский экспорт в АСЕАН составлял 11,1% по сравнению с 12,2% в ЕС и 11,9% в Китай, но 20,4% пришлось на Японию. При этом АСЕАН имела двойной профицит в торговле товарами, небольшой – в сфере услуг и более, чем двойной, – в инвестициях.

Вместе с тем, Австралия предоставила самый большой в истории своей зарубежной помощи объём финансовой поддержки Индонезии после случившегося в декабре 2004 г. стихийного бедствия – цунами. Общая сумма обязательств Австралии в отношении АСЕАН по борьбе с международными угрозами развитию экономической интеграции на 2006-07 гг. оценивается в 630 млн. австр. долларов. Австралия играет большую роль в сфере образования граждан ЮВА.

В товарообороте Новой Зеландии в 2006 г. первое место занимала Австралия. Страны АСЕАН находились на пятой позиции после Китая, Японии и США в импорте и на четвёртой, вслед за Китаем и Японией, в экспорте. Основным содержанием торгово-экономических отношений Новой Зеландии с АСЕАН являются услуги и туризм.

Вышеизложенное даёт основание предполагать, что при всех существующих у АНЗ и АСЕАН трудностях и противоречиях отношения этих двух субрегионов имеют перспективу дальнейшего развития и превращения в ещё более важный фактор интеграционных процессов в АТР.

Источники и литература:

1. Архипов В.Я. Австралия в мировой экономике. М., 2005
2. Архипов В.Я. Австралия на рынках азиатских стран // «Мировая экономика и международные отношения», 2007, №3

3. Заказникова Е.П. Восточный Тимор в ожидании независимости // «Азия и Африка сегодня», 2002, №№ 2,3
4. Самойленко В.В. АСЕАН. Политика и экономика. М., 1982 г.
5. Сланевская Н.М. Интеграционная политика Австралии в Азиатско-Тихоокеанском регионе в 90-х годах XX века. Спб., 2001
6. Урляпов В.Ф. Перспективы формирования Восточноазиатского сообщества // «Дипломатическая служба», 2007, №2, Москва.
7. Australia – New Zealand and South-East Asian Relations. Singapore, 2004
8. The Far East and Australasia. London and New York, 2007
9. The Straits Times, Singapore
10. <http://en.wikipedia.org/wiki/EastAsiaSummit>

Векторы курса СССР в Южнотихоокеанском субрегионе накануне и в период «перестройки»

Лебедева Н.Б., к.и.н., ИВ РАН

В начале сентября 2007 г. в ходе поездки на очередной саммит АТЭС в Сиднее (Австралия) президент РФ В.В.Путина нанес первый официальный визит (в истории двусторонних контактов) главы российского государства в эту далекую и необычную страну, которая при всей своей ориентированности во внешней политике на США в определенном роде является, тем не менее, британским аналогом в Южнотихоокеанском регионе (ЮТР). Но это не мешает ей быть весьма авторитетным и притягательным во многих отношениях государством для ее соседей, как малых, островных в Океании, так и Китая, Японии, динамично развивающихся стран Юго-Восточной Азии (ЮВА) и др.

Пребывание В.В.Путина в Австралии происходило в знаменательное время – 200 лет назад первый корабль из России «Нева» бросил якорь в бухте Порт Джексон (ныне Сидней). 150 лет назад там же и в Мельбурне приступили к своим обязанностям первые российские консулы. А 65 лет назад – 10 октября 1942 г. были установлены российско-австралийские дипломатические отношения.

«Симпатию к Австралии закладывали такие яркие и отважные люди, как Н.Н.Миклухо-Маклай... В России зародился долгий и живой интерес к Австралии... Россияне ценят союзнические отношения, связывавшие страны в годы Второй мировой войны, заслуги австралийских ветеранов, их вклад в разгром нацизма», – подчеркивал Президент РФ на официальных встречах в ходе своего визита. За несколько дней до этого в Брисбене (штат Квинсленд) прошли «Дни России в Австралии» и российско-австралийский Деловой форум «Инновационный рост экономики и взаимовыгодное партнерство». Состоялись также встречи В.В.Путина с членами Совета российских соотечественников в Австралии, общее число которых достигает ныне около 200 тыс. человек [1].

Даже эти официально-протокольные, но яркие мероприятия визита (о деловой, более конкретной и, возможно, наиболее важной его части будет сказано ниже) свидетельствуют о том, что Россия и Австралия открыли новую страницу в своих многолетних, хотя и непростых, отношениях и идут к качественно иному партнерству, преодолевая «tyranny of distance», временные взаимные недопонимания, настороженность и опасения, вызванные определенными объективными обстоятельствами, «провалы» в контактах 90-х гг. прошлого века и многое другое. Как представляется, новый виток взаимодействия между Австралией и РФ демонстрирует серьезное желание российского руководства продолжить курс на активную и всестороннюю интеграцию в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) в целом и в ЮТР, в частности, где обновленная российская политика может стать значимым импульсом и хорошим примером для возобновления и динамизма контактов и с Новой Зеландией, и с некоторыми островными микространами Океании.

Чтобы понять и оценить открывающиеся перспективы развития связей с государствами ЮТР, видимо, необходимо проанализировать совершенные ошибки, извлечь уроки из излишне жестких подходов к реализации собственных интересов, принять во внимание сдвиги и тенденции в международных отношениях (МО) на рубеже веков регионального и глобального уровня, масштабы возможностей рыночной экономики России и потребности экономического роста в странах ЮТР в условиях глобализации и т.п.

Безусловно, и в настоящее время вызывает закономерный интерес суть, цели и основные приоритеты прежнего курса СССР в Южнотихоокеанском субрегионе, хотя такого государства уже не существует. Прошло более полутора десятков лет. Мы живем ныне в

другой стране и по другим законам. Вместе с тем, анализ советской политики минувших лет необходим для понимания как характера изменений в субрегиональной структуре международных отношений, так и очертаний деятельности в ЮТР новой России. А ушедшее время и нынешняя российская реальность позволяют исследовать этот курс не столь идеологизировано, как прежде, и даже с долей критицизма. В представленной статье предлагается рассмотреть два этапа – канун (своего рода предыстория и предпосылки) и период «перестройки». Видимо, целесообразно остановиться кратко на некоторых перспективах политики РФ после развала Советского Союза в период последующих сложных, так называемых «лихих» лет жесточайшего внутреннего кризиса и постепенного выхода российской экономики из него, да и всей России.

В период bipolarности и «холодной войны» в международных отношениях ЮТР также оказался полем военно-стратегического, политического и идеологического противостояния сверхдержав – СССР и США, что и диктовало в значительной мере основные направления реализации советской заинтересованности в данном субрегионе.

Сразу же следует признать очевидный факт, что в иерархии приоритетов СССР в широком контексте Азиатско-Тихоокеанского региона – его южная часть занимала наиболее низкие позиции. Для проведения активного курса здесь существовали ряд ограничителей, которых не было ни у большинства западных, ни у крупнейших тихоокеанских держав.

По существу, СССР приступил к воплощению своих разнообразных целей в субрегионе почти с «нуля» – у него не было ни постоянных дипломатических представительств (естественно, не считая в Австралии и Новой Зеландии)*, ни доступа к тем или иным портовым сооружениям и объектам для смены команды и дозаправки, которые Советский Союз предлагал даже модернизировать или построить заново (например, доки), ни тем более своей территории (хотя многие острова и архипелаги Океании были открыты и изучены известными русскими мореплавателями), ни каких-либо серьезных торговых связей, ни финансовых инвестиций в местный бизнес. Наконец, не было идеологической поддержки или хотя бы элементарного понимания мотивов советской политики со стороны местных, глубоко традиционных обществ. Все это, несомненно, в значительной степени мешало или, по крайней мере, сдерживало внедрение СССР в субрегион.

Деятельность СССР в ЮТР сводилась к довольно интенсивным научным исследованиям Мирового океана и морских ресурсов, сбору информации военного характера, связанной с передвижениями подводных лодок (советских и американских), с ядерными испытаниями на французских объектах, с американскими военными базами и, прежде всего, с ракетным центром Кваджалейн (атолл в группе Маршаловых островов), который играл особую, можно прямо сказать ключевую роль в стратегии США и в АТР, и в ЮТР.

Не случайно директор Департамента Пентагона по Восточной Азии и Тихому океану, адмирал Эдвард Бейкер подчеркивал, что если бы Советский Союз получил прямой доступ к одному из ближайших к Кваджалейну островов, это значительно активизировало бы советские разведывательные операции. По убеждению адмирала, в случае приобретения такого доступа СССР расширил бы космические и иные исследования, программы испытания ракет, глубоководный мониторинг обширных районов Мирового океана, а также наблюдение

---

* Между этими государствами и СССР существовали разносторонние контакты, но не столь широкие. В связи с этим еще в 1984 г. Министр иностранных дел СССР А.А.Громыко говорил о неиспользованных возможностях в советско-австралийских взаимодействиях в торговле, экономике, науке, технологиях и культуре. В мае 1985 г. в Москве были учреждены первый совместный деловой совет и советско-австралийский комитет по развитию торговых связей. В 1986 г. Министр торговли Новой Зеландии в своем интервью во время визита в Москву сообщил об установлении Совета бизнесменов Новой Зеландии и СССР и о растущем интересе деловых кругов его страны к развитию торговли с Советским Союзом, объемы которой были довольно значительными, но с явным уклоном в пользу Новой Зеландии.

за коммуникационными линиями и потоками нефти и товаров, особенно на стыке Тихого и Индийского океанов [2].

В целом, советские возможности в ЮТР по сравнению, скажем, с таковыми в упомянутом выше Индийском океане, который, как и Тихий океан, превратился в огромное поле политико-стратегического противостояния сверхдержав, были минимальными. В индоокеанской зоне у СССР имелись и союзники, и деловые партнеры, и дружественные страны, и некоторые базы или право доступа к ряду местных объектов, и военно-морское присутствие, и т.п.

Существовала еще одна значимая разница между этими районами Мирового океана. Из акватории Индийского океана могла простреливаться вся наиболее важная во многих отношениях европейская часть СССР, вплоть до Урала и Сибири. В ЮТР мощные ВМС США и американский ракетно-испытательный центр на Кваджалейне представляли открытую угрозу безопасности Дальнего Востока, а также некоторым союзникам Советского Союза в Индокитае. Недаром отмечалось в издававшемся в Париже журнале «*Afrique – Asie*», что «Тихий океан под своим обликом тропического рая, беспечности и безмятежности скрывает одну из самых милитаризованных зон в мире. Военное присутствие Вашингтона там ошеломляющее» [3].

Согласно данным, приведенным американскими исследователями У. Аркиным и Р. Филдхаузом в их монографии «Ядерные военные поля: глобальные связи в гонке вооружений», США держали свыше 140 тыс. солдат в Восточной Азии и Тихом океане, которые были размещены (помимо указанного выше Кваджалейна) на базах на Гуаме, атолле Джонстон, Мидвэй, островах Яп, на Филиппинах и т.д." [4].

По источникам журнала «Новое время», на американских базах, военных судах и субмаринах в Тихом океане имелись свыше 10 тыс. ядерных боеголовок [5].

За послевоенный период США произвели несколько десятков испытательных взрывов ядерного оружия на атоллах Бикини и Эниветок, в результате чего окружающие острова были полностью разрушены или признаны непригодными для проживания. В прессе региональных стран их нередко называли «радиоактивными кладбищами».

При этом военная деятельность США в регионе находила широкую поддержку со стороны их партнеров по военным союзам (Японии, Южной Кореи, АНЗЮС и др.) и, в частности, Австралии в предоставлении многочисленных военных объектов на ее территории. Многим представителям политических и даже научных кругов в США весьма импонировал характер отношений в рамках АНЗЮС (Австралия, Новая Зеландия, США), который в послевоенный период верно служил Вашингтону в деле обеспечения их интересов в ЮТР.

Основную роль в реализации своего курса в Азии и Тихом океане Пентагон отводил военно-морским силам (ВМС). По словам журнала «*US News and World Report*», «От Южно-Китайского моря до залива Сидра возрождающийся военно-морской флот служит убедительным свидетельством новых возможностей США и стремлением восстановить их могущество... На сегодняшний день он, несомненно, самый мощный, какой Америка когда-либо имела на морях» [6].

Напротив, Советский Союз имел минимальные связи с государствами Микронезии, где были сконцентрированы крупные военные силы США, и по существу не мог нейтрализовать американские акции в этом субрегионе.

Обеспокоенность СССР активизацией США в Мировом океане и их стремлением стать господствующей силой на морях, возможностью расширения состава АНЗЮС за счет Японии и Канады привела к тому, что мы оказались втянутыми в исключительно дорогостоящую морскую гонку вооружений, которая в конечном итоге, забегая вперед, была проиграна СССР.

С началом «перестройки», в том числе и во внешнеполитическом курсе, с середины 80-х гг. расширилась деятельность, задачи и стратегические установки СССР в ЮТР. Были предприняты активные усилия по признанию СССР Западом и региональными государствами в качестве полноправной тихоокеанской державы. Причем речь шла в полной мере и о ЮТР со всеми вытекающими отсюда советскими интересами и целями.

По каким конкретным направлениям это позиционировалось в Южных морях? Прежде всего, просматривалось устойчивое стремление Советского Союза к ограничению военно-политического влияния Запада путем поддержки существовавших в субрегионе элементов Движения неприсоединения, поощрения отказов властей от допуска в местные порты и аэродромы вооруженных сил западных государств, расширения сети постоянных представительств СССР в странах Океании, повсеместно делались попытки создать оппозицию реализации Свободной ассоциации в составе бывших американских подопечных территорий в Микронезии и США, развернулись переговоры о ловле тунца советскими рыболовецкими судами в океанийских водах и т.п.

Благодаря новым инициативам, СССР сумел достичь некоторого успеха в реализации своего курса в Океании по сравнению с предыдущим периодом. Так, с середины 80-х гг. Советскому Союзу удалось учредить ряд посольств в Океании (например, в Порт-Морсби), расширить свои торгово-экономические связи, подписать с Вануату и Кирибати рыболовные соглашения (с последним на сумму в 1,7 млн. долл.). С подобным предложением СССР обращался затем и к властям Западного Самоа, но получил отказ [7].

Помимо этих задач, Советский Союз ставил достижение и более широких целей в рамках всего АТР. Так, следует указать на столь же настойчивые шаги по ограничению военно-морского превосходства Запада в АТР в целом путем выработки механизмов по контролю над вооружениями, прежде всего военно-морскими.

Активно проводился курс на сужение масштабов деятельности АНЗЮС и размывание австралийских и новозеландских военных обязательств в его рамках, что частично было достигнуто в отношении Австралии и в большей мере Новой Зеландии, хотя не прямым образом. Смена руководства в этих государствах, где в 1983-1984-х гг. к власти пришли лейбористы, внесла серьезные коррективы в характер взаимосвязей внутри АНЗЮС, который всегда получал высокую оценку со стороны Пентагона. Антиядерные позиции правительств и той, и другой страны, воля большинства населения, направленная на превращение Южных морей в безъядерную зону, вызвали на этот раз нескрываемое раздражение правящих кругов США. Особенно жесткую реакцию Вашингтон проявил на решение новозеландского правительства Д.Лонги, запретившего заход в порты своей страны американских кораблей с ядерным оружием на борту.

Советский Союз первым из пяти ядерных держав подписал протоколы 2 и 3 к договору Раротонга о безъядерной зоне в южной части Тихого океана, поддержал требования Южнотихоокеанского форума (ЮТФ) о предоставлении независимости Новой Каледонии и многое другое.

Для советских инициатив в эти годы сложилась более благоприятная атмосфера в ЮТР. Во-первых, произошла смена политического руководства в ряде микрогосударств, где нарождавшаяся, получавшая образование за рубежом новая элита, несмотря на ее традиционно консервативный настрой, оказалась более восприимчива к значительным сдвигам в МО и на глобальном, и на региональном уровне, привержена к обновленным вениям и некоторым экспериментам по сравнению со своими предшественниками. Это проявилось в расширении межгосударственных связей и контактов, в стремлении к диверсификации источников получения внешней помощи, в поисках дополнительных торгово-экономических возможностей для своей весьма слабой и зависимой экономики.

Во-вторых, позитивное воздействие стали оказывать глобально-региональные факторы – заметное улучшение отношений Восток-Запад, начавшиеся в Советском Союзе разнообразные внутренние реформы, вывод советского воинского контингента из Афганистана и т.п. Все это способствовало эрозии традиционной подозрительности и недоверия к Москве, к советским акциям и интересам в субрегионе. Так, даже заключение соглашений по рыбной ловле с Вануату и Кирибати в то время имело определенный политический эффект для СССР. Его суть состояла в снижении обеспокоенности по поводу истинности экономических целей Москвы со стороны Запада, который утверждал, что под видом ловли тунца советские корабли вели сбор военной информации и т.п. Между тем даже местные лидеры, например, Президент Кирибати Ж. Табаи неоднократно указывал на чисто экономический характер рыболовного соглашения СССР с его страной. Во время визита в Австралию в 1987 г. советский Министр иностранных дел также пытался убедить своих местных коллег в том, что СССР действительно намерен усилить свое влияние в субрегионе, но через механизм расширения торгово-экономических взаимосвязей и рыбную ловлю, а не какими-либо иными методами. [8]

Инициативы, выдвинутые затем во Владивостоке 28 июля 1986 г. и Красноярске 18 сентября 1988 г., подтвердили цели СССР в АТР – активизация разнообразных контактов с его государствами, основанные не на принципе идеологического противостояния, а на отказе от конфронтационности, на учете взаимных интересов, большей открытости, доверии и гибкости в политических и военно-стратегических курсах сторон. В этих инициативах высшие приоритеты страны были отданы стремлению к интеграции СССР в политические, экономические и иные структуры и процессы в АТР.

Делались интересные предложения по участию США, Австралии и других государств в освоении Дальнего Востока и Сибири, что, по мнению некоторых зарубежных политологов, рассматривалось, как дополнительная попытка снизить напряжение между Востоком и Западом и тем самым получить определенные преимущества по ограничению бремени военного бюджета. К сожалению, эти советские инициативы не находили должного понимания и позитивного ответа со стороны Запада.

Вместе с тем СССР продолжал фокусировать свое внимание на таких актуальных, но болезненных проблемах, как ядерное оружие и его ограничение, критиковать колониальную политику Франции в ее владениях в ЮТР, проблемы экономической помощи Океании и захоронения на некоторых островах радиоактивных отходов и др. Безусловно, ведущим государством, с которым СССР прежде всего активизировал политические и экономические взаимоотношения, оставалась Австралия, руководство которой, тем не менее, не до конца верило в истинные намерения Советского Союза в Южных морях и настороженно следило за расширявшимися разнообразными акциями Москвы в регионе.

Следует указать, что в русле нового политического курса СССР разнообразил формы традиционных взаимосвязей, приглашал в Советский Союз некоторых просоветских политических деятелей и профсоюзных лидеров, активистов обществ дружбы, студентов на курсы или учебу, оплачивал проезд на конференции и т.п. [9].

Эти, возможно, чрезмерно идеологизированные меры, курс на антиамериканизм, не всегда удачные поиски понимания советской политики в регионе, путей влияния на местную среду и т.п. подвергались довольно жесткой критике со стороны западных специалистов по Океании. Характерны в этой связи острые, зачастую необъективные и даже явно заангажированные высказывания Ф. Буббайера в его статье, опубликованной в мае 1988 г. в журнале «Asian Survey», в которой автор рассматривал любые шаги, предпринимаемые Советским Союзом в субрегионе, крайне предвзято, без учета истинных экономических и политических интересов как СССР, так и островных микросоциальных обществ -- их опасения ядерного оружия, расположенного в субрегионе, их жизненно важную потребность в

реальной экономической помощи и т.п. Так, он полагал, что советские эксперты самым тесным образом связывали проблемы разоружения с более широким идеологическим конфликтом СССР и США, рассматривая все события и сдвиги в регионе через призму «антиамериканизма» [10].

Английский автор напрочь исключил итоги научных изысканий значительной группы советских ученых, которые с большим тактом и даже любовью в течение многих десятков лет проводили и ведут ныне широкие этнографические, географические, демографические, культурологические, политические, социально-экономические и иные исследования океанийских традиционных обществ, воздействия на них модернизации, глобализации и других современных процессов.

Такой же в основном была и реакция правящих кругов Запада на стремление СССР установить и расширить отношения со странами ЮТР по разным каналам. Они продолжали пытаться ограничить сферу советских интересов северной и северо-западной частями Тихого океана, умалить в глазах океанийских лидеров определенные выгоды экономического и иного сотрудничества с СССР.

Однако Австралия и Новая Зеландия – крупнейшие субрегиональные государства, не желая малейшего ущемления своего влияния и лидирующих позиций в ЮТР, постепенно подходили к осознанию необходимости переоценки советских глобальных и региональных притязаний и интересов. Необходимо отметить, что одним из последствий этого процесса было расширение собственных дипломатических представительств и программ помощи микрогосударствам ЮТР. Более того, обе страны все чаще стали оказывать давление на Вашингтон с тем, чтобы и США взяли на себя более активную роль в Южных морях.

Это побудило, в свою очередь, американскую администрацию установить небольшие программы помощи развитию, главным образом, в области образования, культурного обмена, расширить дипломатическое присутствие. Подобные сдвиги в отношении Вашингтона к Океании не мешали им, однако, продолжать пропагандировать тезис «русские идут», который также пробудил и в АНЗЮС интерес к проблемам Океании и положил начало пересмотру военно-политических принципов взаимоотношений с островным миром, а затем оказанию небольшой помощи в военной сфере.

Тем не менее у Советского Союза сложились дипломатические связи с П-НГ, Западным Самоа, Королевством Тонга, Фиджи, Республиками Кирибати, Тувалу и Вануату. На первый взгляд казалось, что перед нашей страной открываются благоприятные возможности для их динамизма и многогранного развития.

Каких же результатов смог достичь Советский Союз, используя новые, более широкие механизмы взаимодействий? Отвечая на этот непростой вопрос, следует признать, что они оказались все же весьма скромными. Помимо упомянутой «руссофобии» причин такого неуспеха было несколько. 1). Довольно узкие возможности экономической помощи микрогосударствам Океании. Те, даже не слишком значимые миллионы долларов такой помощи, по мнению австралийского ученого Ф.Медянского, не только не оказывали какого-либо значительного воздействия на местные бюджеты, а скорее служили своего рода катализатором для традиционных западных доноров [11].

2) Рыболовные соглашения не были пролонгированы – советские рыбаки не умели ловить дрейфтерными сетями и были непривычны к местным условиям.

3) Немногие политические достижения, например, по ядерному ограничению, были скорее результатом активности региональных общественных движений, австралийских и новозеландских левых, профсоюзов, борцов за мир, женских и религиозных организаций, чем советской дипломатии.

4) Весьма ограниченными были возможности опоры на местные силы, и это при том, что в регионе существовали и успешно действовали просоветские фронты и активисты,

исповедовавшие марксизм и поддерживавшие советскую политику и на региональном и на глобальном уровне. К их числу можно отнести Всемирную федерацию профсоюзов, Тихоокеанское сообщество профсоюзов, Совет мира, национальные и региональные организации мира, Конгресс международного сотрудничества и разоружения, Южнотихоокеанский форум профсоюзов, объединивший рабочих Австралии, Японии, Фиджи, П-НГ, Кирибати, Новой Каледонии, Палау, Соломоновых островов, Вануату и др., общества дружбы и т.п. Формы их деятельности состояли в развертывании антиядерных кампаний, выступлений против заходов кораблей США с ядерным оружием на борту, поддержка антиколониальных движений и т.п. [12].

5) Однако главной составляющей в советской политике в субрегионе было военно-стратегическое направление. Оценивая военный баланс СССР и Запада, прежде всего США, следует признать, что и качественно и количественно преимущества оставались, по мнению военных экспертов, на стороне последних. Исключение составляли советские подводные лодки, которые, тем не менее, не были способны преодолеть так называемую «тиранию дистанции» («*tyranny of distance*») и поддерживать морские операции на огромном расстоянии, скажем, в Океании, будучи оторванными от своих дальневосточных баз.

Для советского флота в большей мере были доступны пространства северной части Тихого океана, где он мог вести подводные, а также противолодочные минные операции, включая районы в Малаккском и других индонезийских проливах, где пролегают исключительно важные для Запада коммуникации между Индийским и Тихим океаном, по которым перемещаются потоки нефти и товаров в Восточную и Юго-Восточную Азию.

В сложившихся условиях главной целью Советского Союза оставалось достижение региональных соглашений по контролю над вооружениями во всем тихоокеанском регионе, которые снизили бы отмеченное выше западное превосходство в военных силах.

Советские предложения в области ограничения военно-морской деятельности не встречали поддержки со стороны Вашингтона и его союзников, поскольку не учитывали в тот период такого важного обстоятельства, что США являлись ведущей мировой морской державой, связанной широкими и разнообразными обязательствами со своими союзниками и торговыми партнерами в АТР, имевшей огромную и весьма разветвленную сеть военных баз и объектов вдоль океанских берегов и на островах.

Исходя из более реальной и взвешенной оценки намерений и целей Запада и США в регионе на рубеже 80-90-х гг., советское руководство шаг за шагом, постепенно пришло к пониманию того, что американские ВМС, их присутствие в Океании не представляли прямой угрозы для дальневосточной территории СССР, а в определенной мере выступали в качестве стабилизирующего фактора не только в северной, но и в южной части Тихого океана, где с конца 80-х гг. поднялась довольно сильная волна кризисных ситуаций в ряде некогда «спокойных» островных стран (Фиджи, Папуа – Новая Гвинея (П-НГ) – остров Бугенвиль, Соломоновы Острова и др.), которые вызывали обеспокоенность не только регионального, но и всего мирового сообщества. Правда, надо признать, что более весомую и конкретную миротворческую роль в этом регионе играла все же Австралия.

В целом это отвечало интересам СССР, который со своей стороны предложил распространить концепцию «равной безопасности» и на Южные моря, пытаясь тем самым оказать воздействие на островные государства таким образом, чтобы при оценке проблем безопасности их руководство исключало обе сверхдержавы. А поскольку советские военные корабли в Океании не дислоцировались, то позиции океанийских лидеров по указанным проблемам позиционировались бы против другой сверхдержавы – против США. Другими словами, новая концепция формулировалась иначе и была сведена к проведению своего рода ревизии стратегических задач АНЗЮС с целью постепенно ограничить военно-морскую активность США, а затем, по возможности, довести ее до минимума в Южных морях.

В связи с этим на данном этапе Советский Союз продолжал по всем каналам выступать с критикой планов США создать крупные военные базы на Палау и в Микронезии (на Марианских островах) в том случае, если Пентагон потеряет доступ к базам на Филиппинах.

Вместе с тем, трезво оценивая свои возможности в субрегионе, когда ни одно островное государство не ответило положительно на стремление Советского Союза заполучить право на пользование каким-либо местным портом, советское руководство пришло к здравому осознанию того обстоятельства, что ни военно-морская активность в Южных морях, ни военно-морское присутствие здесь, ни допуск к местным объектам не принесут нам того, что могли бы дать такие высшие приоритеты и цели, как соглашение по контролю за морскими вооружениями, улучшение разносторонних отношений с Австралией, запрет на заходы американского флота с ядерными установками и оружием на борту в порты субрегиона, наконец, ограничение масштабов деятельности и влияния АНЗЮС и т.п. [13].

Однако нельзя не отметить, что, несмотря на нереализованность некоторых конкретных планов в Океании, Советский Союз сумел добиться к рубежу 80-90-х гг. своей, по-видимому, главной задачи – признания Западом его дипломатического, торгового и рыболовного присутствия и интересов в Южных морях. Тем не менее, Запад продолжал линию на ограничение советской деятельности в сфере военной разведки и политической активности, которые, как и прежде вызывали определенную настороженность и неприятие со стороны большинства западных и местных кругов.

Распад СССР вызвал необходимость переоценки и курса в ЮТР, и возможностей в условиях жесточайшего кризиса в стране. Неотложность решения целого ряда сложных внутренних проблем вынуждало Москву по-прежнему отдавать самые низкие приоритеты субрегиону, а отсутствие ресурсов твердой валюты в еще большей степени ограничивало и без того скромные возможности в торгово-экономических и иных взаимосвязях. По рассказам Полномочного и Чрезвычайного посла РФ в Новой Зеландии, а также в ряде океанийских государств, Ю.М.Соколова, в какой-то момент не было денег даже на заработную плату сотрудникам посольства.

В создавшейся ситуации Россия как правопреемница бывшего Советского Союза вряд ли могла заметно расширить и активизировать свою деятельность. Россия, безусловно, учитывала весьма низкие результаты при довольно крупных затратах на рыбную ловлю в центральном районе Тихого океана, которые прежде осуществлялись советским рыболовецким флотом. Ныне она могла бы предпринять поиски новых возможностей, скажем, в той же рыбной ловле, но не на двусторонней основе с той или иной страной Океании, а на базе сотрудничества с Агенством по рыбной ловле ЮТФ.

Было маловероятным в самом начале 90-х гг. сохранение за Россией того уровня наработанного прежде объема торговых связей, который был достигнут Советским Союзом к концу 80-х гг. Пожалуй, некоторым исключением стали в этой сфере отношения с П-НГ и Фиджи, обладающими более широкими возможностями среди других стран Океании. Опыт СССР, который провел переговоры с П-НГ относительно бартерных сделок по кофе за советские вертолеты, мог бы быть весьма полезным.

Столь же узки оставались условия создания каких-либо совместных предприятий России и островных стран. Россия могла бы поддержать инициативу бывшего СССР по участию в организации рыбоперерабатывающего завода в одной из стран ЮТР, но в данной области ощущалась сильная конкуренция со стороны Японии и Тайваня, которые безусловно не желали ослаблять свои позиции.

Существовали у России планы в реализации небольшого проекта помощи в здравоохранении на многосторонней основе – в рамках региональной организации или под эгидой ЮНИДО. В целом, в этот период российский курс и позиции в ЮТР оставались на

таком же низком уровне, как впрочем и военно-стратегическая деятельность, которая, по мнению большинства правительств в субрегионе, уже не представляла угрозы ни региональной безопасности, ни безопасности каждого, отдельно взятого государства Южных морей.

Однако Россия, поглощенная своими внутренними трудностями и экономической реформой, не могла уделять достаточного внимания субрегиону. Учитывая, что «советская военная угроза» здесь так и не материализовалась, российская активность в других сферах все же требовала и определенной реакции, и определенной координации со стороны Запада и региональных государств. При изменившихся реалиях в мире и на глобальном и на региональном уровне прошлая степень внимания или невнимания к нуждам Океании и сам характер политики Запада в конфликтных ситуациях с ее странами уже не определяли любые успехи и промахи курса бывшего Советского Союза. Иначе говоря, излюбленная западными теоретиками МО концепция «игры с нулевой суммой» уже не действовала в новой субрегиональной ситуации. Исходя из этого обстоятельства, Запад строил свою стратегию с учетом намерений России интегрироваться в мировые политические и экономические процессы, что соответствовало некоторым ее обновленным глобальным и субрегиональным приоритетам и закономерной заинтересованности в стабильности и юго-западной части Тихого океана, и АТР в целом.

Между тем эффективность указанных выше узких возможностей расширения связей со странами субрегиона зависела напрямую от продвижения России к конкурентной рыночной экономике и, в частности, к конвертируемости рубля, что являлось в тот период делом будущего.

Кроме того, многие западные политологи считали, что участие России в субрегиональных организациях Южных морей в то время было не реально и ссылались при этом на опыт США, значительное военное и иное присутствие которых в этой части Тихого океана помогло им в итоге достичь полноправного членства только в одной важной субрегиональной группировке – Южнотихоокеанской комиссии (ЮТК).

Один из немногих, но вероятно оптимальных путей интеграции России в субрегиональные процессы виделся им на перспективу в ее сотрудничестве с океанийскими странами и западными державами вместе, как бы в единой команде. И хотя даже ограниченный круг объективных интересов бывшего Советского Союза в Южных морях, попытки установить более весомое дипломатическое и иное присутствие, могли рассматриваться малыми государствами с менее значительной долей обеспокоенности, в будущем у России могут возникнуть более широкие возможности для сотрудничества и, прежде всего, в области совместных океанографических и гидрографических исследований, а в более масштабном плане – исследований морских ресурсов, предложения о которых со стороны СССР ранее просто отвергались в силу опасения Запада, что они могли быть использованы в военных целях.

Минули «лихие» 90-е гг., а с ними и самые сложные проблемы экономического, внутривнутриполитического кризиса в России. По мере его преодоления и консолидации усилий и экономических возможностей обновленной России стали постепенно восстанавливаться ее взаимосвязи с государствами ЮТР, прежде всего с Австралией и Новой Зеландией. Так, за последние годы достигнут стабильный рост взаимного товарооборота с Австралией – в 2006 г. он увеличился на 87%, а в первом квартале 2007 г. еще на 50%, хотя в целом его объем все еще незначителен – 524,2 млн. долл. в 2006 г.

Реализуются некоторые инвестиционные проекты – в марте 2006 г. «Норильский никель» приобрел никелевые активы компании «Ом групп», специализирующейся на разработке никелевых рудников в Австралии. В июле того же года была завершена сделка по приобретению «Норникелем» канадской компании «ЛайонОр» с крупными активами в

Австралии, ЮАР и Ботсване. Компания РУСАЛ выкупила 20% акций алюминиевого концерна «Квинсленд Алюмина».

По оценкам, общий объем российских инвестиций в австралийскую экономику уже составил около 1,3 млрд. долл., а австралийских в России – около 0,55 млрд. долл. Только РУСАЛ приобрел пакеты на сумму в 400 млн.долл., группа «Металинвест» – 80 млн. Большие инвестиции сделали ЛУКОЙЛ и другие российские компании.

Важную координирующую роль в создании благоприятных условий для наращивания объемов и диверсификации взаимной торговли призвана сыграть межправительственная Смешанная российско-австралийская комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству, подписание соглашения об учреждении которой произошло во время исторического визита Президента РФ в Австралию в сентябре 2007 г.

Россия и Австралия заключили также важное Межправительственное соглашение о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях. Отныне РФ сможет покупать у Австралии уран для обогащения на своих предприятиях и использования на своих атомных электростанциях. Согласно документу, ядерный материал, оборудование, компоненты и технология будут использоваться только в мирных целях и не будет передаваться за пределы территории стороны-получателя без предварительного письменного разрешения стороны-поставщика.

Выступая на пресс-конференции по итогам прошедших переговоров, В.В. Путин заявил, что считает перспективным сотрудничество с австралийской стороной в ядерной области, – «Мы можем работать на двусторонней и многосторонней основе, особенно учитывая наше предложение о создании международных центров по обогащению. У нас есть необходимые технологии, есть и сырье, а Австралия, как известно, страна № 1 по запасам урана – 40% разведанных его запасов находятся на «Пятом континенте» [14].

Помимо торгово-экономического сотрудничества и взаимосвязей в инвестиционной сфере, будут расширяться другие направления – область высоких технологий, добывающие отрасли, топливно-энергетический комплекс, научные исследования, разработка, строительство, эксплуатация исследовательских реакторов и АЭС, ядерная безопасность, обмен информацией, обучение сотрудников, организация совместных проектов и учреждение совместных предприятий.

Лидеры России и Австралии приняли, кроме того, два совместных заявления по проблемам изменения климата и вопросов энергетики, а также подтвердили общую заинтересованность в борьбе с терроризмом как в своих странах, так и в глобальном масштабе.

Эти и другие документы и соглашения, принятые в ходе визита, демонстрируют огромные усилия с обеих сторон с тем, чтобы совершить прорыв во взаимодействиях РФ и «Пятого континента» по самым разнообразным направлениям, что сможет послужить образцом и примером для других государств ЮТР.[15] Видимо, можно надеяться, что временное «похолодание» 90-х гг. кануло в вечность, впереди – подъем и развитие взаимосвязей в самых разных сферах между РФ и государствами ЮТР.

Источники и литература:

- 1.The Sydney Morning Herald, 7-8.09.2007.
- 2.Mediansky F.A. – «Threat Perception in the South-West Pacific Region: An Australian Perspective» – in «Pacific Security Towards the Year 2000», ed. By D. Alvis, Wash., 1988, p. 301.
3. Цит. по «Развивающиеся страны Азии в системе Международных отношений (тенденции 80-х годов), М., Наука, 1990, с. 201.

4. W.Arkin and R.W.Feildhouse. – «Nuclear Battlefields: Global Links in the Arms Race», Ballinger Publishing Co, Cambridge, Ma., 1985, p.169, «Briefing Paper», The National Disarmament Program, Philadelphia, PA, March 23, 1989, pp. 1, 6.
5. «Новое время», 22 августа 1986, с. 13.
6. «US News and World Report», Wash., 10.08.1982, p. 36.
7. См. подр. Лебедева Н.Б. – «Некоторые новые черты международных отношений в Юго-Западной части Тихого океана» – Современность и Восток, № 3, 1988.
8. «Правда», 15.08.1986, FBIS, 19.08.1986, «Правда», 27.04.1987.
9. Лебедева Н.Б. – «ЮТФ», глава в коллективной монографии «Межгосударственные региональные организации Азии в международных отношениях», М., Наука, 1991, сс. 187-188.
10. «Asian Survey», 1990. v.XXX, N. 9, pp. 916-917; *ibid.*, 1988, v. XXVIII, N.5, pp. 573-593.
11. Mediansky F.A., *op.cit.*, p. 300.
12. *ibid.*, p. 301; «Asian Survey», 1990, v. XXX, N. 9, pp. 916-920.
13. *ibid.*
14. См. «Компас», №№ 36-38, 2007, «The Sydney Morning Herald», 9-10.09.2007.
15. там же, «Пульс планеты. АТР», ИТАР-ТАСС, 7 сентября 2007 г., с.АК-2-3.

Монография «Encounters under the Southern Cross: two Centuries of Russian-Australian Relations 1807-2007» (Ed. by A. Massov, J. McNair, T. Poole, Adelaide 2007)

Массов А.Я., д.и.н., Санкт-Петербургский государственный морской технический университет

Книга специально готовилась к 200-летию юбилею. К участию были приглашены ведущие специалисты в тех конкретных областях отношений двух стран, которые должны были быть отражены в монографии. Среди австралийских участников Грэм Джилл – профессор истории в Сиднейском университете, историк Кевин Уиндл, доцент Австралийского национального университета, Елена Говор, теперь сотрудник Австралийского национального университета, и Дэвид Ловелл – профессор истории в военной Академии австралийских сил обороны в Канберре. Из Российский авторов – А.С.Петриковская, Г.И.Каневская из ДВГУ, бывший консул России в Сиднее Ю.Д.Аксенов и бывший посол России в Австралии в 2001-2005 гг. Л.П.Моисеев. Редакторами и также авторами книги выступили историк, специалист по отношениям России и Австралии в годы второй мировой войны Томас Пул (работал в Квинслендском университете, сейчас уже на пенсии), Джон Макнейр, тоже из Брисбена, культуролог и филолог, координатор русских программ в школе лингвистических и сравнительных культурологических исследований Квинслендского университета и я (д.и.н., проф., зав. кафедрой истории Санкт-Петербургского государственного морского технического университета). Существенный вклад в подготовку книги внёс Ю.Д. Аксенов. Он, в частности, сумел привлечь к работе Л.П.Моисеева, что в некоторой степени повысило статус издания. Опубликовал книгу Энтони Кроуфорд, владелец издательского дома в Аделаиде, который в силу личных симпатий к России охотно сотрудничает с русскими авторами и готов публиковать работы по российской тематике.

Монография, общий объем которой 419 страниц, состоит из шести частей. В первых двух речь идет о развитии связей двух стран в XIX – начале XX веков. Это главы А.Я.Массова о визитах в Австралию русских кругосветных мореплавателей, которые, собственно и положили начало контактам народов двух стран, а также рассказ о нарастании русофобии в Австралии с середины XIX в. и вплоть до начала XX, когда австралийцы вполне серьезно ожидали нападения русского флота на австралийские города в случае войны Англии и России. По просьбе австралийцев А.Я.Массов написал главу о несостоявшихся планах Миклухо-Маклая создать русскую сферу влияния в Океании и учредить русскую колонию на Новой Гвинее. Ю.Д.Аксеновым и А.Я.Массовым подготовлена глава о становлении и деятельности русской консульской службы в Австралии в 1857-1918 годах. Елена Говор рассказала о первых русских поселенцах на пятом континенте, о русской эмиграции в Австралию в конце XIX – начале XX вв., как трудовой, крестьянской, так и революционной, об участии русских австралийцев в первой мировой войне в составе корпуса АНЗАК.

Главы о русско-австралийских отношениях в XX – начале XXI века охватывают III, IV и VI части книги и написаны, в основном, австралийскими авторами. Кевин Уиндл подготовил главу об активизации деятельности русской революционной эмиграции в Австралии в связи с революционными событиями в России в 1917 г. Ценность этой главы во многом обусловлена тем, что она носит историографический и источниковедческий характер. Уиндл собрал и подверг критическому анализу документальные материалы о деятельности Фёдора Сергеева (Артема), Петра Симонова, Александра Зузенко, семьи Розенберг, Германа Быкова. В фактографическом плане эту тему развивает в своей главе, посвященной связям Австралии и СССР в 1920-1940 гг. Дэвид Ловелл. Он рассказывает о реакции австралийских социалистов на Октябрьскую революцию в России, об отношении к коммунизму и СССР австралийского рабочего класса и общественного мнения в целом и затем подробно останавливается на отношениях Компартии Австралии и Коминтерна. Джон Макнейр свою

главу посвятил анализу впечатлений об СССР посещавших его австралийцев, как представителей левой части политического спектра Австралии, так и людей более умеренных и консервативных взглядов. В характере одобрения или, наоборот, в инвективах против увиденного в Советском Союзе отражались, как считает Макнейр проблемы самого австралийского общества межвоенных десятилетий. Томас Пул в главе об отношениях СССР и Австралии в годы второй мировой войны освещает такие проблемы как эволюция восприятия СССР австралийским обществом и правящими кругами Австралийского Союза в период с 1939 по 1941 г., установление дипломатических отношений между Австралией и Советским Союзом в 1942 году. Исследуются масштабы и характер помощи Австралии и австралийцев СССР, деятельность руководителя общества культурных связей с Советским Союзом Джесси Стрит, положение дел в Австралийской компартии. Весьма интересен рассказ Пула о русском фашизме, идеология которого нашла приверженцев среди некоторых членов русской эмигрантской общины.

Добротный анализ отношений между Австралийским Союзом и СССР в период холодной войны вплоть до крушения СССР в 1991 г. содержится в главе Грэма Джилла. Освещая спады и подъемы в очень непростых отношениях двух государств в эти годы, Джилл указывает, что сами по себе отношения двух стран не играли большой роли в палитре их внешнеполитических связей и обе страны рассматривали друг друга исключительно сквозь призму идеологических предрассудков. При этом и СССР, и Австралия были, в общем-то, вполне удовлетворены невысоким уровнем политических, экономических и культурных связей, характерным для отношений двух стран в этот период. Глава об отношениях постсоветской России и Австралийского Союза в 1991-2006 годах и о возможных перспективах развития этих отношений подготовлена российским автором. С присущими настоящим дипломатам изяществом и осторожностью в оценках ее написал Леонид Петрович Моисеев. Не отрицая трудностей и подводных течений в отношениях наших государств, автор видит хорошие перспективы для развития экономических связей и возможности углубления политического сотрудничества на базе совместной борьбы с терроризмом. И это, в конечном итоге, сможет стать, по мнению Моисеева, достойным вкладом России и Австралии в сохранение стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Три главы 5-го раздела книги посвящены тому, что теперь принято называть гуманитарными аспектами отношений. История русской эмигрантской общины в Австралии с 1920-х годов вплоть до наших дней освещена в главе Галины Ивановны Каневской. Здесь речь идет о судьбе и проблемах адаптации в австралийском обществе представителей так называемой белой эмиграции, о перемещенных лицах, попавших в Австралию после второй мировой войны, и о «харбинцах», вынужденных бежать на пятый континент из коммунистического Китая после 1949 года. Алла Савельевна Петриковская проследила историю культурных связей Австралии и России, собрав и представив малоизвестные и очень интересные факты не только о ходе, так сказать, культурного обмена, но о воздействии русской и австралийской культуры на духовную жизнь народов двух стран. Понятно, что воздействие русской культуры на австралийскую было куда более существенным, чем австралийской на русскую. Это и вклад русских в становление австралийского национального балета (именно после гастролей А.Павловой в Австралии стали появляться школы классического танца). Это участие русских в развитии театрального искусства, в формировании австралийской русистики и т.д. Наконец, Елена Говор в развитие своих известных исследований поведала австралийским читателям об эволюции русского восприятия Австралии на протяжении двух столетий взаимного общения народов двух стран.

В числе достоинств монографии, я бы, пожалуй, выделил еще и следующие:

1) Рецензируемая книга первое как в австралийской, так и в российской историографии комплексное исследование истории российско-австралийских связей, которое

охватывает весь период их существования. Авторы опирались на свои прежние разработки, но использовали, разумеется, и вновь найденные материалы.

2) Очень существенно то, что монография опирается на обширнейшую источниковую базу. Это, прежде всего, архивы. При этом достаточно глубоко «прокопаны» архивы российские, чьи документы по понятным причинам недоступны исследователям Австралии, и архивы австралийские, практически недоступные русским. В итоге в научный оборот вводится огромный пласт новых источников. Это относится также к редким газетным материалам из российских дореволюционных газет, газет российского Дальнего Востока и изданий русской эмигрантской общины в Австралии (использованы в разделах Каневской и Говор), к мемуарной литературе, к материалам, добытым авторами в ходе бесед с респондентами и при изучении частных архивов (Говор и Каневская). Все эти материалы отражены в тщательно составленной библиографии.

3) Книга иллюстрирована, в том числе представлены редкие иллюстрации. Например, портрет инициатора антирусской компании по обвинению русских моряков в шпионаже Г.Брайанта, фотографии из семейного архива дочери А.Зузенко К.А.Зузенко, из австралийских архивов, а также сделанные авторами глав.

4) В разделе о русских консулах в Австралии представлены интересные соображения авторов главы и Т.Пула о возможном местонахождении и перспективах поисков архива генерального консульства Российской империи в Мельбурне, который после прекращения деятельности консульства был, судя по всему, вывезен из Австралии.

Из недостатков можно отметить следующие:

1) Хотя в монографии освещаются все периоды истории русско-австралийских связей, но в каждом периоде внимание уделялось в основном тем аспектам, которые представляют особый интерес для австралийского читателя. В результате, на мой вкус, излишне много места посвящено активности русских эмигрантов-революционеров в Австралии, но это очень интересует австралийских историков. Описана, также, может, излишне подробно, деятельность Коммунистической партии Австралии, что с российской точки зрения не относится напрямую к истории русско-австралийских отношений, но для австралийского общественного мнения почти вся история КПА – это однозначно проявление «руки Коминтерна» и коварных замыслов Москвы. (Впрочем, как видно из книги, такой взгляд недалек от истины).

3) Раздел о холодной войне хотя и написан добротнo, но чересчур с австралийской точки зрения. О советской политике в отношении Австралии сказано меньше, чем хотелось бы нам, россиянам.

4) Глава об отношениях постсоветской России и Австралии, как мне кажется, уж очень обтекаема (ну, понятно, писал дипломат, проявив крайнюю осторожность) и касается только собственно двусторонних отношений России и Австралии. А хотелось бы узнать о проявлениях и перспективах сотрудничества двух стран на международной арене – в плане развития процессов региональной интеграции в АТР, в контексте обеспечения безопасности в бассейне Тихого океана, может быть, в рамках ООН и других международных организаций.

5) Иллюстрации выбирали австралийцы на свой вкус. Наряду с уникальными были отобраны и далеко не самые интересные. Например, портрет адмирала Лазарева и иллюстрации П.Михайлова, сделанные в Австралии в ходе плавания экспедиции на шлюпах «Восток» и «Мирный», публиковались уже, как говорится, сто раз. Но, возможно, для австралийцев это в новинку (хотя и в Австралии пару раз публиковались). Зато нет, например, портретов Л.А.Гагемейстера, который был первым русским капитаном, посетившим в 1807 г. Австралию, а также «засветившихся» в истории русско-австралийских связей адмирала А.А.Попова, натуралиста И.М.Симонова и др.

Новый треугольник безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Австралия-США-Япония

Николаев В.П., к.и.н., зав. отделом ЮТИ ИВ РАН

13 марта 2007 года Австралия и Япония подписали Соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности. В ходе визита австралийского премьер-министра Джона Говарда в Японию были проведены переговоры с японским премьер-министром Синдзо Абэ, главой МИД Таро Асо. Стороны договорились создать систему постоянного диалога между Канберрой и Токио по схеме «два плюс два» с участием глав внешнеполитических и оборонных ведомств. В рамках этого механизма будет происходить согласование внешней политики и мер в области обеспечения безопасности. Соглашение, состоящее из четырёх разделов, предусматривает двустороннее сотрудничество в борьбе с терроризмом, в охране морских коммуникаций и границ, а также в ликвидации последствий стихийных бедствий. Австралия и Япония предполагают разработать рабочий план действий, в котором будут конкретизированы пути и способы взаимодействия их вооружённых сил. Предполагается, в частности, наладить обмен разведывательной информацией и проводить японские учения на австралийской территории. Особое внимание будет уделено обмену информацией, имеющие отношение к ситуации вокруг КНДР, экспорту вооружений и незаконной деятельности, в том числе торговле наркотиками.

Австрало-японское Соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности создаёт новую ситуацию в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Фактически оно замыкает и формализует треугольник безопасности под эгидой США. В 1951 г. был заключён американо-японский договор о взаимной безопасности, согласно которому США брали на себя обязательство защищать Японию в случае нападения в обмен на использование американцами баз на её территории (в 1960 г. переименован в японо-американский Договор о взаимовыгодном сотрудничестве и безопасности). В этом же году был заключён и в 1952 г. вступил в силу Договор безопасности («Тихоокеанский пакт безопасности») между Австралией, Новой Зеландией и США (АНЗЮС), созданный американцами для «координации усилий по коллективной обороне» в районе Тихого океана. Это позволило США разместить свои военные базы в Австралии. В 1985 г., после создания безъядерной зоны в южной части Тихого океана, Новая Зеландия запретила заходы в свои порты кораблей с ядерным оружием и/или атомными двигателями. В ответ США сняли с себя обязательства по обеспечению безопасности Новой Зеландии. Но двустороннее сотрудничество в оборонной сфере между членами блока сохранилось прочным (Австралия – США, Австралия – Новая Зеландия).

Бывшие в годы Второй мировой войны врагами Австралия и Япония в послевоенном биполярном мире превратились в преданных союзников США, в «непотопляемые авианосцы», служащие американской опорой на юге и севере АТР. Знаменательно, что австрало-японское Соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности, замкнувшее треугольник, было заключено вскоре после преобразования Управления национальной обороны Японии в полномасштабное министерство обороны 9 января 2007 г.

Впервые идею создания трёхстороннего союза высказал министр иностранных дел Австралии А. Даунер ещё в 2001 г. На состоявшихся 30 июля в Канберре переговорах глав внешнеполитических ведомств Австралии и США он предложил сформировать некий механизм австралийско-американо-японского диалога. Госсекретарь США К. Пауэлл поддержал идею поиска новых форм сотрудничества США с их ведущими союзниками в АТР в области безопасности.

Очевидно, из опасения быть обвинённым в формировании «миниатюрной Азиатско-Тихоокеанской НАТО», идея такого альянса была выдвинута в форме «неофициального механизма диалога». Данный вопрос был предварительно обсуждён с министром иностранных дел Японии Макико Танакой, и он поднимался во время визита премьер-министра Австралии Р. Хоука в Японию.

В 2007 г. эта идея наконец нашла своё воплощение, но не в виде «неофициального механизма диалога», а в форме Соглашения о сотрудничестве в сфере безопасности Австралии и Японии при участии США. Вслед за подписанием этого документа японский премьер-министр Синдзо Абэ высказался за создание четырёхсторонней структуры безопасности с участием этих трёх стран и Индии. Такая система была бы явно направлена на окружение Китая, которого Япония негласно считает своим главным стратегическим соперником в Азии.

Однако австралийский министр отверг идею Токио. «Я не думаю, что американцы её на деле поддерживают, – сказал он. – Индия – не союзник США в том смысле, как это относится к Австралии и Японии». Даунер напомнил также, что Нью-Дели – один из основателей Движения неприсоединения, участники которого отрицают военные альянсы: «Индия не захочет выглядеть так, как будто она проводит политику сдерживания Китая» (цитируется по сообщению ИТАР-ТАСС 2007/04/04).

Глава МИД Австралии, находясь с визитом в КНР, в ряде публичных выступлений категорически отрицал мнение, что связи Канберры и Токио направлены против Пекина.

Первопричиной создания тройственного союза была объявлена угроза безопасности, исходящая от КНДР. Тревогу вызвали разработки и испытания ракетно-ядерного оружия северокорейцами. Первый запуск баллистической ракеты был осуществлён КНДР в 1993 г. Затем, в 1998 г., было проведено испытание более мощной, повышенной дальности ракеты, пролетевшей над территорией главного японского острова Хонсю. Летом 2006 г. Пхеньян провёл новые массированные пуски ракет, а первое испытание ядерного устройства состоялось 9 октября 2006 г.

Всё это заставило Японию пересмотреть оборонную политику, особенно в свете того, что между ней и КНДР существуют спорные проблемы и трения. Было признано, что новые современные угрозы заключаются не только и не столько в опасности территориального вторжения, сколько в возможности ракетного нападения, крупных террористических акциях, действий сил специального назначения и применения оружия массового уничтожения. Чтобы защитить свою страну от возможного ракетно-ядерного удара, японское правительство включилось в осуществляемую США глобальную программу противоракетной обороны (ПРО).

Многие эксперты отмечают, что за объявленной первопричиной создания японской ПРО в качестве защиты от КНДР присутствует также стремление обезопасить себя от Китая. Японо-китайские отношения отличаются значительной сложностью, множеством нерешённых проблем и взаимных претензий. Об этом напомнил японский премьер-министр Синдзо Абэ в интервью американскому еженедельнику «Ньюсуик» накануне своего визита в США в апреле 2007 г., сказав, что в отношениях между КНР и Японией «существует множество вопросов, которые можно охватить, включая окружающую среду, энергетику, Северную Корею, развитие Восточной Азии, реформу ООН и другие» (цитируется по сообщению ИТАР-ТАСС 2007/04/23).

Несколько ранее, в феврале 2007 г., на токийской встрече вице-президента США Ричарда Чейни с Синдзо Абэ было заявлено о необходимости «пристально следить» за развитием военной программы Китая в космосе. Было отмечено «стремительное расширение военной оснащённости КНР» и «отсутствие прозрачности» в этой сфере, рост оборонного бюджета Китая (до 35 млрд. долл. в 2006 г.). Особое беспокойство вызвало успешное

испытание Китаем противоспутникового оружия 12 января 2007 г., когда с помощью баллистической ракеты был уничтожен метеорологический спутник.

Министерство обороны Японии объявило о намерении создать новый надземный центр электронной разведки для укрепления своей системы «прослушивания» Китая. Он разместится у самого входа в Корейский пролив на острове Фукуэ к западу от префектуры Нагасаки. Главной целью разведцентра будет перехват сигналов с кораблей и самолётов в зоне Восточно-Китайского моря, а также прослушивание территории КНР, что позволит окончательно закрыть «дыры» в электронном прослушивании Китая и южной части Корейского полуострова.

На северо-востоке острова Хонсю на американской базе ВВС Мисава летом 2007 г. развернут дополнительный центр слежения за пусками баллистических ракет в КНДР, КНР, России. Система будет получать первичную информацию со спутников раннего предупреждения, обрабатывать её на компьютерах и немедленно передавать полученные данные военным властям двух стран. К западу от Мисавы с сентября 2006 г. уже начал работать новейший радар раннего оповещения о пусках баллистических ракет. Он развёрнут на базе японских ВВС в городе Цугару.

6 июля 2007 г. на заседании японского правительства была утверждена ежегодная «Белая книга по обороне». В ней обозначены те угрозы, с которыми ныне сталкивается Япония, и обосновывается современная японская военная доктрина. В книге, в частности, отмечено: «Северная Корея всё последнее время прилагала усилия к разработке средств массового уничтожения и баллистических ракет, сохраняла и укрепляла значительную военную мощь, включая многочисленный спецназ. Она стала крупным фактором нестабильности, с точки зрения обеспечения безопасности в Восточной Азии» (цитировано по сообщению ИТАР-ТАСС 2007/07/06). В «Белой книге» в связи с этим особо подчёркиваются усилия Пхеньяна по повышению дальности его ракет и переводу их на твёрдое топливо.

В Японии полагают, что стремительная модернизация военной мощи Пекина пока в основном направлена на противодействие сепаратистским устремлениям Тайваня. «Однако эти усилия Китая, – говорится в докладе, – вызывают растущую озабоченность, поскольку есть мнение, что они выходят за рамки решения тайваньской проблемы». В «Белой книге» в связи с этим указывается на отсутствие «прозрачности» оборонного бюджета КНР, а также на её усиливающиеся возможности вести дальние боевые операции на море и в воздухе.

Япония, утверждает далее, намерена реагировать на изменяющуюся обстановку в мире и появление новых угроз на основе соблюдения принципа пассивной обороны, отказа от ядерного оружия и укрепления военного союза с США. Особое внимание уделяется при этом созданию национальной системы ПРО.

Объединяя свои усилия по созданию эффективной системы обнаружения запуска ракет и по их уничтожению, Япония и США договорились о сотрудничестве. С 1998 г. Япония и США начали совместные научно-технические исследования по разработке ракеты-перехватчика нового поколения для системы ПРО. В следующем году Япония включилась в программу американских систем ПРО – «Расширенная оборона морского театра военных действий», где осуществляет разработку важнейших элементов ракет-перехватчиков системы ПРО. Проведённые в 2002 г. успешные испытания по перехвату баллистических ракет явились аргументом в пользу решения развернуть в Японии собственную систему противоракетной обороны, о чём было заявлено на заседании кабинета министров в 2003 г.

С 2004 г. в Японии началось финансирование программы по развёртыванию национальной системы противоракетной обороны (НПРО). До 2007 г. запланировано было выделить на неё около 100 млрд. иен. Всего же для создания эффективной системы НПРО за 7-10 лет потребуется от 800 млрд. до 1 трлн. иен. Система включает первый эшелон –

корабли, оснащённые командно-управленческим комплексом «Иджис» и ракетным комплексом SM-3, что позволит уничтожить ракеты противника на среднем участке их траектории. Второй эшелон образуют наземные комплексы ПРО PAC-3, которые должны гарантировано уничтожить головные части ракет на траектории их снижения.

Создание национальной японской системы ПРО – это выгодная коммерческая сделка для военно-промышленного комплекса США, так как Япония планирует завершить развёртывание ПРО в кратчайшие сроки (до 2012 г.), а потому закупает всё необходимое оборудование и ракетные комплексы у американцев.

29 марта 2007 г. началось боевое развёртывание первых зенитно-ракетных комплексов «Пэтриот» последней модификации (PAC-3) на базе Ирума к северу от Токио. Их батареи составят основу наземной части НПРО. К весне 2011 г. комплексы PAC-3 будут размещены на базах Хамамацу и Гифу в центре острова Хонсю и в префектуре Фукуока на севере острова Кюсю. В течение 2007 г. зенитные ракеты большой дальности SM-3 и многоцелевая система слежения и наведения «Иджис» будут установлены на японском эсминце «Конго», а затем и на 3 других кораблях.

Как было первоначально определено, японская система ПРО создаётся исключительно для защиты собственной территории и не будет использоваться в целях перехвата ракет, направленных на другие страны, в частности, США, ибо конституция Японии накладывает определённые ограничения на действия Сил самообороны вне страны. Однако вскоре эта позиция была пересмотрена. 20 ноября 2006 г. исполнительный секретарь японского правительства Ясухиса Сиодзаки, выступая на пресс-конференции, посвящённой дискуссии в обществе по поводу того, может ли Япония перехватывать ракеты, летящие в сторону США, заявил, что вопрос о пересмотре политики противоракетной обороны является предметом дальнейших обсуждений и будет зависеть от их результатов. Уже 29 июня 2007 г. экспертная комиссия пришла к заключению, что Япония должна использовать НПРО для уничтожения ракет, летящих в сторону США.

«Если баллистическая ракета нанесёт существенный ущерб Соединённым Штатам, то нет никаких сомнений, что будет оказано серьёзное влияние на безопасность Японии», – заявил Синдзо Абэ. «Эта тема, – отметил он, – имеет важное значение с точки зрения повышения эффективности японо-американского альянса» (цитировано по сообщению IJAR-TASS 2007/06/29).

Национальная система ПРО Японии дополняет комплексы противоракетной обороны, размещаемые американцами на Японских островах. 30 ноября 2006 г. на острове Окинава на базе ВВС США Кадена было начато обустройство позиции элитного батальона ПРО, оснащённого четырьмя зенитно-ракетными комплексами PAC-3 с 24 ракетами-перехватчиками. Два комплекса развёрнуты в окрестностях Токио. К 2011 г. в стране появятся ещё 30 PAC-3, каждый из которых оснащён 16 ракетами.

Противоракетный «зонтик» США и Японии соседние страны оценивают по-разному: КНДР видит в нём угрозу, Южная Корея, наоборот, приветствует. Москва же пока «внимательно следит». Ранее заместитель министра иностранных дел России Александр Лосюков заявил о наличии «некоторых параллелей» с развёртыванием элементов ПРО США в Восточной Европе. «Пока вряд ли можно говорить о серьёзном росте военной опасности на Дальнем Востоке для России. Но надо понимать, что наращивание любых военных средств вблизи границ страны несёт в себе потенциальную угрозу её безопасности, заявил директор Института стратегических оценок и анализа Вагиф Гусейнов. – Нарастающая военная активность США практически на всех наших границах заставляет с большой настороженностью относиться к подобным планам и военным манёврам» («Ежедневная деловая газета» 06.07.2007).

Впрочем, последние инициативы президента РФ Владимира Путина в Хайлигендамме и Кеннебанкпорте по сотрудничеству с США в области ПРО, по крайней мере, дают шанс избежать опасного противостояния.

А вот для Китая региональная ПРО США при любом раскладе неприемлема. Пекин не только озабочен усилением военного присутствия США у своих границ, но и боится подключения к системе ПРО Тайваня. В этом случае преимущество Народно-освободительной армии Китая над тайваньскими вооружёнными силами сведётся к минимуму.

«Подключение к системе ПРО Тайваня будет сопровождаться долгими переговорами. Думаю, что ни японцы, ни американцы сейчас не заинтересованы в провоцировании Китая, – сказал председатель фонда аналитических программ «Экспертиза» Марк Урнов. Однако не исключено, что переговоры и не понадобятся: на Тайвань система ПРО (по крайней мере, её первые эшелон) может распространиться в автоматическом режиме» (Ibid).

В новом треугольнике безопасности – Австралия, США, Япония – проблемы противоракетной обороны особенно актуальны, как показано выше, для двух участников: Японии и США. Австралия же в силу своей географической удалённости от Восточной Азии проявила определённую сдержанность в отношении к участию в ПРО. В апреле 2007 г. в Токио состоялась первая встреча представителей глав оборонных ведомств трёх стран. Целью этих консультаций, как отметило руководство японского министерства обороны, является укрепление системы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. На встрече было акцентировано, что программа совместного создания систем ПРО существует и реализуется Японией и США. Австралия же пока готова сотрудничать лишь на уровне обмена информацией, но допускает возможность размещения у себя элементов ПРО в будущем. При решении этого вопроса австралийское правительство будет принимать во внимание гипотетическую угрозу ракетных ударов со стороны КНДР и Китая.

В мае 2007 г. министры иностранных дел и обороны трёх стран договорились о присоединении Австралии к совместным исследованиям по ПРО.

В июне 2007 г. правительство Австралии приняло решение о выделении из государственного бюджета 9,3 млрд. долл. США на строительство 5 военных кораблей с использованием новейших технологий: двух десантных кораблей и трёх эсминцев, оборудованных системами противовоздушной и противоракетной обороны. На вооружение новые корабли поступят в начале 2014 г.

«Приобретение правительством новых судов, в перспективе на ближайшие 10-20 лет, значительно усилит военный потенциал Пятого континента и позволит нам с максимальной быстротой реагировать на те или иные проблемы в региональной безопасности, для решения которых требуется военное вмешательство», – подчеркнул премьер-министр страны Джон Говард (цитируется по сообщению ИТАР-TASS 2007/06/21).

В Токио 6 июня 2007 г. состоялись первые с момента заключения японо-австралийского договора о безопасности переговоры в формате «два плюс два» – с участием глав оборонных ведомств и МИД обеих стран. В принятом по итогам встречи документе говорится, что Япония и Австралия будут укреплять взаимодействие с Соединёнными Штатами «в сферах практической обороны сотрудничества в области обеспечения безопасности» в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

«Министры договорились углублять взаимодействие с США в рамках трёхстороннего стратегического диалога, а также в сфере практической обороны и сотрудничества в обеспечении безопасности. Они подтвердили важность сохранения присутствия Соединённых Штатов и их участие в делах региона», – отмечается в документе (цитируется по сообщению ИТАР-TASS 2007/06/06).

Австралия и Япония заявили, что будут «совместно работать по широкому кругу глобальных вопросов безопасности, включая взаимодействие в Ираке, Афганистане и Северной Корее». КНДР было отведено особое внимание. В заявлении выражена «обеспокоенность по поводу программ ядерных и ракетных разработок» Пхеньяна и подтверждена готовность «сотрудничать для полного воплощения» шестисторонних договорённостей, направленных на остановку северокорейских ядерных объектов.

Япония и Австралия намерены укреплять стратегическое сотрудничество, активизируя в том числе взаимные обмены по линии ВВС и ВМС. Токио кроме того подтвердил, что японские силы самообороны в качестве наблюдателей будут направлены на предстоящие в этом месяце американо-австралийские учения на территории Австралии. Решено, что следующая встреча в формате «два плюс два» состоится в Австралии.

Австралия и США начали 18 июня крупнейшие совместные ежегодные военные манёвры под кодовым названием «Talisman Sabre». Их цель состоит в укреплении оборонного альянса двух стран, отработке учебных задач по выполнению военных и миротворческих операций в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Манёвры у побережья австралийского северо-восточного штата Квинсленд продлились до начала июля. В них участвовали 20 тыс. военнослужащих США и 7-тысячный воинский контингент Австралии, были задействованы десятки боевых кораблей двух стран и 120 самолётов ВВС. Своих наблюдателей на военные игры направила Япония.

«У США и Австралии существуют долговременные общие интересы, состоящие прежде всего в обеспечении безопасности в АТР, – сообщил журналистам командующий привлечёнными к манёврам американскими военнослужащими вице-адмирал Доуг Краудер. – Нам предстоит совместно отработать все типы операций, которые возможны при выполнении этих задач в регионе» (цитируется по сообщению ИТАР-ТАСС 2007/06/16).

Австралийские СМИ отметили, что фоном для проведения манёвров служит заметно усилившаяся в этом году военная активность США, Австралии и Японии. Канберра, в частности, демонстрирует растущую готовность к укреплению оборонных связей с Вашингтоном и поддержке войны с международным терроризмом. Следуя этой стратегии, Австралия продолжает сохранять присутствие 2 тыс. своих солдат в Афганистане и Ираке, увеличивает мобилизационную и боевую готовность своих вооружённых сил.

Ракетно-ядерная программа КНДР и планы создания системы ПРО на востоке Азии были в числе главных тем обсуждения на первой трёхсторонней встрече министров обороны Австралии, США и Японии. Она состоялась 9 июня в Сингапуре в рамках прошедшего там традиционного регионального форума по проблемам безопасности. В форуме, ежегодно организуемом лондонским Международным институтом стратегических исследований и носящем неформальное название «Диалог «Шангри-Ла» по имени сингапурской гостиницы, где проводятся эти встречи, приняли участие представители оборонных ведомств примерно 20 стран, включая Россию, Индию, Китай, государства Юго-Восточной Азии.

Новый «треугольник безопасности» в Азиатско-Тихоокеанском регионе сделал свои первые шаги в направлении повышения сотрудничества Австралии, Японии и США в оборонных вопросах. Насколько эффективной окажется деятельность трёхстороннего альянса в удержании мирной ситуации в Восточной Азии – это покажет время. Политика создания военных блоков, противостоящих друг другу, не умерла с прекращением конфронтации между государствами коммунистического лагеря во главе с СССР, и развитыми демократическими странами, ориентированными на США. Оказалось, что трения и противоречия в межгосударственных отношениях глубже и существеннее идеологических различий, и они требуют внимательного изучения. Способы преодоления конфликтных отношений и ситуаций могут быть различными, в том числе и с помощью создания оборонительных союзов.

Методы урегулирования этнополитических конфликтов в Океании

Пале С.Е., к.и.н., ИВ РАН

В настоящее время страны Океании проходят стадию постколониального периода, который сопровождается целым рядом политических, экономических и социальных проблем. С середины 1980-х гг. межэтнические разногласия служат главной причиной конфликтов в Ириан Джая (индонезийской части о. Новая Гвинея), Новой Каледонии, Французской Полинезии, Гуаме, Гавайях, Новой Зеландии, Восточном Тиморе (Тимор-Лесте), на о. Бугенвиль (в составе Папуа – Новой Гвинеи) и Соломоновых Островах.

Наиболее сложными и поэтому интересными для анализа представляются ситуации в Новой Каледонии, на Фиджи и Соломоновых Островах. Население в этих странах разделено на два почти равных по численности лагеря, идентифицирующих себя по принципу этнической принадлежности и ожесточенно отстаивающих свои права в ущерб интересам другой стороны. Во всех трех случаях сложный этнический состав служит главным препятствием к обретению национального единства, которое считается залогом демократии. Вопросам о том, какие методы использовались для урегулирования конфликтов в трех случаях, посвящен настоящий доклад.

Новая Каледония до сих пор входит в состав Франции, и по стечению обстоятельств количество «пришлых» поселенцев на острове превышает количество коренных жителей. Фиджи и Соломоновы Острова (бывшие английские колонии) получили независимость в рамках Британского Содружества в 1970-х гг. Ситуация на Фиджи осложнена конфликтом между коренными фиджийцами и не уступающими им по численности индийцами, привезенными англичанами в конце XIX в. для выполнения работ на сахарных плантациях.

На Соломоновых Островах конфликт разгорелся во второй половине XX в. в связи с массовой миграцией жителей острова Малаита на остров Гуадалканал, который по традиционному праву принадлежал местной народности.

Эскалация этнополитических конфликтов (т.е. внутригосударственных политических конфликтов, вызванных межэтническими разногласиями) на Фиджи и Соломоновых Островах происходила после того, как к власти приходили представители некоренного населения. В Новой Каледонии этнополитический конфликт начал обостряться после того, как в середине 1980-х гг. по итогам выборов в главный правительственный орган не прошла партия, в состав которой входили в основном представители коренного населения острова.

В вопросе о том, какие факторы приводят к возникновению этнополитических конфликтов, превалирует мнение, что конфликты обусловлены, прежде всего, борьбой за ресурсы. С этим утверждением согласуется экономико-детерминистский подход, согласно которому этнополитические конфликты провоцируются социально-экономическими кризисами. Ухудшение социально-экономической ситуации в стране или отдельно взятом этническом регионе может способствовать эскалации этнополитического конфликта. Этнополитические конфликты в трех рассматриваемых случаях подтверждают эту точку зрения:

Конфликтные отношения между потомками французов (кальдошами) и коренными новокаледонийцами (канаками) в Новой Каледонии, потомками индийцев и коренными фиджийцами на Фиджи, а также между коренными исатабу и пришлыми малаитянами на Соломоновых Островах строятся на неравноправном доступе к экономическим ресурсам. Неравенство между этническими группами проявляется на всех уровнях, начиная от бытового и заканчивая процентным соотношением лиц той или иной национальности, представленных в правительстве, сфере образования и СМИ. Во всех трех рассматриваемых случаях инициаторами этнополитических конфликтов неизменно выступают этнические

группы, чьи ресурсы используются пришлыми группами для собственной выгоды (к примеру, права на разработку никеля в Новой Каледонии до середины 1990-х гг. принадлежало исключительно правительству Франции; на Фиджи наиболее доходный туристический сектор почти полностью контролируется индийцами; а на Соломоновых Островах малаитяне успешно осуществляют экспорт леса, который по традиционному праву считается собственностью исатабу – коренных жителей Гуадалканала).

Особенностью решения этнополитических конфликтов в трех рассматриваемых случаях является то обстоятельство, что для их урегулирования потребовалось участие «внешних» государств-посредников. Внешнее вмешательство обусловлено таким явлением как политическая глобализация, которая требует преодоления принципа невмешательства в дела суверенного государства и сопровождается внедрением в мировую практику новых механизмов обеспечения мира — миротворческих операций или международных санкций против антидемократических режимов.

Международная практика решения этнополитических конфликтов показывает, что посредники, как правило, осуществляют внешнее вмешательство в два этапа. На первом этапе применяются политические меры – проводятся переговоры между участниками конфликта или налагаются экономические и дипломатические санкции с целью «образумить» воинствующие стороны, которые должны прийти к компромиссному соглашению перед лицом экономического кризиса. (Подобная ситуация сложилась на Фиджи в 1987 г. и в 2000 г.). Второй, более радикальный этап – силовое вмешательство в виде ввода войск на территорию страны после того, как политические средства не привели к желаемым результатам (этот способ применила Франция при урегулировании этнополитического кризиса в Новой Каледонии в середине 1980-х гг., а в 2000-х гг. – Австралия при разрешении этнополитического кризиса на Соломоновых Островах). Этот метод получил определение «новый интервенционизм» или более политкорректное название «гуманитарная интервенция». Главной целью внешнего вмешательства является прекращение насилия и последующее восстановление властных, судебных и экономических структур ради обеспечения основных прав и свобод человека.

Вмешиваться в дела стран, переживающих кризис, позволяют себе финансово сильные страны: именно финансы дает развитым странам мощный источник власти, обеспечивающий им практически неограниченный доступ к ресурсам. Финансы — это инструмент политического давления, способный оказать определяющее воздействие на характер политических процессов как в отдельных странах, так и в регионах мира. Финансы — это еще и инструмент покупки местной элиты, с помощью которой формируются международные коалиции и мировое общественное мнение. В условиях огромной зависимости стран Океании от иностранных инвестиций, к урегулированию конфликтов были привлечены государства, которые либо уже осуществили инвестиции, которые необходимо было защитить перед лицом кризиса, либо в дальнейшем планировали разработку ресурсов на «защищаемой» территории. (Яркий пример, не относящийся, правда, к рассматриваемому региону, – США, защищающие демократию в Ираке).

Результаты финансового воздействия предсказать очень сложно, поскольку они могут оказаться прямо противоположным ожидаемым (как в случае отношений между Австралией и Соломоновыми Островами, о чем будет упомянуто ниже).

Хотелось бы при этом специально отметить, что среди океанийских авторов распространено мнение о том, что лучшая форма урегулирования этнополитических конфликтов – это установление форм государственного устройства, основанных на принципах этнического федерализма и территориально-политической автономии.

В трех анализируемых случаях этнополитические конфликты урегулировались по только что приведенной схеме, которую, в действительности, можно уже считать

классической. То есть, сначала проводились переговоры с конфликтующими сторонами, а когда этот метод не оправдывал ожиданий, применялся силовой способ урегулирования конфликтов. После формального урегулирования конфликтов и вывода миротворческих войск в Новой Каледонии и на Соломоновых Островах устанавливалась система управления, очень схожая с федеративной. В случае с Фиджи после отмены комендантского часа была установлена система правления, временно дискриминировавшая права индийцев, что, однако, позволило прекратить беспорядки со стороны коренных фиджийцев. Три примера ниже наглядно продемонстрируют только что описанный ход действий.

1. В Новой Каледонии в 1983 г. были проведены переговоры между Францией и канаками, в результате которых был подписан договор о согласии, в котором французы признавали свою вину за попрание культурных традиций канаков, но за период переговоров канаки-сепаратисты наладили связь с Ливией, которая начала поставку оружия на остров; вторым источником оружия послужили французские жандармерии, которые регулярно подвергались нападениям канаков-сепаратистов. В 1984 г. вооруженные канаки забаррикадировали дороги по всему острову, благодаря чему транспортировка никеля (на экспорте которого основана экономика Новой Каледонии) к портам была прекращена, а затем канаки объявили об избрании собственного правительства. На протяжении последующих четырех лет две общины – канаки и кальдоши – устраивали вооруженные столкновения. Так как мирные переговоры не давали никаких результатов, Франция прибегла к силовым методам. К 1988 г. в Новую Каледонию было введено в общей сложности 14 000 французских военных, – один вооруженный французский солдат или жандарм приходился на пять канаков (включая женщин и детей). (Для сравнения: в 1988 г. израильская армия разместила 10 000 солдат для контроля Интифады в Секторе Газа, где проживало 650 000 палестинцев). При таком количестве французских солдат на острове конфликтующие стороны вновь обратились к переговорам. Между Францией и канаками было заключено Матиньонское соглашение, согласно которому через 10 лет (т.е. 1998 г.) планировался референдум по вопросу отделения Новой Каледонии от Франции. Но не это было главным моментом соглашения: ключевым положением стало административное и политическое разделение острова на три провинции, две из которых предназначались канакам, и одна – кальдошам. Немаловажным пунктом было отчисление немалых средств из французского бюджета в пользу слаборазвитых канакских провинций. Таким образом, система управления территорией стала очень и очень напоминать федеральную. В год обещанного референдума (1998) было подписано еще одно соглашение – Нумейское, согласно которому референдум откладывался на 20 лет. Это соглашение стало возможным после поочередных убийств трех канакских партийных лидеров, активно выступавших за независимость (!). Нумейское соглашение также предусматривало введение новокаледонийского гражданства и создание законов страны, которые до сих пор находятся на стадии разработки, но по завершении будут представлять собой свод законов для каждой из трех провинций, еще раз доказывая действенности принципа территориальной и политической автономии как одного из наиболее эффективных методов урегулирования межэтнических конфликтов.

2. В 2000 г. на Фиджи произошел второй за историю страны государственный переворот. Его учинил фиджиец – бывший глава одной из крупнейших экспортных корпораций, который был уволен за хищения средств в особо крупных размерах новоизбранным Премьер-министром Фиджи М. Чаудри – индийцем по происхождению. Личные амбиции, игра на расовых разногласиях и отсутствие мощных политических сил за спиной зачинщика переворота позволили странам-посредникам (среди которых ведущую роль играли Австралия, Новая Зеландия и Великобритания) безболезненно вывести его из игры и уладить ситуацию в двухлетний срок. Поскольку действие демократической конституции было отменено в ходе переворота, а правительство расформировано, ведущие

партнеры Фиджи – Великобритания, Австралия, Новая Зеландия и США – заявили о том, что введут экономические и дипломатические санкции, если в стране не будет создано новое демократическое правительство и восстановлена демократическая конституция, отмененная в ходе переворота. После предыдущего путча 1987 г. подобные угрозы были применены, и, уже имея печальный опыт катастрофических последствий экономических санкций, на Фиджи было сформировано новое правительство, которое выполнило поставленные требования. Зачинщик переворота был осужден решением Верховного суда Фиджи, и в ответ Великобритания, Австралия, Новая Зеландия и США возобновили отношения с Фиджи. В ходе переворота 2000 г. беспорядки были подавлены благодаря введению комендантского часа и патрулированию улиц фиджийскими военными под руководством полковника Фрэнка Байнимарама. Спустя семь лет, в 2007 г., Ф. Байнимарама (смешанного индийско-фиджийского происхождения) осуществил политический переворот, объявив себя премьер-министром страны. В настоящее мировое сообщество пребывает в растерянности, так как этот переворот – самый мирный на Фиджи, и совершенно неизвестно, какая же этнополитическая ситуация сложится на этот раз.

3. В 1997 г. к власти на Соломоновых Островах впервые пришел выходец из острова Малаита, притом что на острове Гуадалканал, где расположена столица Хониара и где, соответственно, заседает правительство, по древним традициям должны править только проживающие там с древних времен исатабу. В итоге исатабу создали вооруженную группировку для защиты собственного острова от пришельцев-малаитян. Малаитяне же оправдывали свое присутствие на Гуадалканале демократической конституцией, которая даровала равные права всем без исключения жителям страны. Более радикально настроенные малаитяне также сформировали вооруженные отряды, которые начали устраивать перестрелки с исатабу. Оружие на Соломоновы Острова прибывало из Бугенвиля, где незадолго до этого также разгорелся вооруженный конфликт. В 1999 г. правительство Соломоновых Островов окончательно признало безуспешность своих попыток разрешить вооруженный конфликт между двумя этническими общинами собственными силами и обратилось за помощью к международному сообществу. Австралия, Новая Зеландия, США, Фиджи и ряд стран Океании предложили мирные средства по урегулированию кризиса в виде программ политической и экономической помощи, а также организовали переговоры между конфликтующими сторонами. Австралия приняла непосредственное участие в урегулировании конфликта, проспонсировав проведение переговоров, а в дальнейшем – выборы нового правительства. После выборов правительства, главой которого стал выходец из народности исатабу, Австралия начала программу гуманитарной и экономической помощи. Но средства не доходили до цели, «растворяясь» в верхних эшелонах власти. Таким образом, финансовые меры не спасли положение, и в 2002 г. стало очевидно, даже новое правительство под контролем Канберры не способно справиться с главной задачей – изъять оружие у конфликтующих общин. Для выполнения этой задачи в 2003 г. Австралия по просьбе правительства Соломоновых Островов ввела войска – Миссию региональной помощи Соломоновым Островам (РАМСИ, Regional Assistance Mission to the Solomon Islands). В состав РАМСИ (около 2 000 человек) вошли военные, полицейские и гражданские лица Австралии (80%), Новой Зеландии (15%), Фиджи, Кирибати, Самоа, Тонга и Вануату (5%). Глава РАМСИ Бен МакДевитт принял должность Заместителя главы военной полиции Соломоновых Островов, и на этом основании вошел в правительство Соломоновых Островов. Силами РАМСИ удалось насильственно «утихомирить» воюющие стороны, изъвав у них оружие. Австралийские представители приняли на себя контроль над ключевыми институтами государства, заняв должности в органах исполнительной и судебной власти.

Кратко этапы урегулирования этнополитических конфликтов можно представить так:

1. Конфликты между этническими группами были вызваны борьбой за ресурсы.

2. В ходе решения конфликтов были применены следующие меры:

(а) Сначала проводились переговоры, упор в которых делался на культурный аспект, а также звучали призывы к миру и согласию.

(б) Но в ходе переговоров конфликтующие стороны успевали вооружиться. Как следствие, приходилось применять силовые методы, направленные на изъятие оружия у населения.

3. Третьим шагом становились новые переговоры, направленные на выработку новых отношений между сторонами конфликта. В результате происходило перераспределение ресурсов при условии территориальной сегрегации общин: такая система правления, схожая с федеративной, доказывает свою действенность в Новой Каледонии. На Соломоновых Островах конфликт обостряется в тех местностях Гуадалканала, где продолжают оставаться «пришельцы». Поскольку на Фиджи территориальная сегрегация затруднена, конфликт по-прежнему сдерживается с большим трудом.

4. Наконец, дальнейшее развитие отношений между сторонами зависит от исполнения заключенных договоров, поскольку каждая сторона начинает «тянуть одеяло на себя». Невыполнение договоров, как правило, оборачивается новыми вспышками между этническими группами.

Самой сложной задачей государств, переживших этнополитические конфликты, является поддержание достигнутого равновесия между противоборствующими сторонами. Нарушение баланса сил грозит потерей контроля над конфликтом, который может перерасти в фазу кризиса. Если кризис не удастся урегулировать внутренними средствами, в дело вступают заинтересованные стороны, обладающие военным превосходством и умело использующие финансовые рычаги для политического давления. В награду за стабилизацию ситуации внешние участники получают то, за что боролись конфликтующие стороны – ресурсы. Пример «несостоятельных» Соломоновых Островов, допустивших силовое вмешательство Австралии во внутренний межэтнический конфликт, наглядно показывает, что публично заявляемая Австралией цель, которая состоит в сплочении нации, в действительности оборачивается контролем Канберры над экономикой Соломоновых Островов на фоне продолжающегося межэтнического конфликта. (Снова хочется вспомнить разрозненные общества Афганистана и Ирака, сплочением которых на протяжении бесконечно долгих лет занимаются США, принимая в награду за сдерживание насилия местные ресурсы – будь то нефть или наркотики). Поучительный случай Соломоновых Островов, как и Восточного Тимора, заставляет страны ЮТР со сложным этническим составом – Фиджи, Вануату, Гуам и Папуа–Новую Гвинею изыскивать внутренние средства для обеспечения межэтнического равновесия собственными силами перед лицом угрозы внешнего вмешательства, которое стало возможным на основании Бикетавской декларации, подписанной океанийскими странами-участницами Форума тихоокеанских островов в 2000 г.

Еще раз следует обратить внимание на пример успешного урегулирования этнополитического конфликта в Новой Каледонии, который показал, что одним из эффективных средств равномерного распределения ресурсов является система государственного устройства, по форме и существу являющаяся федеративной, а также предоставление этнической общине, заявляющей о своих правах, не только соответствующую долю в обладании экономическими ресурсами, но и возможность внешнеполитического представительства. Преимущество такой системы состоит в том, что она не допускает гражданской войны, разделяя нацию не военными, а вполне мирными средствами.

Внешняя политика Австралийского Союза в 1930-х годах

Скоробогатых Н.С., к.и.н., ИВ РАН

Основой для доклада послужили опубликованные на сайте Министерства иностранных дел Австралийского Союза документы, которые хранятся в архиве этого ведомства и относятся к предвоенному десятилетию.

Традиционный взгляд историков на проблемы внешней политики АС этих лет, изложенный в целом ряде работ как зарубежных, так и отечественных исследователей, сводится к критике австралийской дипломатии за ее неспособность справиться с надвигавшимися международными проблемами. Однако анализ архивных документов показывает, что становление самостоятельной внешней политики Австралии, проходившее в те годы, не заслуживает столь односторонней оценки. Ведущие государственные деятели страны отчетливо представляли себе все опасности, которые таило в себе безукоснительное следование курсу Великобритании, и пытались по мере возможности отстаивать интересы АС на мировой арене, особенно с соседнем с ним регионе.

Главные трудности на этом пути состояли в упорном нежелании метрополии поддержать независимые инициативы австралийской стороны (касалось ли это обороны или же установления прямых дипломатических контактов АС с другими доминионами, США и Японией) и слабости экономической базы самой Австралии.

Несмотря на это, руководителям австралийской внешней политики удалось сделать все возможное для того, чтобы обеспечить хотя бы минимальную защиту своей страны на случай неизбежных военных столкновений. Установленные дипломатические связи 1930-х годов позволили АС выдержать напор японской военной машины и в союзе с США и Новой Зеландией организовать разгром противника в районе Тихого океана в годы второй мировой войны.

Предвоенные годы австралийской истории в наши дни редко попадают в поле зрения отечественных исследователей: слишком далеким кажется это прошлое, да и бури второй мировой войны затмевают собой все, что им предшествовало. Тем не менее, уроки тех лет по-прежнему актуальны, учитывая нескончаемую череду локальных конфликтов, постоянно вовлекающих в свою орбиту государства, расположенные далеко за пределами опасного региона. Документы архива департамента по иностранным делам и торговле АС позволяют по-иному взглянуть на роль австралийской дипломатии в событиях, предшествовавших катастрофе 1939 года.

Международное положение Австралии в 1930-х годах грозило стать очередным подтверждением факта ее уязвимости, проистекавшей вследствие экономической и политической зависимости страны от Старого Света: под воздействием этого она неизбежно втягивалась в водоворот тревожных международных событий. Выработка самостоятельного курса в отношениях с окружающим миром становилась насущной необходимостью. Своего рода первой ласточкой этого нового для страны этапа стал принятый в 1931 году в Лондоне Вестминстерский статут, закрепивший за Австралийским Союзом статус доминиона и наделившим его правительство правом свободы действий в сфере внешней политики [1]. Австралийские дипломаты получили юридически оформленный «карт бланш» на установление прямых контактов с зарубежными коллегами, чем и не преминули воспользоваться.

Несмотря на столь явные подвижки в сторону внешнеполитической самостоятельности, а также в виду все возрастающей угрозы европейской войны и экспансии милитаристских кругов Японии, в Австралии в предвоенные годы, как реакция на рост международной напряженности, ширились изоляционистские настроения, которые нашли

свой отклик в позиции Австралийской лейбористской партии. АЛП по большей части придерживалась политики невмешательства в европейские дела. В своих официальных документах лейбористы заявляли, что позиция их партии «ясна и определена»: «Она не хочет войны на чужих полях за экономические сокровища. Она хочет сохранить Австралию свободной от запутанных положений, ведущих к повторению ужасов 1914–1918 годов» [2].

Тем не менее, все политические группы практически единодушно одобрили принятое правительством решение о предоставлении убежища 5 тысячам европейских беженцев от фашизма. Австралийские политики внимательно следили за развитием событий на международной арене и активно участвовали в обсуждении проблем реформирования Лиги Наций, намереваясь придать больше эффективности деятельности этой организации. Однако базовыми в их деятельности были, конечно же, вопросы укрепления безопасности границ самой Австралии и расширения дипломатических контактов.

Стоявшие в эти годы у руля правления кабинеты, сформированные из представителей коалиции аграриев и Партии единой Австралии, вполне сознавали все особенности и потенциальные риски складывавшейся в 1930-х годах международной ситуации и в первую очередь старались предпринять все возможные меры по укреплению стратегических и оборонных позиций Австралийского Союза. В то же время федеральные власти не мыслили себя вне имперской лояльности, считая, что «австралийская оборона неразрывно связана с имперской обороной и планы ее собственной безопасности неотделимы от планов безопасности Империи в целом» [3]. На этом строились все военные и внешнеполитические программы АС.

Военно-стратегические контакты с метрополией оставались по-прежнему особенно тесными. Начиная с 1910 года, на строительство ВМФ АС затратил порядка 70 млн. ф. ст., на продолжение программы переоснащения флота в середине 1930-х годов были ассигнованы еще более 3 млн. ф. ст. Командование сухопутных сил располагало 7 дивизиями в качестве боевой основы армии. ВВС насчитывали 8 эскадрилий, в состав которых входили 96 самолетов. В ближайшее время планировалось увеличить их практически вдвое. На нужды оборонной промышленности правительство выделило еще 3,5 млн. ф. ст. Все эти меры полностью укладывались в решения Имперской конференции 1923 года, которая провозгласила в качестве главной обязанности каждой части Британской империи создание местной системы обороны [4]. Однако с военной точки зрения, накопленный Австралией потенциал был недостаточен для эффективной защиты ее обширной территории. Дополнительных внутренних резервов для наращивания военной мощи в 1930-х годов в стране явно не хватало.

Австралийский МИД отчетливо понимал, что в рассматриваемый период «единственно возможным врагом» для страны была Япония, а главным опорным пунктом защиты подступов к континенту считался Сингапур. Имперские стратеги имели схожую точку зрения: по их мнению, это была «первоклассная и почти неуязвимая база». Они полагали, что «невозможно представить себе ситуацию в мире, при которой Соединенное Королевство было бы не в состоянии отправить большую часть своего основного флота в восточные воды в случае такой войны». Переброска ВМФ Великобритании к берегам Австралии планировалась за 42 дня от начала военных действий. Однако если сроки готовности Соединенного Королевства к войне против Германии определялись 1939 годом, то к войне против Японии – не ранее 1942 года, учитывая время, необходимое для новых военно-морских приготовлений. В этой связи симптоматично, что в начале 1937 году представители АС предлагали правящим кругам метрополии укрепить обороноспособность Сингапура, построив дополнительно за счет доминионов линейный крейсер с местом постоянной дислокации в этом порту [5].

Впрочем, реализация даже такого стратегического плана не сулила АС надежных гарантий безопасности. В ходе секретного заседания высшего военного руководства Великобритании, Австралии, Новой Зеландии и Индии, состоявшегося в Лондоне 1 июня 1937 года, начальник штаба британских ВМС адмирал лорд Эрнл Чэтфилд отметил, что предполагаемые военные действия будут носить различный характер. Если в Европе они будут разворачиваться главным образом на суше, то в районе Тихого океана борьба развернется на море. «Основа нашей стратегии заключается в размещении флота в Сингапуре сразу же после начала враждебных акций», – утверждал адмирал. В этой связи весьма важной представлялась задача обеспечения безопасности морских путей сообщения между отдельными частями Империи, что изначально было непростым делом, учитывая разбросанность доминионов по всему миру. Трезво оценивая сложившуюся ситуацию, докладчик указывал на слабость позиций Британии в Гонконге – по сути форпосте британской системы обороны на Дальнем Востоке, и вследствие этого допускал в качестве одного из сценариев не только оборону Сингапура силами откомандированных туда британских кораблей, но и в случае необходимости эвакуацию с их же помощью гарнизона крепости. Кроме того, требовалось не менее 70 дней для того, чтобы привести этот план в действие и обеспечить оборону Сингапура силами британских ВМС. Поскольку в 1937 году запасов продовольствия и военного снаряжения, находившихся в Сингапуре, хватало только на 60 дней обороны, британское командование обещало усилить военный потенциал крепости. Но и с учетом этих мер без основных кораблей британских ВМС обороноспособность крепости была не столь значительна, чтобы выдержать массированные удары противника.

Что самое важное, Чэтфилд прекрасно понимал, что в случае одновременной войны с Германией и Японией шансы на поддержку АС сводились к минимуму: «В самом худшем случае, у нас не будет времени для полного развертывания наших военно-морских ресурсов, и немцы в свою очередь могут предпринять ожесточенные атаки против нашей торговли в Атлантике. Если мы вступим в войну с Германией до того, как начнутся военные действия против Японии, наши ВМС могут быть рассеяны по всему Атлантическому океану»[6]. Адмирал честно признавался: «Мы можем рассчитывать только на ведение оборонительной политики на Дальнем Востоке». На вопрос членов делегации Новой Зеландии, почему бы имперским властям заранее не увеличить численность ВМС на Дальнем Востоке, последовало пространное объяснение, из которого явствовало, что такое наращивание военной мощи могло повлечь за собой дипломатические осложнения, большие военные расходы и административные сложности, а также массовое недовольство населения в метрополии. «Таким образом, было решено, что лучше держать боевой флот в европейских водах. Мы должны иметь флот дома в готовности к европейской войне, которая может разразиться более внезапно, чем какая бы то ни было война в Тихом океане» – таково было окончательное решение британского командования [7].

Итак, военные стратеги в Лондоне вполне отдавали себе отчет в ненадежности самого Сингапура и, соответственно, плана, основанного на использовании этой базы в качестве ключевого элемента обороны Австралии. Вне всякого сомнения, власти метрополии в первую очередь учитывали интересы Великобритании, но в итоге оборонные позиции АС оставались весьма и весьма уязвимыми, если не сказать хуже.

Это неловкое положение не было тайной для политической элиты Австралии. Весьма компетентный и опытный в области международных отношений Стенли М. Брюс, занимавший в те годы пост высокого комиссара АС в Великобритании, не раз предупреждал своих коллег в Канберре о существовавшей угрозе. Еще одна попытка британского высшего морского руководства выйти из кризисной ситуации была изложена в письме от 14 марта 1939 года адмирала сэра Рэгнера Колвина к его коллеге адмиралу сэру Роджеру Бэхаузу. В

нем он утверждал: С. Брюсу ясно, что метрополия «не сможет отправить основные силы флота к Сингапуру в случае войны с Японией, если к тому времени начнется война в Европе». В свете этого британские адмиралы предлагали согласовать с правительством АС покупку и переброску на Дальний Восток трех кораблей британского флота. Это снимало часть военных расходов с британского казначейства и частично смягчало тяжелую ситуацию по обороне дальних подступов к Австралии. Но такой шаг далеко не полностью решал все проблемы, стоявшие между двумя странами. «В действительности, опасность взглядов Брюса заключается в том, что Австралия может начать строить систему военной самообороны, которая, по моему мнению, иллюзорна и невозможна, но является привлекательной для неосведомленного общественного мнения» – подчеркивал Колвин [8].

Было совершенно очевидно, что даже в канун начала второй мировой войны британские военные не хотели упускать инициативу из своих рук, опасаясь чрезмерной самостоятельности АС. Тем не менее, все более явно проступавшая военная угроза вносила определенные коррективы. В отправленном 24 марта 1939 года донесении А.Т. Стерлинга, австралийского дипломата, аккредитованного в Лондоне, МИД АС ставился в известность о том, что, по сведениям британских источников, Япония очень осторожно отнеслась к переговорам в Берлине. Однако, «если война разразится в Европе, она, скорее всего, предпочтет наблюдать за развертыванием событий, прежде чем принять какие-либо шаги, но наверняка не останется надолго нейтральной, если в войну вступит СССР». В этой связи правительство Соединенного Королевства, стараясь удержать Японию в состоянии нейтралитета, несколько изменило свою позицию относительно переброски соединения линейных кораблей на Дальний Восток. Еще до начала войны они должны были быть отправлены немедленно не только для защиты Сингапура, но и для охраны дальних рубежей империи и обеспечения безопасности морских коммуникаций в этом регионе. По мнению инициаторов такого предложения, «это разрушит ложные представления Японии о слабости британского ВМФ в дальневосточной акватории» и удержит Японию от вступления в войну. Кроме того, большие надежды возлагались на скоординированные действия Франции, США и Нидерландов по экономической блокаде Японии в случае угрозы ее вступления в войну [9].

Британские власти вплоть до начала войны упорно отстаивали разработанные ранее планы. В телеграмме премьер-министра Великобритании Нэвила Чемберлена, отправленной на имя премьер-министра АС Джозефа Лайонса 20 марта 1939 года, ситуация в мире оценивалась как «Серьезная» (именно так, с заглавной буквы – Н.С.). В этой связи глава британского кабинета еще раз заверил своего австралийского коллегу в том, что «нашим намерением будет достижение трех главных целей: 1) предотвратить проведение крупных операций против Австралии, Новой Зеландии или Индии; 2) сохранить безопасность морских коммуникаций; 3) не допустить падения Сингапура» [10].

Но и эти обещания не успокоили многих ближайших партнеров Великобритании. Свидетельством тому могут служить материалы проходившей в апреле 1939 года в столице Новой Зеландии городе Веллингтоне конференции по вопросам обороны Тихоокеанского региона. Участники конференции уделили особое внимание важности стратегического положения Австралии. Никто из присутствовавших не сомневался в искренности намерений Лондона отправить флот в поддержку союзников в Тихом океане, но все выражали озабоченность по поводу «безопасности Сингапура до того, как прибудет этот флот» [11]. Вместе с тем, несмотря на прекрасную осведомленность всех участников переговоров о серьезной опасности японского вторжения и ненадежности предлагаемых имперскими властями схем противодействия ему, мало что было предпринято для реального исправления ситуации.

Параллельно с решением военно-стратегических проблем, явно учитывая шаткость опоры только на мощь британского флота, правительство АС активизировало свои внешние

связи. Все чаще поднимались вопросы об организации своих представительств за рубежом, которые были призваны укрепить отношения с ближайшими соседями по региону. По мере приближения угрозы мирового конфликта эти контакты приобретали все более интенсивный характер, хотя далеко не всегда точки зрения участвовавших в них сторон полностью совпадали.

Главным партнером на внешнеполитической арене для Австралийского Союза, безусловно, оставалась Великобритания, и австралийские дипломаты в вопросах европейской политики вполне полагались на своих британских коллег. Ряд исследователей объясняли эту приверженность «имперскому единству» главным образом экономической слабостью Австралии, ее зависимостью от финансов и рынков сбыта Великобритании, а также боязнью «остаться без поддержки на случай войны в бассейне Тихого океана» [12]. Безусловно, эти причины нельзя сбрасывать со счета, но не стоит также забывать, что большинство австралийских государственных деятелей прошли именно британскую школу. Кроме того, без политической поддержки Лондона бросаться в волны международной политики в столь критический момент для молодой австралийской дипломатии было делом весьма рискованным. Обретение своего голоса требовало времени, и вплоть до середины 1930-х годов имперские конференции являлись для австралийских дипломатов основной трибуной, где они могли изложить свои взгляды. Имперская конференция 1937 года в Лондоне была последним предвоенным форумом, на котором присутствовали представители всех доминионов, собравшиеся с целью обсуждения проблем внешней политики и укрепления имперской обороны.

Представители Австралии неоднократно выступали здесь с рядом предложений. В первую очередь, они были обеспокоены стремлением Германии вернуть утраченные после первой мировой войны колонии. Об этом говорилось и в стенах федерального парламента АС [13], а в меморандуме, подготовленном для австралийской делегации на Имперской конференции 1937 года, подчеркивалось, что «аппетиты Германии в колониальном вопросе не могут быть удовлетворены ни политическим, ни экономическим путем». Особенно болезненными для Австралийского Союза были претензии Германии на возврат ее части острова Новая Гвинея. По мнению австралийцев, это «поставило бы Австралию лицом к лицу с положением, каковое существовало до 1914 года, но осложненным еще и развитием военной авиации. Вряд ли Германия согласилась бы принять какие-либо условия по демилитаризации в случае возврата ей ее бывших колоний, а при возврате Новой Гвинеи возможность создания здесь военных баз для использования их Германией или союзной ей тихоокеанской державой способствовала бы возникновению чувства беспокойства и неуверенности» в соседней с нею Австралии [14].

В то же время, прекрасно сознавая все опасности и слабые стороны сугубо военного решения международных проблем, австралийские дипломаты пытались урегулировать все возраставшие сложности мирным путем. В 1937 году дипломаты АС отмечали, что «признавая интересы Британии во всем мире, особенно в сфере поддержания мира в Европе, Австралия, так же как Канада и Новая Зеландия, вполне естественно главным образом заинтересована в Тихоокеанском регионе. Наиболее интересным шагом в этом направлении стала попытка тогдашнего премьер-министра АС Дж. Лайонса привлечь внимание коллег к идеям создания систем коллективной региональной безопасности во время его выступления на сессии Имперской конференции в мае 1937 года. Постоянно подчеркивая свою лояльность Империи, он указал на «тенденцию государств к стремлению объединяться в региональные пакты там, где их интересы затрагиваются напрямую. Австралия весьма приветствовала бы региональное взаимопонимание и создание пакта о ненападении между странами Тихоокеанского региона». Вместе с премьер-министром АС поборниками этих идей были министр иностранных дел АС сэр Джордж Пирс и занимавший в то время должность

генерального атторнея Роберт Г. Мензис, изложившие аналогичные соображения по данному вопросу в австралийском парламенте и на заседаниях ассамблеи Лиги Наций в Женеве. В состав участников такого пакта предполагалось привлечь все государства, расположенные по берегам Тихого океана, включая СССР и Китай [15].

Если меры по укреплению обороны АС не вызвали категорических возражений со стороны метрополии, то предложение Дж. Лайонса о заключении широкого международного договора по обеспечению взаимной безопасности встретило в Лондоне не столь теплый прием. В ходе переговоров по этому вопросу британский министр иностранных дел Энтони Иден заявил: «Прежде чем заключать пакт о ненападении, надо быть уверенными в том, что он послужит именно поставленной перед ним цели». Вдобавок, такого рода договоры накладывают на подписавшие их стороны серьезные дополнительные обязанности.

В ответ на эти возражения Лайонс привел свои доводы: начать эту трудную работу можно опираясь на уже существующие соглашения, в частности, пакт Келлога, под которым представители США поставили свою подпись. В 1935 году президент Франклин Д. Рузвельт лично обещал Лайонсу, что «если серьезные проблемы возникнут в Тихом океане, то Соединенные Штаты будут готовы предпринять общие действия с теми членами Содружества, кого это коснется». Помимо того, заключение подобного договора снимет часть военных расходов и с Великобритании, и с доминионов. Однако высказанные присутствовавшими на заседании членами правительства Британской империи соображения по данному вопросу свелись главным образом к чистому протоколу: проблемы, связанные с заключением Тихоокеанского пакта, весьма серьезны и нуждаются в дополнительном и всестороннем рассмотрении [16].

В секретном заключительном меморандуме, принятом участниками Имперской конференции 28 мая 1937 года, предлагалось рассмотреть более детальные предложения правительства АС, которые оно должно было изложить в специальном докладе. Однако, надо было учитывать, что «любой пакт о взаимопомощи в районе Тихого океана, имеющий военный характер, не является ни практичным, ни желательным, так как пакт подобного характера не получит большой поддержки и лишь добавит обязательств членам Британского содружества». Другими словами, важная составляющая предложений австралийской стороны по военным аспектам планировавшегося соглашения, по сути дела изначально отсекалась. Пакт должен был содержать лишь положения о политическом сотрудничестве, а также общие намерения в области экономического, культурного обмена, гарантии ненападения и взаимного уважения суверенитета и заявление о неприемлемости войны как средства национальной политики [17].

Предстояло тщательно обсудить технические вопросы: возможные формы, в которые облечутся данные предложения и дальнейшие шаги по их воплощению в жизнь. В письме главы британского министерства иностранных дел Э. Идена от 19 июня 1937 года, направленном Дж. Доддсу в посольство Великобритании в Японии, подведен итог дискуссии о Тихоокеанском пакте: «все делегации рассматривали его как желательную (хотя и достаточно отдаленную) цель». Изучавшие этот вопрос эксперты отметили, что «переговоры по разработке подобного рода пакта не должны проводиться в спешке». Правительство Соединенного Королевства в первую очередь собиралось учитывать интересы своих отношений с Японией и Китаем, а также мнение правящих кругов США. [18] В переводе с языка дипломатии это означало: даже в ограниченном виде предложения Австралии откладывались в очень долгий ящик.

Вероятно, именно такой поворот дел подстегнул руководство страны к поиску новых партнеров. Поначалу предложения относительно расширения и укрепления самостоятельных дипломатических контактов АС вызывали неоднозначную реакцию даже в среде самих сотрудников австралийского внешнеполитического ведомства. Но нависавшая над Тихим

океаном угроза реальной войны заставляла государственных деятелей АС более пристально присматриваться к ближайшим соседям.

В 1939 году разрабатывались самые тесные планы сотрудничества и координации действий между Австралией и Новой Зеландией. Так, премьер-министр Новой Зеландии Майкл Дж. Сэвидж предлагал обсудить «стратегическую ситуацию в западной части Тихого океана в самом широком аспекте, охватывающем все политические, экономические и географические соображения, которые могли бы возникнуть в случае внезапной войны в Европе и на Дальнем Востоке».

В частности, это касалось военных операций в прилегающей к двум странам акватории Тихого океана, защиты торговых путей и непосредственно территорий Австралийского Союза, Новой Зеландии и их подмандатных островных владений. В качестве наиболее насущных мер предлагались согласование оборонной политики, взаимные поставки оборудования и припасов военного значения, а также выработка общего курса относительно активности США в зоне Тихого океана [19].

В начале сентября 1939 года в связи с началом войны в Европе оживились и переговоры об установлении прямых дипломатических контактов между Австралийским Союзом и Канадой. Предлагалось обменяться представителями в ранге высоких комиссаров в Оттаве и Канберре: уровень дипломатических отношений между доминионами приравнивался к уровню связей с метрополией. Впервые такая попытка была предпринята еще в 1935 году; однако британские власти далеко не всегда приветствовали налаживание обмена информацией между доминионами Британской империи напрямую, а не через Лондон [20].

В это же время практически постоянно шли многосторонние переговоры по согласованию вопросов аккредитации австралийских советников при посольствах Великобритании в Вашингтоне и Токио. Все это свидетельствовало о стремлении австралийского правительства иметь непосредственный доступ к информации по международным проблемам в странах, представлявших особый интерес для Австралийского Союза. Однако исходной позицией метрополии было требование, чтобы эти дипломаты находились в полном подчинении у британских послов в США и Японии, а переписка советников с правительством АС подлежала проверке со стороны их британских патронов. Опубликованные документы по данным вопросам отражали явное нежелание британских властей полностью выпускать инициативу из своих рук: вопрос о назначении советника АС в Токио, например, решался сложно, англичане предлагали свои варианты – передать функции советника уже присутствовавшему в столице Японии торговому представителю АС. Австралийские власти сочли такое предложение «нежелательным административным решением» и отложили дальнейшее рассмотрение до лучших времен [21].

Вопросы о более тесных связях с США ставились на повестку дня еще в 1932 году бывшим премьер-министром АС С. М. Брюсом, находившимся в то время в Лондоне на дипломатической службе. В 1936 году правительство АС предложило аккредитовать своего представителя при британском посольстве в Вашингтоне. В следующем году такой представитель в ранге советника прибыл в столицу США, что получило одобрительные отклики в австралийской и американской прессе. Это назначение рассматривалось как «условие получения правительством АС подготовленных и опытных специалистов в сфере международных отношений и закладывало основу для учреждения в будущем любого представительства более высокого статуса, которое действующее правительство сочтет необходимым» [22]. По словам Дж Лайонса, новые контакты были призваны лишь укрепить и международные связи Британской империи в целом [23].

Несмотря на это, в секретной телеграмме министра по делам доминионов Т. Инскипа, отправленной 29 апреля 1939 года на имя британского представителя в Австралии сэра

Джеффри Уискарда, анализировалась ситуация, сложившаяся вокруг открытия австралийских миссий в США и Японии. Правительство Великобритании не возражало против укрепления самостоятельных дипломатических контактов АС и США, однако, обмен дипломатическими представительствами с Японией вызвал у представителей метрополии явную озабоченность. Подчеркивая, что «настоящий момент не является обычным», англичане опасались, что «японское правительство желает учреждения австралийской миссии, так как оно думает таким образом ослабить имперские связи и использует их установление в качестве доказательства того, что Австралия не разделяет взгляды Соединенного Королевства на происходящее в Китае». В свете этих соображений, правящие круги Великобритании выражали надежду, что «правительство Австралийского Союза в любой ситуации сможет отложить подобный шаг до более подходящего момента» [24]. Все это наглядно демонстрировало, что расширение дипломатических контактов АС вызывало у властей метрополии явное нежелание выпускать бразды правления из своих рук. Все это очень напоминало ситуацию, складывавшуюся вокруг австралийских предложений в военной области.

Тем не менее, невзирая на сопротивление Лондона, становилось ясно, что, более тесные связи с партнерами по региону были крайне важны для Австралии. Примером тому могут служить личные контакты С.М. Брюса, который как дипломат и государственный деятель оказался одним из наиболее дальновидных и проницательных в то время, и его донесения – подробные и обстоятельные – содержали самые интересные сведения и соображения по поводу складывавшейся ситуации как в АТР, так и во всем мире. Из его секретной телеграммы от 8 мая 1939 года на имя Р.Г. Мензиса следовало, что переговоры с США по вопросам безопасности в регионе велись параллельно с согласованием военной программы с метрополией. Брюс сообщал о своих переговорах в Вашингтоне с президентом США Рузвельтом и его советниками по поводу возможного вступления в войну Японии. Ответ был весьма ободряющим: «Соединенные Штаты будут расценивать любое движение Японии как недружественное по отношению к жизненным интересам Соединенных Штатов, и администрация будет вынуждена вмешаться и получит одобрение своим действиям со стороны общественного мнения». Американцы еще раз согласились с необходимостью самых широких контактов между двумя странами, подтвердив свою решимость встать на сторону АС в случае вооруженного конфликта в АТР [25]. Учитывая военный потенциал США, такое обещание дорогого стоило.

В 1930-х годах проблемы, связанные с Японией, приобретали для Австралийского Союза все более серьезное значение, учитывая, что взаимоотношения двух стран складывались весьма неоднозначно. Переговоры о сотрудничестве с японскими партнерами наталкивались порой на трудно преодолимые препятствия. С одной стороны, в этот период экономические связи Австралии с ее азиатскими соседями, в частности, поставки австралийской шерсти в Японию, постоянно росли. Во второй половине 1930-х годов постоянные представительства торговых комиссаров АС появились в целом ряде азиатских стран, в том числе и в Токио. Официально правительства обоих государств заверяли друг друга в самых дружественных намерениях. С другой стороны, эти декларации скрывали самые острые противоречия, связанные со стремлением обеих стран сохранить свои доминирующие позиции в регионе. Австралия всячески противилась проникновению Японии в ЮТР. Помимо географических и экономических соображений, важным стал и оборонный аспект проблемы. В правящих кругах Японии все чаще слышались утверждения, что «гарантии будущего Японии лежат на юге, а не на севере». Кроме того, составлявшие основу государственного устройства Австралийского Союза политика «белой Австралии» и протекционизм также были неприемлемы для японских правящих кругов [26].

Активность Японии и ее экспансионистские планы заставили австралийских политиков по-новому посмотреть на проблемы принадлежности необитаемых островов Тихого океана, расположенных поблизости от берегов Австралии. В принципе еще в 1920-х годах австралийские политики обращались к метрополии с просьбой об установлении над этими территориями британского контроля. Тогда они так и не получили внятного ответа из Лондона, поэтому в 1937 году члены австралийской делегации вновь настаивали на том, что вопрос о принадлежности этих островов «является делом австралийского национального интереса, и представляется наиболее желательным, чтобы они были британскими» [27].

Экономические притязания Японии, разворачивание деловых связей и поддержка ее правительством проектов по освоению минеральных ресурсов Океании вызывали большую тревогу в Австралии. Специальное бюро японского МИД и несколько компаний вели активную работу по освоению территорий островов в южной части Тихого океана, в зоне их интересов находились добыча жемчуга, нефтяные разработки, сельское хозяйство, судоходство. Правительство АС, опираясь на поддержку метрополии, стремилось не допустить японцев к разработке нефтяных месторождений, ограничить их активность в этом регионе в целом.

Свидетельством тому, насколько большое значение придавалось этому соперничеству, могут служить документы, отражавшие переговоры 1939 года между правительствами Австралии и Португалии об организации авиалинии между городами Дарвином и Дили на принадлежавшем тогда Португалии острове Тимор. Необходимость такого сообщения была вызвана не столько экономическими соображениями, сколько «очевидностью японского проникновения на эту территорию и ...необходимостью укрепить британские интересы для противодействия такому проникновению» [28]. Параллельно с этими переговорами в мае 1939 года шла интенсивная переписка между представителями правительств Португалии, Великобритании и АС о разработке нефтяных месторождений на том же острове [29]. Португальское правительство охотно шло на сотрудничество с австралийцами, не желая осложнять ситуацию с японским проникновением на контролируемые ими территории.

Рост негативных по отношению к Японии настроений выливался на страницы австралийской прессы, и реакция японских правительственных кругов не заставила себя ждать. В письме г-на Торао Вакамацу, японского генерального консула в Сиднее, на имя премьер-министра АС Дж. Лайонса от 17 февраля 1939 года выражалась озабоченность ростом антияпонских настроений в Австралии, которые выплескивались и на бытовом уровне, вплоть до угроз расправы с официальным представителем Японии в АС. Японский представитель просил правительство АС вмешаться в складывающуюся враждебную его стране ситуацию: «Хотя контроль над разговорами, публикациями и образованием является обычно внутренним делом страны, в которое я, естественно, не имею ни права, ни намерения вмешиваться, он вторгается в сферу международных дел, когда затрагивает международную учтивость и дружественные отношения между двумя народами». В ответном письме премьер-министр постарался успокоить японского консула, всячески подчеркивая стремление своего правительства сохранить дружественные отношения с его страной [30]. Обострение отношений с Японией не входило в ближайшие планы Австралии.

В свете этих фактов особенно важным стал вопрос об открытии дипломатического представительства АС в Токио. В секретном донесении высокого комиссара Соединенного Королевства в АС сэра Джеффри Уискарда в Лондон от 10 мая 1939 года сообщалось о позиции премьер-министра АС относительно открытия австралийской миссии в Японии. «Для Австралии является жизненно важным удержать Японию от вступления в войну, если войне суждено случиться, и ... открытие в Токио австралийской миссии может принести пользу в достижении этой цели», – отмечал британский представитель [31].

Несмотря на попытки властей обеих стран найти некое взаимоприемлемое решение спорных вопросов, атмосфера в районе Тихого океана постепенно накалялась. Не способствовали улучшению взаимоотношений и жесткая манера японских властей при проведении инспекции иностранных граждан в Китае. Австралийцы, в свою очередь, боялись пускать японские суда близко к своим берегам. В итоге накануне войны отношения Австралии и Японии оставались одними из самых запутанных и далеких от какого бы то ни было положительного решения.

На глазах ухудшавшаяся международная обстановка заставила пересмотреть свои взгляды даже последовательного англофила Р. Мензиса. Выступая по радио 26 апреля 1939 года, он, в качестве уже нового премьер-министра Австралийского Союза, заверил слушателей в намерении сохранить мир во что бы то ни стало. Мензис отметил, что «в Тихом океане мы несем первостепенную ответственность и первостепенные риски». «Тихоокеанские проблемы другие. То, что Великобритания называет Дальним Востоком, для нас является ближним севером», – повторял он слова, сказанные еще в 1920-х годах тогдашним министром иностранных дел АС Дж. Пирсом. Поэтому, по мнению Р. Мензиса, при сохранении всех связей с Империей «Австралия должна рассматриваться как основная страна, обеспечивая себя всей информацией и поддерживая свои собственные дипломатические контакты с иностранными державами» [32].

Весьма примечательно было и его выступление на заседании Совета обороны АС 5 июля 1939 года. Было совершенно очевидно, что глава австралийского правительства был весьма обеспокоен сложившейся ситуацией, которая представлялась ему исключительно в мрачных тонах. По его мнению, военные планы Японии в войне против АС строились в основном в расчете на то, чтобы с помощью рейдов авиации и флота в районе островов Тихого океана установить «полную или частичную блокаду путем разрыва нашей торговли и уничтожения нашей экономической структуры». «Завершив этот этап, она предложит свои условия, главным образом направленные на пересмотр тарифов в пользу Японии и отмены нынешней политики «белой Австралии» и установление миграционных законов, выгодных Японии». Такой исход дела представлялся Мензису как «бедствие для нас и нашей нации» [33].

Тем временем события в Европе нарастали стремительно. Союз СССР и Германии стал шоком для австралийского руководства. В Канберре складывавшуюся в мире ситуацию воспринимали вполне серьезно, и 24 августа кабинет министров принял решение руководствоваться в своих действиях инструкциями, изложенными в подготовленной департаментом обороны Военной книге, где подробно излагались те меры, что должны быть приняты в случае начала войны³⁰. И уже 3 сентября 1939 года, выступая по радио, Р. Мензис сказал: «Моя печальная обязанность – официально сообщить вам, что вследствие продолжения вторжения Германии в Польшу Великобритания объявила ей войну и, как результат, Австралия также находится в состоянии войны» [34].

Итак, попытки австралийской дипломатии избежать участия в войне оказались тщетными. Более того, события разворачивались со скоростью, какую никак не ожидали ни в Канберре, ни в Лондоне. Каковы же выводы из всего вышесказанного? Последнее предвоенное десятилетие стало для австралийских правящих кругов своего рода поворотным пунктом. По сути дела, это были годы становления самостоятельной австралийской дипломатии. Получив свободу действий в области внешней политики, австралийцы, с одной стороны, не сразу поспешили воспользоваться этой возможностью и по большей части придерживались традиционного следования в курсе британской внешнеполитической линии. Особенно это касалось событий в отдаленных от Австралии регионах, где интересы их страны пока еще не затрагивались напрямую. Так, например, разрешение европейских конфликтов оставлялось австралийскими дипломатами на рассмотрение их имперским

патронам. Отсюда проистекали и поддержка политики умиротворения агрессора, и непонимание сути гитлеризма, за которые в современной историографии так сурово критикуют лидеров Австралийского Союза 1930-х годов.

С другой стороны, в вопросах, напрямую связанных с защитой непосредственных интересов своей страны, австралийские государственные деятели пытались проводить самостоятельную линию, налаживая первые прямые контакты со странами Британского Содружества и соседями по региону. Особенно активизировались это попытки после фактического провала создать систему коллективной безопасности в зоне Тихого океана на Имперской конференции 1937 года. Наиболее успешно дела в этой области шли между странами, близкими по своим исторически корням: Новой Зеландией, Канадой, США, где существовавшие различия не мешали взаимному пониманию. Попытки же наладить хотя бы добрососедские отношения с Японией не удались, несмотря на ряд факторов, которые, казалось бы, должны были способствовать более тесным контактам в области экономики и торговли. Слишком сильны были настроения соперничества двух держав, одинаково претендовавших на доминирование в ЮТР.

Причины, которые сдерживали темпы внешнеполитической активности австралийцев, являлось, в первую очередь, явное нежелание властей метрополии выпускать Австралийский Союз из-под своего влияния. Особенно очевидно проявлялось оно в области оборонной стратегии, которая была самым ненадежным звеном во внешнеполитических схемах Великобритании. Второе по значимости влияние оказывала экономическая слабость Австралийского Союза и его тесная зависимость от метрополии практически во всех жизненных областях. Сознание собственной уязвимости не давало австралийским государственным деятелям возможности смелее вести свою линию в международных делах.

Итогом же сложившихся обстоятельств стали трудности первых военных лет, когда в 1941 году вступившая в мировой конфликт Япония в течение нескольких месяцев подошла практически беспрепятственно к берегам Австралии, самым наглядным образом продемонстрировав все изъяны внешнеполитических построений правительств Австралийского Союза 1930-х годов. В то же время, наработанные в этот период связи с союзниками позволили сдержать натиск японцев и придти, в конечном счете, к победе.

Источники и литература:

1. См. об этом: Мартынов А.И., Русакова О.К. Австралия в международных отношениях XX века. М., 1978, с. 33 – 34.
2. См.: The Australian Labour Party and Federal Politics. A Documentary Survey. Carlton, 1976, p.103.
3. Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. Historical Publications, vol. 1, 13 // Summary of Papers and Questions on Defence submitted by Delegation to Imperial Conference. Extracts. London, 1937, 28 April. Paper №1 – The Political and Strategic Considerations Relating to Imperial and Local Defence. Документы архива Департамента иностранных дел и торговли Австралийского Союза, размещены на интернет-сайте этого ведомства по адресу: www.info.dfat.gov.au. Далее ссылки на аналогичные материалы делаются только с указанием их названий.
4. Speech by Mr J. A. Lyons, Prime Minister, to First Plenary Session of Imperial Conference E 1st meeting (1937). London, 14 May 1937.
5. Summary of Papers and Questions on Defence submitted by Delegation to Imperial Conference. Extracts. London, 1937, 28 April. Paper №1 – The Political and Strategic Considerations Relating to Imperial and Local Defence.

6. Minutes of Meeting to discuss Defence Questions. Whitehall Gardens, London, 1 June 1937, 9.30 a.m. SECRET.
7. Admiral Sir Ragnar Colvin, First Naval Member, Naval Board, to Admiral Sir Roger Backhouse, U.K. First Sea Lord. Cablegram 1700/14 Melbourne, 14 March 1939, 5 p.m. PERSONAL.
8. Mr A.T. Stirling, External Affairs Officer in London, to Department of External Affairs. Cablegram 69, London, 24 March 1939. SECRET.
9. Mr N. Chamberlain, U.K. Prime Minister, to Mr J.A. Lyons, Prime Minister. Cablegram unnumbered, London, 20 March 1939, 9 p.m. IMMEDIATE PERSONAL AND MOST SECRET.
10. Sir Harry Batterbee, U.K. High Commissioner to New Zealand, to Sir Thomas Inskip, U.K. Secretary of State for Dominion Affairs. Dispatch 23 (extract from copy). Wellington, 26 April 1939. SECRET.
11. Мартынов А.И., Русакова О.К. Ук. соч., с.34.
12. См.: Australia. Parliament. Parliamentary Debates. Vol. 149, p.119-123 (речь главы МИД сэра Джорджа Пирса по поводу Германии).
13. Memorandum prepared for Delegation to Imperial Conference Extract n.d. [before 9 February 1937].
14. Speech by Mr J. A. Lyons, Prime Minister, to First Plenary Session of Imperial Conference E 1st meeting (1937) London, 14 May 1937.
15. Minutes of Fourth Meeting of Principal Delegates to Imperial Conference. E (PD) (37) 4 (extracts) London, 22 May 1937.
16. Minutes of Fourth Meeting of Principal Delegates to Imperial Conference. E (PD) (37) 4 (extracts) London, 22 May 1937/
17. Mr M. MacDonald, U.K. Secretary of State for Dominion Affairs, to Mr J. A. Lyons, Prime Minister. Circular Dispatch B79 London, 23 July 1937. Received n.d. [on or before 12 August 1937] CONFIDENTIAL. Enclosure. Mr. A. Eden, U.K. Secretary of State for Foreign Affairs, to Mr J. L. Dodds, Counsellor, U.K. Embassy, Japan. Dispatch 302 (COPY) London, 19 June 1937.
18. Mr M.J. Savage, N.Z. Prime Minister, to Mr J.A. Lyons, Prime Minister. Cablegram unnumbered Wellington, 24 January 1939, 11.30 a.m. SECRET.
19. Mr W.L. Mackenzie King, Canadian Prime Minister, to Commonwealth Government. Cablegram 7 Ottawa, 3 September 1939, 11.10 p.m.
20. Mr J. A. Lyons, Prime Minister, to Mr S. M. Bruce, High Commissioner in London. Cablegram unnumbered 2 February 1937.
21. Memorandum prepared for Delegation to Imperial Conference. Extract n.d. [after 10 February, 1937].
22. Mr J.A. Lyons, Prime Minister, to Sir Thomas Inskip, U.K. Secretary of State for Dominion Affairs. Cablegram 34 30 March 1939, SECRET.
23. Sir Thomas Inskip, U.K. Secretary of State for Dominion Affairs, to Sir Geoffrey Whiskard, U.K. High Commissioner to Australia. Cablegram 98 (paraphrase) London, 29 April 1939, 11.30 p.m. SECRET.
24. Attachment II Note by Mr S.M. Bruce of Conversation with Mr Franklin D. Roosevelt, U.S. President. Extract Washington, 4 May 1939; Mr S.M. Bruce, High Commissioner in London (in America), to Mr R.G. Menzies, Prime Minister. Cablegram 20 Washington, 8 May 1939. PERSONAL MOST SECRET.
25. См. подробнее: Мартынов А.И., Русакова О.К, Ук. соч., с. 38, 40– 41.
26. Memorandum prepared for Delegation to Imperial Conference. n.d.
27. Cabinet Submission by Mr H.V.C. Thorby, Minister for Civil Aviation. Agenda 603 14 March 1939, Proposed air service Darwin to Dilli (Portuguese Timor).

28. Cabinet Submission by Mr H.V.C. Thorby, Minister for Civil Aviation. Agenda 603. 14 March 1939.
29. Mr J.A. Lyons, Prime Minister, to Mr Torao Wakamatsu, Japanese Consul-General in Sydney. Letter 3 March 1939. CONFIDENTIAL.
30. Sir Geoffrey Whiskard, U.K. High Commissioner to Australia, to U.K. Dominions Office. Cablegram 94 (paraphrase) Canberra, 10 May 1939. SECRET.
31. Broadcast Speech by Mr R.G. Menzies, Prime Minister. Extract 26 April 1939.
32. Summary of Proceedings of Council of Defence Meeting. Extracts 5 July 1939, 10 a.m.
33. Cabinet Minute 10 Canberra, 24 August 1939. Также см.: Hasluck P. The Government and the People 1939–1941. Canberra, 1952, p. 122-42.
34. Broadcast Message by Mr R.G. Menzies, Prime Minister. 3 September 1939, 9.15 p.m.

Практическая деятельность по развитию отношений СССР и России со странами Океании в 1987-1992 гг. (На примере Новой Зеландии, Западного Самоа, Королевства Тонга и Островов Кука)

Соколов Ю.М., Чрезвычайный и Полномочный посол, Почётный консул Королевства Тонга

В момент моего назначения на должность посла отношения между СССР и Новой Зеландией, не говоря уже о других островных государствах ЮТР, отнюдь не воспринимались руководством нашей страны и министерством иностранных дел как очень важные. К этому времени они были отмечены рядом отрицательных моментов. В 1980 г. из Новой Зеландии был выслан советский посол В. Софинский и, соответственно, из СССР был выслан новозеландский посол Джим Вейр. В дальнейшем, в течение примерно четырех лет, отношения между двумя странами строились на уровне временных поверенных в делах. В 1987 г. новозеландцы под надуманным предлогом выслали советника нашего посольства.

В принципе, у новозеландской стороны широкий экспорт продукции сельского хозяйства в СССР в течение многих лет сочетался с подозрительностью, недоверием, а иногда и просто страхом, основы которого были заложены ещё со времён Крымской войны (т. н. Russian scare). Впрочем, отношения с Советским Союзом не стояли среди приоритетов и новозеландской дипломатии. При моём первом посещении МИД страны секретарь по иностранным делам Мервин Норриш без какой-либо подготовки и объяснений довольно резко заявил, что советские власти неправильно ведут себя по отношению к сотрудникам новозеландского посольства в Москве. Попытки выяснить причину такого заявления у новозеландцев ни к чему не привели. Кстати, сам г-н Норриш по мере развития «перестройки» показал себя как дружелюбно настроенный высококвалифицированный профессионал, однако поставленный им вопрос так и остался для нас загадкой.

Первая же пресс-конференция в посольстве, касающаяся нашей «перестройки» и нового мышления во внутренних и международных делах, показала, что местные СМИ в тот период ещё не были готовы к серьёзному разговору, их интересовали преимущественно скандальные моменты, высылка нашего посла и советника, но никак не «перестройка» и не развитие советско-новозеландских отношений.

Как ни странно, постоянно настороженное, а зачастую прямо отрицательное отношение к нам в Новой Зеландии во многом объяснялось не только плохой информированностью и многолетним страхом перед коммунизмом, который якобы только и жаждет пробраться в Новую Зеландию и в Океанию, но и антиядерным законодательством. Приняв его, лейбористское руководство значительно ухудшило свои отношения в первую очередь с Соединёнными Штатами и старалось не выглядеть слишком про-советски, чтобы отвести упреки относительно «подыгрывания Москве», постоянно поддерживая холодность в отношениях с нами.

Например, несмотря на наши постоянные предложения, взаимные поездки дипломатов по стране стали совершаться только в 1993 г.

Хотя Новая Зеландия и считалась в МИД СССР «подарочной» страной для наших послов, отношения с ней складывались далеко не просто. Поэтому Э. Шеварднадзе, напутствуя меня перед отъездом в 1987 г., призвал действовать осторожно и осмотрительно. Со своей стороны Председатель Президиума Верховного Совета СССР А.А. Громыко, принимая меня, сказал, что помнит «молодого, но способного человека Дэвида Лонги» и отметил, что малые страны вроде Новой Зеландии имеют право придерживаться собственных позиций. Говоря о стоявших тогда у власти лейбористах, он подчеркнул, что работать с ними нашим дипломатам зачастую труднее, чем с откровенно консервативными партиями.

Действительно, с одной стороны, происходили обмены партийными делегациями между ЦК КПСС и правящей Лейбористской партией. В 1987 г. в Москву выезжала группа во главе с председателем партии Маргарет Уилсон, считавшейся в нашем посольстве чуть ли не антисоветски настроенной (некоторое время она была Генеральным прокурором в двух правительствах Хелен Кларк, теперь она спикер парламента, совсем недавно побывала в Москве). В 1989 г. в СССР приезжала делегация Лейбористской партии во главе с новым председателем Рут Дайсон (она была министром в двух последних правительствах Хелен Кларк и в какой-то момент ушла в отставку из предпоследнего правительства из-за вождения автомашины в нетрезвом состоянии, однако вернулась на министерский пост после выборов 2002 г.). С другой стороны, премьер-министр Дэвид Лонги практически отказывался встречаться с советскими послами, не придерживаясь принятой практики. Никак не соглашались новозеландцы на установление авиационного сообщения, считая, что все наши самолёты ведут шпионские фотосъёмки. Дискуссии об этом затянулись на много лет.

Характерно, что по прилёту в июне 1987 г. в аэропорт Окленда, меня встретила большая группа корреспондентов, включая тележурналистов, которые задавали только один вопрос: правда ли, что мы планируем советскую экспансию в регионе. Именно такой смысл они вкладывали в советскую «Программу укрепления мира и безопасности в Азии и бассейне Тихого океана». Судя по опубликованным затем материалам, никто даже не слушал наших разъяснений. Любопытно также, что перед моим отъездом домой в 1992 г. наше посольство в Веллингтоне было названо как самое открытое для СМИ. Корреспондентский корпус устроил большой прощальный приём, а по телевидению было сказано, что советское посольство в общении с прессой не прибегает к обману.

Однако в начале моего назначения до этого было довольно далеко, хотя принципиальные основы для изменений к лучшему в наших отношениях, казалось бы, были заложены советскими предложениями о всеобщем разоружении 1986 г., выступлениями М.С. Горбачёва во Владивостоке и Красноярске, выдвинутой «Программой укрепления мира и безопасности в Азии и бассейне Тихого океана». Приглашения политических деятелей различных партий и взглядов на последовавшие затем пост-владивостокские встречи в определённой степени способствовали дальнейшему размыванию антисоветских настроений, которое постепенно происходило с 1985-1986 гг. Однако в течение 1987 г. и частично 1988 г. новозеландское руководство ещё относилось к советским предложениям по региону скептически, считая их обычной пропагандой. В какой-то степени их можно было понять, поскольку наша внешнеполитическая пропаганда по традиции никогда не отличалась тонкостью и убедительностью. Как мною было отмечено в одном из интервью, блестящей советская дипломатия стала именно потому, что нам приходилось прибегать к большой изобретательности не для того, чтобы отвечать на вопросы, а чтобы от них уходить. По мере развития «перестройки» это положение менялось, и работать становилось легче.

Новозеландское руководство и пресса всё более внимательно следили за изменениями, происходившими во внутренней и внешней политике СССР. Особенно за понятными им и конкретными, такими как свободная эмиграция евреев и других граждан из страны, расширение гласности и явное улучшение советско-американских отношений. Росла популярность личности М.С. Горбачёва.

1987-1992-е гг. были отмечены постоянно возрастающим интересом со стороны населения Новой Зеландии к событиям в нашей стране. В предшествующие годы посольству приходилось зачастую довольствоваться контактами главным образом с немногочисленными членами «Общества Новая Зеландия – СССР» и встречами с официальными лицами. Новый период был отмечен растущим количеством выступлений наших сотрудников во всех уголках страны перед членами популярных деловых клубов – «Ротари», «Лайонс», «Грассхопперс». То же относилось к женским и ветеранским организациям, студентам

университетов и колледжей, к региональным отделениям Института международных отношений и Торгово-промышленной палаты. Мы старались, чтобы в этой работе и многочисленных поездках по стране принимали участие все сотрудники советских учреждений, в том числе молодые.

В 1985–92 гг. посольством проводилась кампания по награждению советской медалью в ознаменование 40-летия Победы нескольких сотен новозеландских ветеранов, принимавших участие в знаменитых северных морских конвоях из Англии в Мурманск. По этому поводу ветеранские организации, имеющие большой авторитет в Новой Зеландии, устраивали специальные многолюдные торжественные мероприятия с участием жён, детей и внуков, на которых наши сотрудники вручали награды. Это привлекло большое внимание СМИ, способствовало восприятию нашей страны в положительном и дружественном духе.

Такая ситуация позволяла лучше узнать страну пребывания, часто встречаться с широкими слоями населения. Так, за эту заграничную командировку лично у меня набралось более 150 газетных вырезок о выступлениях, не считая многих интервью для телевидения, выступлений и ответов на вопросы по радио. Нужно отдать должное новозеландским СМИ: по мере роста интереса к «перестройке» в СССР они стали более точно и подробно цитировать наши выступления.

В этой связи вспоминается неудобное положение, в котором я оказался по приезде в Новую Зеландию. Перед отъездом из Москвы состоялась беседа с заместителем министра Внешних экономических связей. С моей стороны был затронут вопрос, не может ли советская сторона, как это просят новозеландцы, обозначить объём своих закупок сельхозпродукции на несколько лет вперёд, чтобы облегчить им планирование производства. Замминистра посмотрел на меня строго и напомнил, что на недавнем пленуме ЦК КПСС была принята программа развития сельского хозяйства, согласно которой мы обеспечим себя продовольствием через 3 года. Мне стало стыдно за такое упущение, и пришлось согласиться. По приезде в Веллингтон состоялась встреча с Советско-новозеландским деловым советом, на которой с моей стороны было высказано предостережение о скором окончании нашего импорта сельхозпродукции в связи с упомянутым пленумом. Могу представить, что именно подумали обо мне члены Совета, но, слава богу, эта тема никогда больше не всплывала. Хорошо, что на этой встрече не было дотошных журналистов.

Нужно отметить, что к 1987 г. у нас имелся довольно подробный план работы со странами региона. Предлагалось развивать политические отношения с Новой Зеландией, обмениваться делегациями на высоком и среднем уровне, активизировать парламентские обмены, межмидовские консультации, расширять контакты по линии ССОД, направлять художественные коллективы и выставки. Имелось в виду сочетать крупные традиционные закупки продовольствия и шерсти с активным продвижением наших товаров, особенно техники, направлять для обмена опытом экономические делегации, готовить различные двусторонние соглашения: о воздушном сообщении, о двойном налогообложении, научных и культурных обменах, по консульско-визовым вопросам, регулярно пересматривать рыболовное соглашение и т.п.

По островным государствам планировалось обмениваться парламентскими делегациями, оказывать помощь в развитии экономик, внешней торговли, послать агитационный пароход с выставками, пропагандистской литературой, концертными программами и лекторами.

В 1988 г. рассматривалась возможность создать в государствах Океании бытовую сеть для поставок советских товаров – автомобилей, тракторов, сельхозтехники, станков и инструментов, холодильников, бытовых кондиционеров, тканей, рыбных консервов. Предлагалось изучить возможность поисковых работ на пресную воду на Фиджи, Тонга, Вануату, помочь Вануату в использовании энергии малых рек, а ПНГ в разработке лесных

ресурсов. От Торгово-промышленной палаты требовалось установить контакты между советскими внешнеторговыми организациями и фирмами островов, организовать передвижную выставку-распродажу наших экспортных товаров с проведением семинаров на тему «Как торговать с СССР». Имелось в виду провести переговоры с Рыболовной комиссией ЮТФ о заключении соглашений по рыболовству.

Конечно, большая часть этих планов не была реализована, поскольку для этого требовались большие средства, которых у нашей страны становилось всё меньше. Уже в 1989 г. начались первые в истории задержки наших платежей за импорт из Австралии и Новой Зеландии. В 1990 г. они стали привычными, а в 1992 г. платежи вообще прекратились.

Пока же основные торговые операции с Новой Зеландией общей стоимостью 250-300 млн. амер. долларов в год осуществлялись преимущественно через специально созданную внешнеторговую фирму «Совинз», являющуюся дочерним предприятием могущественного Молочного совета, общая стоимость экспорта которого составляла многие миллиарды долларов. «Совинз», имевший представительство в Москве, поставлял нам молочный порошок, сыр, масло, баранину, а позднее, кажется, и шерсть, а закупал автомашины «Лада», электромоторы и минеральные удобрения. Фирма также поставляла и монтировала мелкие заводы по производству сыра и колбас на Сахалин и Камчатку. Его генеральный менеджер, популярный в стране в те годы Брюс Гаффикин, брал на себя ответственность не прекращать поставки продовольствия на наш Дальний Восток даже после первых неплатежей. В 1992 г. российская сторона заморозила средства отдельных фирм, уже полученные Внешторгбанком для оплаты новозеландского импорта, после чего компания «Совинз» была ликвидирована с большими убытками. Интересно, что позднее Гаффикин создал свою собственную довольно успешную фирму по торговле с Россией, однако она разорилась в 1998 г.

Тем временем политические отношения между двумя странами в конце 80-х гг. развивались позитивно.

Летом 1987 г. тогдашний лейбористский министр иностранных дел Расселл Маршалл сделал важное заявление о том, что настало время коренным образом пересмотреть отношения с Советским Союзом и перестать считать «запятнанным» каждого новозеландца, побывавшего в нашей стране. Маршалл был позднее Высоким комиссаром Новой Зеландии в Лондоне, мы с ним поддерживали дружескую переписку. Совсем недавно мы с удовольствием повидались с ним в посольстве Новой Зеландии в Москве.

В 1988 г. в Советском Союзе сопровождал приезжавшего с официальным визитом заместителя премьер-министра Джеффри Палмера, посетившего Ленинград, Москву и Владивосток. Визит ещё более растопил сохранявшийся холодок в наших отношениях. С Палмером прибыла также группа новозеландских деловых людей, включая председателя Молочного совета Джима Грэма и упомянутого Гаффикина.

В том же году после многолетнего перерыва состоялся визит в Москву, Ленинград и Закавказские республики новозеландской парламентской делегации во главе со спикером Керри Бёрке. В её состав входил ряд влиятельных деятелей обеих основных партий. Делегация была очень довольна приёмом в СССР. По моей просьбе её принял Председатель Президиума Верховного Совета СССР А.А. Громыко (ранее много лет был советником в секретариате министра Громыко), который заметил в конце длительной беседы, что «перестройка», оказывается, происходит не только в Советском Союзе, но и в Новой Зеландии.

Действительно, очень известный экономист, лейбористский министр финансов Роджер Даглас после 1984 г. начал крупнейшие изменения в экономике страны, прозванные «роджерномикой», главной целью которых являлись интеграция изолированной новозеландской экономики в мировое хозяйство, приватизация многочисленных государственных предприятий и корпоратизация многих министерств и организаций. Выйдя

в отставку, Р. Даглас в качестве представителя Международного Валютного фонда неоднократно посещал СССР для передачи опыта приватизации. Он пытался внушить нашим реформаторам, в том числе лично Е. Гайдару и Г. Чубайсу, что экономические преобразования, по определению являющиеся болезненными для населения, необходимо предвзвешивать и сопровождать большой разъяснительной работой и переживал, что с ним соглашались, но ничего в этом плане не предпринималось. О каждой такой поездке он информировал посольство.

Позднее он стал учредителем партии АКТ, имеющей депутатов в парламенте, и мы с ним встречались в Окленде в 1995 г. Примерно в 1989 г. с Дагласом в Москву, не помню в каком качестве, отправился отпетый антисоветчик, бывший премьер-министр Роберт Малдун, высланный в своё время посла В. Софинского. В составе группы он встречался с нашими министрами и видными экономистами и вернулся обратно в полном восторге от «перестройки и гласности». Пригласив меня на ланч, он долго рассказывал о своих необычных, но в целом положительных впечатлениях относительно бывшей «империи зла», не побоявшись потом изложить их и по местному радио.

В своих выступлениях по стране сотрудники посольства и торгпредства старались привлечь внимание новозеландских бизнесменов к открывающимся на нашем Дальнем Востоке возможностям приложения капитала и ноу-хау. Указывалось на несколько отраслей экономики, таких как туризм, строительство дорог, лесопереработка, рыболовство, добыча различного сырья. В результате этой работы на Дальний Восток в начале 1989 г. отправилась представительная делегация деловых людей. Однако на них произвели отрицательное впечатление коррупция, отсутствие соответствующего законодательства, отсутствие обученных менеджеров и общая неразбериха в нашей стране. К сожалению, итоги их поездки нашли широкое отражение в местных СМИ, поскольку к этому визиту было привлечено значительное внимание.

Тем временем, политические отношения между нашими странами продолжали развиваться. Всё более активизировался обмен мнениями между МИД СССР и новозеландским посольством в Москве, сюда стали часто приезжать сотрудники МИД Новой Зеландии, которые знакомились с ситуацией и проводили консультации в нашем министерстве. В свою очередь, Веллингтон для проведения консультаций посещали наши эксперты по вопросам разоружения, специалисты по тихоокеанскому и азиатскому регионам.

Если на оплату новозеландского импорта у нас иногда не хватало средств, то на поездки делегаций Верховного Совета они всегда находились. В Новую Зеландию в описываемые годы приезжали 3 такие делегации, тогда как новозеландцы имели ограниченные средства на парламентские обмены и могли позволить себе официально приглашать наших депутатов только раз в несколько лет. Поэтому, по предложению Верховного Совета, делегации приезжали с формулировкой «по личному приглашению совпосла», они осуществлялись полностью за наш счёт, включая одновременный заезд в Австралию, а одна из них добралась даже до Западного Самоа. Делегации наносили визиты спикеру, встречались с членами парламента, внимательно выслушивали информацию о работе «настоящего» демократического парламента, увозили пачки уставов, регламентов и других документов, проводили представительские мероприятия. К вящему удивлению новозеландцев, следующая делегация проделывала то же самое, причём было видно, что прошлая делегация оставила все полученные сведения и документы при себе, ни с кем ими не поделившись.

Аналогичное положение складывалось с делегациями специалистов по сельскому хозяйству, которые ездили по стране, знакомились с методами ведения молочного и мясного животноводства и овцеводства, посещали фермы и обрабатывающие предприятия, научные

центры, а затем по такому же маршруту приезжала следующая делегация, и всё, к удивлению новозеландцев, повторялось снова.

Развитию политических отношений значительно содействовал не только обмен визитами в целях консультаций по самым разным международным вопросам представителей МИДов обеих наших стран, но и поездки в СССР министров Новой Зеландии, представителей партий (например, визит лидера оппозиции Джима Болджера в 1990 г., упоминавшиеся поездки делегаций Лейбористской партии, министра спорта и т.д.)

В 1990 г. к власти снова пришла Национальная партия, и премьер-министром стал Джим Болджер. К этому времени отношение среди членов этой партии к нашей «перестройке» были вполне доброжелательным, что положительно отразилось и на нашей дипломатической работе. Например, в связи с событиями в Литве и Латвии начала 1991 г. Болджер сделал соответствующее заявление, однако предупредил об этом накануне через своих помощников. В плане развития политических отношений хорошие результаты дал приезд в Новую Зеландию курирующего заместителя министра И. Рогачёва в 1991 г. Он очень квалифицированно и ненавязчиво провёл консультации в местном МИД и дал привлекшую большое внимание СМИ пресс-конференцию. На ней он, в частности, рассказал о свободе эмиграции из СССР, а также о политике нашего правительства по вопросам трудовой миграции в европейские страны, которую советская сторона в тот период старалась официально оформить в виде двусторонних соглашений. Этот момент вызвал большой интерес присутствующих, граничащий с испугом. Посыпались вопросы о возможности большой волны иммиграции из Советского Союза в Новую Зеландию. Журналисты ещё долго вспоминали про такую «опасность» при встречах.

В Новой Зеландии постоянно оставались члены экипажей советских торговых и рыболовных судов под предлогом получения политического убежища. Обычно их брала под опеку Зарубежная православная церковь, они жили в её общежитии в Веллингтоне и получали небольшое вспомоществование до урегулирования вопроса о ПМЖ и работе. Несмотря на обращения советского посольства, ни один перебежчик ни разу не был передан советской стороне. Однако в период свободной эмиграции из СССР, предлог политического убежища терял смысл. Мы перестали обращаться за выдачей нам таких беглецов, подчёркивая, что таким лицам уже пора переходить от нелегальных методов к общепринятым нормам миграции.

В эти годы, несмотря на растущий интерес к Советскому Союзу, постепенно стала свёртываться деятельность «Общества Новая Зеландия – СССР». Начались перебои, а затем прекратилось финансовая подпитка, руководство старело, не успевало за темпами «перестройки», а позднее к руководству пришли лица, которые, по нашему мнению, использовали «Общество» для получения личных материальных выгод (пока они не прекратились) и поездок в СССР.

Культурные связи носили преимущественно односторонний характер: в балетной труппе Веллингтона иногда работали советские педагоги (например, Стручкова), в Новую Зеландию приезжали наш цирк на льду и труппа Большого театра с Надеждой Павловой, некоторые другие коллективы, имевшие огромный успех у зрителей небогатой такими событиями Новой Зеландии. Постепенно гастроли прекратились в связи с финансовыми трудностями у австралийского импрессарио и с тем, что такие поездки были переведены на чисто коммерческую основу. Впрочем, не так давно, кажется, такие приезды в Новую Зеландию стали вновь возможными.

Улучшение отношения широких слоёв населения Новой Зеландии к Советскому Союзу подтвердилось после известного Спитакского землетрясения в Армении. Развернулась кампания по сбору средств и продовольствия для пострадавших, вплоть до отправки детских игрушек. Нам все выражали сочувствие, проявляли желание помочь.

Такой новый взгляд на Советский Союз и посольство было результатом изменений, происшедших в умонастроениях новозеландцев по отношению к нашей стране. Они практически перестали воспринимать нас как врагов.

«Перестройка» изменила саму традиционную структуру связей нашей страны с Новой Зеландией, из которых выпала подавляющая всё другое основа торгово-экономической деятельности – государственный импорт новозеландского продовольствия и шерсти. Правда, некоторые поставки продолжают, однако это уже далеко не то. Потерпели ущерб и культурные контакты, поскольку, как упоминалось, они перешли на чисто коммерческую основу. Политические же отношения стали нормальными, более уравновешенными, предсказуемыми, дружественными.

Советское посольство в Новой Зеландии одновременно осуществляло функции посольства на Тонга и Западном Самоа. Острова Кука – ассоциированное с Новой Зеландией государство – также находилось в нашем поле зрения.

Известно, что австралийцы и новозеландцы всегда очень ревниво относились к возможности укрепления наших позиций в малых государствах региона, хотя это и представлялось малореальным. Как отмечалось в упомянутой выше коллективной монографии «Неоколониализм в Океании», бывший премьер-министр Роберт Малдун, не отличавшийся до «перестройки» симпатиями к СССР, заявлял в 1982 г., что гораздо лучше с точки зрения интересов Запада, чтобы страны Океании искали политическую и экономическую поддержку у Новой Зеландии и Австралии, чем у кого-нибудь ещё. В том же году ему вторил тогдашний министр иностранных дел Уоррен Купер, предостерегая от опасности разочарования народов южнотихоокеанских островов политикой развитых стран по отношению к ним и их стремления искать пути укрепления связей с Советами. По его мнению, получение помощи от Советского Союза могло бы стать привлекательной альтернативой для политических деятелей южнотихоокеанских стран. Интересно, что взгляды Купера на отношения с Советским Союзом менялись в положительную сторону. Уже к моему приезду в 1987 г. он благожелательно высказывался о «перестройке», позднее летал от Национальной партии на одну из пост-владивостокских встреч, в дальнейшем, став министром обороны, вёл себя очень лояльно, а после моего возвращения приезжал в Москву с официальным визитом, и мы с ним встречались как старые друзья.

Лейбористский премьер-министр Дэвид Лонги в единственной за много лет беседе с советским послом (В.Л. Быковым) в конце 1986 г. отмечал, что новозеландцам понадобится время, чтобы привыкнуть к реальности советских интересов в регионе. По его мнению, наш резкий поворот к региону вызывает определённую настороженность, учитывая традиционные интересы здесь Новой Зеландии. Такая довольно неожиданная реакция последовала на наши предложения по укреплению мира и стабильности, содержащиеся во Владивостокском выступлении Горбачёва. Видимо, Лонги представил себе поддержку Советским Союзом ряда сомнительных режимов в мире, которая была результатом холодной войны, и по инерции опасался повторения этого в их регионе.

Выше уже упоминалось о некоторых планах активизации нашей деятельности в Океании. В конце 80-х гг. было открыто советское посольство в ПНГ, обсуждался вопрос о создании дипломатического или консульского учреждения предположительно на Западном Самоа для «охвата» близлежащих государств. Однако в начале 90-х посольство в ПНГ было закрыто по финансовым причинам, вопрос о дополнительном представительстве отпал сам собой. Не сбылись смелые мечты о направлении в регион агитпарохода, а также судна с передвижной выставкой-распродажей товаров.

В то же время, Советский Союз, поддерживая создание безъядерной зоны в южной части Тихого океана, ратифицировал подписанные нами протоколы Договора Раротонга, и

мне было поручено сдать соответствующие документы на хранение через Западное Самоа, которое в этот период председательствовало в ЮТФ.

В целом, отношения СССР с Западным Самоа (теперь Самоа) и Тонга складывались нормально. На деле ни для нас, ни для них они не имели сколько-нибудь серьёзного значения.

Политические отношения с Западным Самоа традиционно сводились к регулярным в моё время поездкам туда на 2-3 дня и встречам с главой государства, (проживавшим в доме, где жил и умер в своё время английский писатель Р. Стивенсон), премьер-министром и некоторыми министрами, а также сотрудниками местного МИДа, многие из которых проходили практику в МИД ФРГ. Приходилось по возможности доходчиво излагать новые советские внешнеполитические инициативы, рассказывать о «перестройке и гласности», о которых большинство собеседников сначала имели самое смутное представление. Самоанцы на всех уровнях, слишком далеко отстоявшие от конкретных мировых проблем, тем не менее, настойчиво высказывали опасения относительно возможной конфронтации сверхдержав в регионе. Одобряли антиядерное законодательство в Новой Зеландии, осуждали французов за ядерные испытания. По мере развития «перестройки» опасения относительно противостояния в регионе слабели, под конец моего пребывания о них фактически перестали упоминать как о реальной опасности.

Не перестали они, однако, постоянно просить безвозмездной экономической помощи, говоря, что Советский Союз – великая и богатая держава. Приходилось отвечать, что мы вносим крупные взносы в ООН и её специализированные учреждения, которые, кстати, реально помогают их стране, имея там свои представительства. Моя попытка навестить одно из таких представительств была встречена европейским персоналом с явным подозрением и недовольством, хотя наша страна и оплачивала частично их работу. Вопрос о финансовой и экономической помощи Самоа был постоянной головной болью и для австралийцев, и для новозеландцев. Особенно их раздражали старания самоанцев после регулярно повторяющихся ураганов завышать в несколько раз нанесённый ущерб.

Большим прорывом в наших двусторонних отношениях был визит в Западное Самоа советской парламентской делегации во главе с председателем Госкомгидромета Ю.А. Израэлем. Он способствовал укреплению доброжелательного представления о нашей стране в самоанском руководстве, расширению личных контактов с местными парламентариями. Кроме того, глава делегации был избран почётным вождём одной из крупных деревень. Уже после визита, в ходе очередной поездки по островам меня пригласили в дом спикера на частное мероприятие, а сам он, приехав в Веллингтон с официальным визитом, приходил на обед в нашу резиденцию. Для обсуждения международных вопросов ко мне запросилась также приезжавшая в Новую Зеландию популярная женщина-вождь, член самоанского парламента. С учётом закрытости самоанского общества это был большой шаг вперёд.

Нельзя забывать, что самоанцы, хотя они уже тогда пользовались компьютерами, во многих отношениях жили при первобытно-общинном строе, особенно в деревнях, и вели натуральное хозяйство. Общинные вожди, получая, как правило, хорошее образование, занимали практически все высокие государственные должности и места в парламенте, в дипломатической службе, были наиболее обеспеченной группой населения.

Хорошо складывались наши отношения и с самоанским Высоким комиссаром в Новой Зеландии, который, как он отмечал, впервые за много лет работы в Веллингтоне стал бывать дома у советского посла.

История с нашей парламентской делегацией имела характерное для самоанцев продолжение. Через несколько месяцев по Западному Самоа опять прошёл сильный ураган, после которого Ю.А.Израэль получил письмо, в котором говорилось, что как почётный вождь

самоанской деревни он должен оказать её жителям помощь, в частности, подарить рыболовную шхуну.

Уже упоминалось, что мне довелось передавать западносамоанцам, председательствовавшим в ЮТФ, ратификационные грамоты Верховного Совета СССР по протоколам Договора Раротонга. Через несколько месяцев вдруг выяснилось, что грамоты не были разосланы правительствам стран-членов ЮТФ. Как оказалось, они были утеряны самоанцами, и после наших напоминаний обнаружены с трудом в каком-то совсем ненадлежащем месте.

Экономические связи между двумя странами находились на нулевом уровне. В какой-то момент самоанцы предложили нам лицензии на вылов рыбы в их прибрежных водах. Уточняющие вопросы показали, что существующие ресурсы делают рыболовство там для советских судов совершенно нерентабельным.

Во время поездок на острова удавалось посещать редакции двух основных самоанских газет. Сначала это было необычным, и приводило редакторов в смущение, позднее они охотно публиковали интервью, однако другие передаваемые нами материалы не использовали.

Таким образом, политические отношения с Западным Самоа оставались на минимальном уровне (у самоанцев нет средств на какие-либо обмены, нет у них и диппредставительств в нашей части земного шара), а экономические связи отсутствовали.

Более интересными являлись отношения с **Королевством Тонга**.

Эта страна представляет собой не менее закрытое для иностранцев общество, чем Самоа. В то же время одна треть членов парламента избирается всеобщим голосованием и представляет не вождей, а «простых людей». Один из таких парламентариев, Акилиси Похива, возглавил оппозицию королевской власти и стал издавать небольшую газету, номера которой иногда конфисковались властями. В основном он обвинял власти в коррупции, поднимая такие вопросы как продажа тонганских паспортов за крупные суммы бизнесменам Гонконга и других стран региона. По данным А. Похивы, вырученные большие для Тонга средства расхищались членами королевской семьи.

Тонганцы показали себя как более грамотные во всех отношениях, чем самоанцы. Большое впечатление производил король Тонга Тауфа'ахау Тупоу IV, не только своим весом (в конце 80-х он весил более 200 кг, позднее немного похудел), но и образованностью и начитанностью. Он умер в августе 2006 г. При первой встрече он стал рассказывать о военных реформах Петра I и о некоторых российских императорах, правильно называя имена и даты. В условиях тропической страны и более чем в 20 тыс. километров от Москвы это производило впечатление.

Не менее необычной для Полинезии личностью являлся наследный принц Тупоуто'а, он же министр иностранных дел и обороны. Окончивший военную академию в Сандхёрсте и английский же университет, принц свободно говорил на многих языках и развлекался, играя в шахматы с компьютером.

В период моей работы в Англии в конце 70-х гг. мне довелось содействовать, по просьбе тонганского посольства в Лондоне, организации визита принца в Советский Союз, беседовать с ним в нашем посольстве и провожать в аэропорт. Что удивило тогда – принц запланировал посещение Музея Советской армии в Москве, Эрмитажа, МИД, Минобороны, Таманской дивизии и кораблей Тихоокеанского флота. Впрочем, его интересы вообще были чрезвычайно широкими.

Он разбирался в основных проблемах «перестройки и гласности», свободно обсуждал советские внешнеполитические предложения и т.д. Неплохо понимали проблемы и другие руководящие сотрудники МИД Тонга – секретарь по иностранным делам и его заместители.

При всём этом страна, имевшая два посольства в мире и не являвшаяся тогда членом ООН, просто не имела возможности развивать с нами политические отношения.

Зато большой интерес проявлялся к торговым связям. Принц неоднократно поднимал вопрос о закупке в СССР ядерных мини-реакторов (для производства электроэнергии) и опреснителей воды. Как оказалось, такие реакторы использовались в космической отрасли и были засекречены, а опреснителей для экспорта было недостаточно. Со своей стороны тонганцы предложили продавать нам производившиеся там шведской фирмой мини-тракторы, которые никого не заинтересовали в Москве, а также предоставить рыболовные лицензии, которые оказались для нас нерентабельными, как это было и на Самоа. В отличие от самоанцев, тонганцы уделяли большое внимание развитию туризма. Удлиняли взлётно-посадочную полосу на главном острове Тонгатапу, под неустанным наблюдением принца строили дорогой отель, принимали круизные суда из США, Австралии и иногда из Советского Союза. Поэтому тема туризма и рекламирования достопримечательностей трёх тонганских островных групп неоднократно поднималась принцем и министром туризма. К сожалению, это совпало с тем периодом, когда наши государственные туристские организации разваливались, а частные ещё не получили развития. Однако даже сейчас круиз или поездка на Тонга относятся к самым дорогим путешествиям.

Разбросанные на огромных океанских просторах **Острова Кука**, дальше других стран (кроме Французской Полинезии) расположенные от Австралии и Новой Зеландии, поражают не только красотами природы, но и гостеприимством своих жителей.

Можно также отметить высокую образованность, политическую заинтересованность и доброжелательность, а также чувство юмора всех тех, с кем приходилось встречаться от премьер-министров, министров, членов парламента и сотрудников МИД до бизнесменов, журналистов, обслуживающего персонала и простых куковцев.

Внешняя политика и оборона страны находятся в компетенции Новой Зеландии, однако руководство Островов Кука, да и вообще многие наши собеседники хорошо разбирались в международных проблемах, следили за «перестройкой» и приветствовали её, охотно вели беседы на эту тему, задавали вопросы.

Долголетний премьер-министр Джефффри Генри постоянно подчёркивал желание проводить самому внешнюю политику, упоминал о том, что его страна фактически может сама заключать международные соглашения (что было не совсем так, да и средства на это потребовались бы немалые). Куковцы, не только в центральном руководстве на острове Раротонга (например, глава государства), но и на других островах, где мне удалось побывать, как и самоанцы, сначала постоянно говорили об опасности столкновения сверхдержав в регионе, однако постепенно, по мере изменений в международной обстановке, эта тема исчезла. Тем не менее, на острове Айтутаки рыбаки рассказали мне, что пару лет назад видели вблизи острова нашу подводную лодку. На вопрос, как они определили принадлежность лодки, они простодушно ответили: «А чья же она могла ещё быть?» Так случилось, что примерно в 1989 г. ко мне пришёл взволнованный дипломатический представитель Островов Кука в Веллингтоне и принёс аэрофотоснимки советского военного гидрографического корабля, стоявшего на якоре около одного из их необитаемых островов. Снимки были сделаны новозеландскими военными самолётами. Вопрос был в том, что фактически заход был сделан без всякого оповещения. Пришлось извиниться за невежливость наших моряков и объяснить всё их неправильными расчётами местонахождения корабля.

Как уже говорилось, куковцы довольно внимательно следили за событиями в СССР. После Спитакского землетрясения премьер-министр Дж. Генри, обсудив вопрос в парламенте и правительстве, предложил нам шестимесячную бесплатную лицензию на вылов рыбы в их

экономической зоне. В 1992 г. после сообщений о нехватке продовольствия в России они предложили послать нам несколько контейнеров с плодами хлебного дерева.

Во время посещений Островов Кука всегда старался выступить в местной печати и по радио, причём в отличие от других островных государств, очень часто СМИ сами обращались ко мне за разъяснениями и интервью.

В заключение хотелось бы отметить о том, что курс в отношениях, построенных между нашей страной и Новой Зеландией в «перестроечные» годы, продолжается и в настоящее время, в чем, надеюсь, есть и моя заслуга.

Источники и литература:

1. Фактические данные о советско-новозеландских отношениях можно получить в сборнике документов «Россия – Новая Зеландия: 50 лет дипломатических отношений», опубликованном Иркутским Государственным Университетом в 1995 г.

2. В связи с 60-летием дипломатических отношений опубликованы: статьи бывшего посла Стюарта Прайора в «Международной жизни» №4-5, 2004 г, и в иркутском издании «Россия и Восток: Взгляд из Сибири.2004» (материалы научно-практической конференции по 60-летию отношений). Также см.: Соколов Ю.М. «Непростой путь длиной в 60 лет», Дипломатический ежегодник 2004, «Россия и Королевство Тонга: Начало пути», Дипломатический ежегодник 2005.

3. Текущие материалы по внутренней и внешней политике Новой Зеландии, а также стран региона можно найти на сайте центральной газеты «The New Zealand Herald» (www.nzherald.co.nz), по экономическим проблемам – www.businessherald.co.nz

4. Информация по Королевству Тонга и региону: <http://www.matangitonga.to/>

Транспортные олигополии Японии (к вопросу о выходе японских железнодорожных компаний на рынки Австралии и Азии)

Авдаков И.Ю., чл.-корр. РАЕН, к.э.н., ИВ РАН

Процесс глобализации, охвативший сегодня большинство стран мира, самым тесным образом связан с развитием международной транспортной инфраструктуры. Высокие темпы интеграции международного сотрудничества заставляют искать все новые пути повышения эффективности, чтобы отвечать требованиями времени. Отсюда появление международных транспортных коридоров, магистральных и высокоскоростных дорог и других нововведений, опирающихся на последние достижения науки и техники. Использование в этих коридорах унифицированных форм оформления и прохождения государственных границ не только ускоряет доставку грузов и пассажиров, но и является важным шагом к постепенной интеграции национальных транспортных путей в единую международную систему [1].

Конец XX столетия знаменует собой неуклонное усиление роли Азиатско-Тихоокеанского региона. К 2005 г. доля АТР в мировом товарообороте составила около 50%. Азиатско-Тихоокеанский регион потеснил своего основного конкурента на мировом рынке – Европейское Сообщество – не только за счет расширения экспорта традиционной для региона продукции, но и благодаря росту экспорта продукции машиностроения, приборостроения и других сложных производств. Также резко возрос туризм, увеличилось число деловых поездок.

Для АТР характерна и высокая доля внутрирегиональной торговли (в 2005 г. около 50% всей международной торговли региона), что влияет и на строительство транспортной инфраструктуры [2].

В конце XX века в Азии произошло значительное изменение географии размещения производительных сил, возникли новые экономические центры. Бесспорный лидер Азии прошлых лет – Япония, многие годы возглавлявшая «стаю летящих гусей», среди которых особо следует отметить новые индустриальные страны (НИС) первой и второй волны, по целому ряду макроэкономических показателей начинает уступать свои позиции «разворачивающемуся» Китаю. К 30-м годам XXI века, по подсчету американских экспертов, из четырех экономических самых мощных стран мира три будут азиатскими: Китай, Япония и Индия. По своему воздействию на экономические судьбы мира новые тенденции в Азии, происходящие увы подчас в стороне от России, не имеют аналогов в новейшей истории.

Такие перемены бесспорно ведут к изменению всего транспортного комплекса в регионе. Изменения в направлении этих систем отражают новые реалии в экономическом и геополитическом развитии. Начало формированию стратегии транспортной интеграции стран АТР было положено еще в 1986 г, когда ЭСКАТО объявило десятилетие транспорта и связи Азии и Тихого океана.

Но глобализация внесла свои коррективы в процесс трансформации не только транспортных систем, но и самих транспортных компаний. Они диверсифицировали свою экономическую деятельность еще в начале XX столетия. На смену отраслевым монополиям пришли многоотраслевые концерны (конгломераты). Г.К. Широков отмечал, что «переход от прежних картеля-синдиката-треста к концерну (конгломерату) означал подрыв отраслевой монополии и постепенное установление на рынке господства немногих фирм-олигополий» [3]. Диверсификация экономической деятельности компаний и становление монополий второго типа (олигополий) существенно изменили весь механизм функционирования транспортных компаний развитых стран с рыночной экономикой. В эпоху глобализации транспортные олигополии все увереннее выходят на мировой рынок не только с экспортом транспортных услуг, но и с предоставлением различных услуг: туристических, гостиничных,

торговых и других. В этом смысле история диверсификации экономической деятельности транспортных компаний Японии и появления их филиалов на рынках Австралии, Восточной и Юго-Восточной Азии, Новой Зеландии и Океании интересна и поучительна.

Начало городскому и пригородному железнодорожному строительству в Японии было положено в 1869 г.

В период Мэйдзи (1870-1912) особенно быстро строились железные дороги в городах и пригородах экономических районов Большого Токио и Кэйхансин (Осака, Кобэ, Киото). В первом было построено 626,2 км железных дорог, во втором – 653,3 км. При этом, в районе Большого Токио доля частного сектора в строительстве городских и пригородных железных дорог составила 22%, а в районе Кэйхансин – 36% .

В период Тайсё (1912-1926) инициативу строительства городских и пригородных железных дорог перехватили частные железнодорожные компании. Они построили почти все железные дороги этого типа. Это было связано с тем, что при милитаризации экономики с 1906 г. частным компаниям было запрещено строить магистральные дороги, и они сосредоточили свои финансовые и организационные усилия на строительстве городских железных дорог. В условиях острой конкуренции со стороны государственных железных дорог, занявших основные позиции в перевозках пассажиров и грузов, частные компании были вынуждены диверсифицировать свою деятельность. Они инвестировали в недвижимость, торговлю, строительство жилых кварталов, гостиниц, отелей и прочие виды деятельности, напрямую не связанные с железнодорожными перевозками. Тем самым в случае убытков, полученных от строительства и эксплуатации железных дорог, они могли восполнить свои доходы прибылями, полученными в других сферах деятельности. В конкурентной борьбе с государственными предприятиями, частные железнодорожные компании, обеспечивавшие городское и пригородное сообщение, первыми электрифицировали свои линии, использовали вагоны повышенной комфортабельности, качественно улучшили сервис. В результате они не только сумели выжить, но и наравне с государственными предприятиями обеспечить городские и пригородные перевозки пассажиров и грузов.

К концу периода Тайсё (1926 г.) в районе Кэйхансин была построена сеть частных и государственных железных дорог городского и пригородного сообщения, причем доля частных компаний составляла 55%. По протяженности эти дороги до сих пор занимают около 70% современной сети городских и пригородных железных дорог указанного района.

Основными частными железнодорожными компаниями этого района стали «Хансин Дэнки Тэцудо» (или сокращенно «Хансин Дэнтэцу»), открывшая в 1905 г. линию Осака-Кобэ; «Кэйхан Дэнки Тэцудо» («Кэйхан Дэнтэцу»), начавшая железнодорожное сообщение между Осака и Киото в 1910 г.; «Хансин Кюко Дэнтэцу», построившая линию Осака-Кобэ в 1920 г. На юго-западе Осака компания «Нанкай Тэцудо» стала осуществлять перевозки в 1898 г., и в 1902 г. электрифицировала свои линии; на востоке Осака – «Осака Дэнки Кидо» (современное название «Кинки Ниппон Тэцудо», или «Кинтэцу»), провела в 1914 г. линию Осака-Нара и Осака-Киото.

В районе Большого Токио сеть городских и пригородных железных дорог была в основном построена только к 1935 г. (около 70% современной сети). Среди главных частных компаний следует выделить такие, как «Кэйхин Дэнки Тэцудо», открывшая движение между Синагава (Токио) и Иокогама в 1905 г.; «Кэйсэй Дэнки Кидо», осуществляющая перевозки с 1912 г. (современное название «Кэйсэй Дэнтэцу»), и «Кэйю Дэнки Кидо», построившая первую линию железных дорог в 1913 г. (современное название – «Кэйю Дэнтэцу»). В 1923 г. перевозки стала осуществлять «Мэгуро Камата Дэнтэцу» (сейчас – это известная корпорация «Токю»), владеющая железнодорожными линиями на юго-западе Токио. В 1927 г. «Одавара Кюко Тэцудо» (ныне «Одакю Дэнтэцу») построила линию протяженностью 82,5 км между

Синдзюку (Токио) и Одавара. Сеть частных пригородных железных дорог Большого Токио к 1935 г. составила около 52% всего пригородного сообщения.

В районе Кэйхансин объективные и субъективные факторы способствовали более раннему завершению строительства железнодорожной сети городского и пригородного сообщения. Во-первых, в непосредственной близости (в пределах 50 км) к Осака расположены города Киото и Кобэ, которые из-за географических условий этого гористого района остро нуждались в строительстве путей сообщения между ними. Вместе с тем следует отметить, что железнодорожная сеть Токио, расположенного в долине Канто, сооружалась в большей степени вокруг города, и железнодорожные линии радиального направления соединились кольцевыми дорогами. Естественно, что государственные капиталовложения в строительство железных дорог осуществлялись в первую очередь в столице. Однако государственных средств не всегда хватало на строительство железных дорог в других регионах. Поэтому не удивительно, что частный капитал взял на себя инициативу. В районе Кэйхансин он смог обеспечить более быстрые темпы железнодорожного строительства. Острая конкуренция с государственными компаниями привела руководство частных железнодорожных компаний района Кэйхансин к решению диверсифицировать их деятельность. Вскоре они заняли хорошие экономические позиции в области недвижимости, торговли, банковского дела, стабилизировали доходы и смогли выделять достаточно средств непосредственно для железнодорожного строительства.

Во-вторых, немаловажную роль сыграла деятельность таких предпринимателей в области железнодорожного транспорта района Кэйхансин, как Кобаяси Итидзэ (1873-1957 гг.). Он основал в 1910 г. железнодорожную компанию, известную с 1949 г. под названием «Ханкю». Благодаря его организаторскому таланту и незаурядной трудоспособности эта компания смогла преуспеть и стать основным конкурентом ранее созданной компании «Хансин» на северо-западном направлении от Осака. Кобаяси принадлежит идея многопрофильной деятельности своей компании: приобретение земель, развитие торговли в фирменных железнодорожных универсамах, создание инфраструктуры туризма. Он создал устойчивую «модель» частной железнодорожной компании с диверсифицированной структурой, имеющей подразделения, которые занимаются «побочным» бизнесом. При этом размеры «побочного» предпринимательства по капиталовложениям, числу занятых, основному капиталу, другим важным экономическим показателям зачастую превышали аналогичные показатели, касающиеся непосредственно железнодорожной деятельности. В области культуры Итидзэ Кобаяси впервые в Японии создал женскую оперетту, получившую огромную популярность в стране. Железнодорожной компании «Ханкю» принадлежали высокопрофессиональные заведения кино- и театрального искусства. В значительной степени именно они определяют направления в этой сфере искусства.

Начавшееся ухудшение экологии усиливало потребность жителей Токио и Осака в переселении в озелененные жилые комплексы за чертой этих городов. Определенное влияние на японцев оказал опыт Англии по созданию новых городов как альтернативы крупным промышленным центрам, где жить становилось все трудней. Заинтересованные члены японского правительства внимательно изучили книгу английского футуролога Э. Говарда «Города-сады завтрашнего дня», вышедшую в свет в 1902 г., и опубликовали в 1907 г. исследование о перспективах создания таких городов в Японии (Дэн'эн Тоси).

Частные железнодорожные компании, предвкушая возможные выгоды от увеличения потока пассажиров, направляющихся на работу в город и обратно в Дэн'эн Тоси, приступили к строительству жилых комплексов у некоторых станций. Так, вдоль линии Осака-Кобэ крупная компания «Хансин Дэнтэцу» стала сдавать в наем построенные на ее землях жилые дома, строить универсальные магазины на конечных станциях, игровые площадки для детей и спортивные сооружения для взрослых, аттракционы. Приступая к экономическому и

социально-культурному освоению близлежащих территорий, «Хансин Дэнтэцу» предусмотрела повышение комфортабельности поездок и электрификацию дорог.

Уже в 1907 г. компания открыла для отдыхающих парк Коро-эн неподалеку от железнодорожной станции. В парке были построены оздоровительные комплексы. Вскоре парк стал популярным среди японцев. Ежедневно сюда прибывало много посетителей. В результате доходы компании росли и от увеличения числа пассажиров, и от «побочной» деятельности.

В конкурентной борьбе с «Хансин Дэнтэцу» другая, не менее крупная компания «Мио Арима Дэнсэ», впоследствии объединившаяся с рядом более мелких компаний и переименованная в 1918 г. в «Хансин Кюко Дэнтэцу», а – в 1949 г. – в «Ханкю», диверсифицировала свою деятельность. Проведя электрифицированную железную дорогу между городами Осака и Такарадзука в 1910 г., она начала экономически осваивать прилегающие к железнодорожной линии территории. В результате компания не только не потерпела финансовый крах, на грани которого она прежде находилась, но, несмотря на временные трудности, добилась невиданных результатов.

Получив отказ от местных предпринимателей, которым было предложено участие в строительстве и экономическом развитии территории, «Ханкю» приобрела земли в Мукогава и открыла в 1911 г. курорт в Такарадзука, расположенный на пути к известным горячим источникам Арима. Здесь же был построен большой плавательный бассейн, впоследствии переделанный в концертный зал, где и в наши дни выступает вышеупомянутая женская (опереточная) труппа. Всего в Такарадзука было построено 10 крупных оздоровительных комплексов.

Компанией «Ханкю» был создан жилой комплекс около станции Икэда в районе Муромати (пригород Осака). Жилой квартал состоял из двухэтажных домов (площадь основания которых варьировала от 65 до 100 кв. м) со всеми удобствами европейского уровня и озелененными улицами. Строительный проект Муромати стал прототипом строительства пригородных кварталов и в наше время. Всего с 1910 до 1955 г. компания реализовала около 100 крупных жилищных проектов.

С конца 20-х годов XX в. основной тенденцией стало такое строительство жилищных комплексов, где улицы расходились радиально от привокзальной площади. Это отличало японские проекты жилищных кварталов от английских, центром которых были или церкви, или местные органы самоуправления. Но главным отличием было то, что жилые кварталы находились на некотором расстоянии от промышленных центров и жители должны были использовать железнодорожный транспорт, чтобы добраться до работы. Англичане же создавали малые города, автономные от мегаполисов и имеющие свои рабочие места.

В пригороде Токио первый проект жилого комплекса был разработан известным японским архитектором Сибудзава Экити в 1918 г. по заказу «Мэгуро Камата Дэнки Тэцудо» (современное название «Токио»). Президент этой компании Гото Кэйто использовал ноу-хау Кобаяси в области диверсификации деятельности и привлечения дополнительного числа пассажиров. Помимо строительства жилых комплексов около линий железных дорог компании он смог убедить муниципальных чиновников, руководство государственных и владельцев частных университетов строить корпуса зданий высших учебных заведений за чертой центра города неподалеку от станций железной дороги, что увеличивало пассажирооборот.

Но строительство не только жилых кварталов и университетов увеличивало пассажирооборот железных дорог. Стремительный рост численности населения в городах в 10–30-х годах прошлого века приводил к их перенаселенности, ухудшению экологии, росту заболеваемости среди горожан. Их реакцией на эти негативные явления стало небывалое ранее увлечение туризмом, включая семейный и групповой. Сохранялось паломничество к

святым местам. Учитывая возрастающий спрос на перевозки людей, железнодорожные компании незамедлительно строили дороги к хорошо посещаемым храмам, памятникам старины и популярным курортам. Например, компания «Нарито Тэцудо» ввела в строй линию из Сакура через Токио в Нарита (преф. Тиба), принимая во внимание повышенный интерес к посещению расположенного в этом городе буддистского храма Синее. Компания «Сануки Тэцудо» построила линию Котохира-Маругамэ на севере о-ва Сикоку, чтобы доставлять к синтоистскому храму Котохира, прежде всего, паломников и любителей старины.

Частные железнодорожные компании немедленно отреагировали и на появившийся спрос на поездки за город для отдыха и занятий спортом на природе со стороны платежеспособных средних городских слоев. Частные железнодорожные компании строили парки отдыха, благоустраивали пляжи, летние и зимние курорты. В районе Кансай частная компания «Кэйхан Дэнтэцу» превратила в курортные места прибрежные полосы и горы, обустроив пляжи и горнолыжные трассы территории у оз. Бива. «Хансин Дэнтэцу» и «Хансин Кюко Дэнтэцу» в условиях острой конкурентной борьбы разбивали парки отдыха, строили площадки для гольфа, отели и спортивные сооружения на горном массиве Рокко, возвышающемся над Кобэ. «Нанкай Дэнтэцу» организовала в известном парке Хамадэра курортное место с пляжами и бассейнами. Здесь же был построен концертный зал Хамадэра. В районе Канто «Тобу Тэцудо» построила оздоровительные курорты с лечебными водами в Кинугава, а «Одавара Дэнтэцу» – 15-километровую железную дорогу в горах Хаконе (84 км на юго-запад от Токио) для желающих полюбоваться пейзажами сверху. Всего с 1899 по 1924 г. 25-ю частными железнодорожными компаниями были созданы 14 курортов, 13 ботанических садов, 13 зоопарков, 13 гостиниц и ресторанов, а также плавательные бассейны и другие спортивные сооружения, музеи.

Итак, частные компании приступили к диверсификации своей деятельности еще в начале XX столетия. Борьба за выживание в условиях значительных ограничений расширения сети частных железных дорог привела их к необходимости дополнительного привлечения пассажиров к уже имеющимся дорогам. Оно осуществлялось посредством строительства магазинов, отелей, ресторанов, жилых домов, а затем и целых кварталов и даже небольших городов. Создавалось много учреждений культурного назначения: театров, картинных галерей, музеев, спортивных сооружений (спортплощадок, тренировочных залов, стадионов), предприятий бытового обслуживания.

В последние годы частные железнодорожные компании все шире развивают туризм. Некоторые из них вторгаются в информационный бизнес, включая кабельное телевидение и компьютерные сети. Наблюдается выход крупных компаний на международные рынки. Так, крупнейшая частная железнодорожная компания «Токю» осуществляет международные авиаперевозки, строит и эксплуатирует отели в Австралии, Европе, Северной Америке, Юго-Восточной Азии и Океании. Компании «Кинтэцу» и «Ханкю» имеют заводы по производству подвижного состава в Азии.

Вопросы функционирования японских железнодорожных олигополий, их конкурентоспособности в Австралии, Новой Зеландии и Океании является особой темой, которая будет рассмотрена в дальнейшем.

Источники и литература:

1. Железные дороги стран Азии. Сборник статей под редакцией Авдакова И.Ю., Азовского И.П., Широкова Г.К. М. Институт востоковедения РАН, 2004, с. 3.

2. I.Yu. Avdakov. Russian Railways in the Transport System of the Asia-Pacific Region. «East Asian Review». Annual Journal, volume 5, March 2001. The Asian Research Institute. Osaka. University of Economics and Law. Japan.

3. Широков Г.К. Парадоксы эволюции капитализма. М. Институт востоковедения РАН, 1998, с. 87.

4. Авдаков И.Ю. История становления и развития городского железнодорожного транспорта Японии. Япония. Ежегодник. 2004–2005. М. Российская Академия наук. М., «Аиро-XXI», 2005, с. 288-290.

Австралия: экономика и иностранные инвестиции

Архипов В.Я., д.э.н., ИВ РАН

Австралия – единственная страна в мире, полностью охватывающая целый континент. Она шестая по размерам территории на земном шаре (7.7 млн. кв. км.), её население превышает 20,3 млн. человек. Это стабильное демократическое государство с многонациональным обществом, состоящим из сравнительно небольшого коренного населения (аборигенов) и мигрантов разных времён и их предшественников почти из 200 стран.

К сожалению, в нашей стране мало знают и мало интересуются тем, что представляет собой Австралия как государство. Прежде всего, это касается особенностей и результатов её экономического развития*, а между тем именно её опыт в этой области весьма значим как для многих стран мира, так и, по нашему глубокому убеждению, и для России.

Экономика современной Австралии отличается высокой конкурентоспособностью, открытостью и гибкостью. Успешные результаты хозяйствования – следствие эффективного управления экономикой и непрекращающихся структурных реформ.

В стране успешно внедряются достижения научно-технической революции, она располагает развитым наукоёмким производством и передовым машиностроением. По числу компьютеров на 1000 человек населения (480) Австралия занимает второе место в мире после США[1]. Уверенный экономический рост на протяжении последних 10-15 лет сопровождается низкой инфляцией, низкими процентными ставками и достижением постоянно растущей производительности труда.

Вопрос в том, как Австралия, являвшаяся до Второй мировой войны аграрной страной, смогла впоследствии сделать мощный рывок в сторону развития высоко дифференцированной обрабатывающей и особенно горнодобывающей промышленности, сохранив и значительно подняв при этом уровень своего почти всегда процветавшего сельского хозяйства.

Ответ на этот вопрос не может быть однозначным, так как имеется много причин, которые сделали Австралию одной из наиболее успешных стран мира. Перед тем, как попытаться ответить на заданный вопрос, целесообразно сослаться на самые последние расчёты ООН (ноябрь 2006 г.), согласно которым, по рейтингу «где лучше всего жить в мире» Австралии принадлежит третье место, тогда как в 2004 г. оно было шестым. Этот рейтинг включает в себя такие жизненно важные показатели, как уровень заработной платы, жилищные условия, масштабы и качество обучения, состояние здравоохранения, экологию и ряд других.

На наш взгляд, исключительно большие достижения Австралии в социально-экономической сфере проистекают главным образом из весьма активной и плодотворной по своим результатам деятельности государства, устремлённой на всемерное поддержание и стимулирование с помощью самых разнообразных мер развития частного предпринимательства во всех отраслях национального хозяйства, работающих как на внутренний, так и особенно внешний рынок.

Как результат такой политики сложились очень тесные экономические связи Австралии с внешним миром, играющие огромную роль в подъёме её хозяйства и

---

* В течение ряда десятилетий в нашей стране не выходили в свет работы, касающиеся состояния и особенностей австралийского хозяйства. Исключением, пожалуй, была попытка автора этой статьи смягчить имеющийся дефицит информации о динамично развивающейся австралийской экономике изданием книги «Австралия в мировой экономике», опубликованной в декабре 2005 г. издательством «Восточная литература».

благополучия населения. Эти отношения охватывают взаимную торговлю и инвестиции, разнообразные услуги, включая туризм, обучение сотен тысяч иностранцев в австралийских университетах и колледжах, а также другие формы сотрудничества.

Среди причин, весьма способствующих экономическому развитию Австралии вообще и диверсификации в особенности её промышленности как обрабатывающей, так и добывающей, равно как и достижению высокой степени интеграции в мировое хозяйство, являются и систематически возрастающие громадные инвестиции иностранного капитала, на конец 2005 г. превысившие 1 триллион 200 млрд. долл. [2]^{х)}

Имеется ещё ряд факторов, обусловивших проведение обширных преобразований в австралийской экономике. Следует со всей силой подчеркнуть поразительное богатство страны минеральными ресурсами, именуемой зачастую «кладовой мира». Австралия обладает крупнейшими на земном шаре запасами урана (30%) и уступает только Канаде по размерам его добычи и экспорта [3]. Австралия занимает второе место в мире (после Южной Африки) по добыче золота [4]. Ей принадлежит второе место по запасам железной руды, причём очень высокого качества. Австралия – крупнейший в мире экспортёр каменного угля [5]. Достоин упоминания то, что мощная чёрная металлургия Японии и Китая в значительной мере функционирует за счёт австралийского угля и железной руды. Австралия располагает большими запасами нефти и природного газа. По запасам последнего она занимает второе место в Азиатско-Тихоокеанском [6]. Австралия входит в пятёрку наиболее крупных мировых производителей цинка и свинца. Очень велики запасы в стране никеля, меди, титановой руды, алмазов. Резкий рост в последние годы цен на мировом рынке на минералы и возросший уровень их добычи в Австралии принесли ей многомиллиардные валютные доходы.

Исключительно важным в социально-экономическом развитии Австралии является чисто человеческий фактор. По авторитетным свидетельствам, австралийцы в своей массе сохраняют культурно-этические ценности, выработанные ещё её пионерами в 19 веке в сельской местности, а именно выносливость и способность к физическому труду, не показное мужество, готовность к взаимопомощи в трудных и тем более экстремальных обстоятельствах, эгалитаризм – ироническое отношение к аристократическим и другим унаследованным привилегиям, ко всякого рода чванству [7].

В течение ряда послевоенных десятилетий Австралия, располагавшая ограниченными людскими ресурсами, энергично поощряла приток в страну иммигрантов из многих стран мира, особенно из Европы. Это были большей частью квалифицированные рабочие и дипломированные специалисты в разных областях знаний: промышленности, транспорта, науки и т.д. В результате почти 60-летней плановой миграции, проводимой властями, в Австралию прибыло свыше 7 млн. мигрантов. Чтобы понять значение этого явления, следует сказать, что к концу Второй мировой войны население страны насчитывало всего около 7 млн. человек, а сейчас оно превышает 20 млн. человек. Естественный прирост за этот период составил около 7 млн. человек. Иными словами, половина, а, возможно, и большая часть увеличения числа жителей в послевоенный период – это мигранты. В настоящее время Австралия – страна многонациональная. Там, как упомянуто, проживают жители из 200 стран мира. По широко распространённому в Австралии мнению, массовый приток иммигрантов обогатил её как в хозяйственном, так и в культурном отношении, влил в неё «свежую кровь». Новые жители принесли с собой разнообразные экономические и технические знания, нередко крупные капиталы, множество языков и, что очень важно, способствовали

---

^{х)} Все статистические данные в статье, если это специально не оговаривается, приводятся в австралийских долларах (1 австралийский доллар на текущий момент равен 0,76 долл. США).

укреплению всяческих связей Австралии, в том числе экономических, со странами, из которых вышли сами мигранты.

Совокупность действия вышеперечисленных факторов обусловила то, что Австралия уже с конца прошлого столетия по многим признакам уверенно вошла в ряд экономически высокоразвитых государств мира. Спектр сложившихся отраслей обрабатывающей промышленности весьма широк: от продуктов питания и модной одежды, электроники и предметов домашнего обихода до сложнейших изделий точного приборостроения и современных комплексов для нефтеперерабатывающей промышленности и производства пластмасс. Наиболее развитыми отраслями считаются машиностроение (автомобилестроение, а также станкостроение, локомотивостроение и судостроение), электротехническое производство, химическая отрасль (изготовление серной кислоты, суперфосфата, синтетического каучука, пластмасс) и пищевая промышленность. По производству электроэнергии на душу населения Австралии принадлежит одно из первых мест в мире.

Опираясь на свои мощные запасы минералов, Австралия, используя позитивную экономическую конъюнктуру и особенно экономический бум в соседних Японии и Китае, вкладывает в нынешнем десятилетии огромные капиталы в развитие своих горнодобывающих отраслей и инфраструктуры, связанной с эксплуатацией рудников.

В стране весьма преуспевающее сельское хозяйство, хотя обрабатываемые земли невелики: они занимают только около 6% территории (из них примерно около половины под пшеницей). Но роль животноводства очень высока. Большое развитие получило виноделие.

Внешняя торговля – центральное звено в экономике Австралии. Экспорт создаёт около $\frac{1}{4}$ национального дохода страны. В течение последнего десятилетия, несмотря на периодические спады на международном рынке, Австралия практически неуклонно увеличивает объёмы внешней торговли, завоёвывая новые и расширяя старые рынки для своих товаров и капиталов. На конец декабря 2005 г. её капиталовложения за рубежом достигли 680,2 млрд. долл. [8].

Страна экспортирует около 70% производимой сельскохозяйственной продукции, примерно 80% добываемого минерального сырья и свыше 18% готовых промышленных товаров. Австралийский экспорт сельскохозяйственной продукции представлен прежде всего мясом, особенно говядиной, вином, шерстью, пшеницей, маслом, сыром и другими молочными продуктами, а из минеральной продукции – каменным углем, железной рудой, нефтью, природным газом, рудами цветных металлов, золотом, бокситами.

Каждый пятый из занятых в стране трудится в сфере экспортного производства или обслуживания самого экспорта. Годовая заработная плата персонала компаний, занимающихся экспортом, превышает среднюю по стране на 17,4 тыс. долл.

2006 г. явился для Австралии рекордным по объёму ее внешней торговли, составившей 431 млрд. долл., или увеличившейся по сравнению с 2005 г. на 14%. Стоимость экспорта товаров и услуг возросла на 16%, до 210 млрд. долл., а стоимость импорта – на 12%, до 221 млрд. долл. [9]. Небывалый по объёму экспорт был, главным образом, результатом значительно улучшившегося состояния мировой экономики. Особенно разительным по сравнению с 2003 г. было резкое увеличение по стоимости вывоза главных экспортных товаров Австралии – угля и железной руды. По углю оно возросло почти в 2,5 раза, а по железной руде – приблизительно в 3 раза. Сфера услуг обеспечила в 2006 г. более 43,8 млрд. долл. экспортных поступлений.

Торговые отношения связывают Австралию почти с двумястами странами. Темп роста ее экспорта промышленных товаров почти вдвое превышает средний экономический рост стран ОЭСР.

США вплоть до 2006 г. неизменно являлись одним из основных торговых партнёров Австралии. Это, безусловно, относилось к поставкам американских товаров на австралийский

рынок. Как в 2005 г., так и в предыдущие годы США постоянно занимали первое место в импорте Австралии. Однако в 2006 г. они были оттеснены на второе место. Изменилась ситуация и с экспортом австралийских товаров в США. В течение многих лет последние традиционно являлись вторым по значению экспортным рынком Австралии (после Японии). Однако в 2005 г. эта тенденция была нарушена в связи с резким увеличением австралийских товарных поставок (за счёт их уменьшения в США) в соседние страны Северо-Восточной Азии, прежде всего, в Китай, развивающийся, как известно, в течение многих лет стремительными темпами, и США в австралийском товарном экспорте оказались лишь на 4 месте, на котором они оставались и в 2006 г. В 2005 г. Китай вышел на 2-е место как в экспорте, так и в импорте Австралии, а в 2006 г. он уже занял первую позицию. Судя по действующей тенденции Китай сохранит своё лидерство ещё на долгие годы.

Происшедшая за сравнительно недолгий период диверсификация экспортной базы Австралии означает, что хотя страна продолжает в основном оставаться поставщиком на мировой рынок сырья (минералы и сельскохозяйственная продукция), она все больше опирается на предоставление внешнему миру различных услуг и поставку самых разнообразных и сложных видов промышленной продукции.

Таблица 1. Структура австралийского товарного экспорта 2000 – 2005 гг. (млн. долл.)

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Сырьевые материалы	64808	73141	70348	60583	70410	87586	101653
Необработанное продовольствие	9239	10540	10422	6829	9700	7537	8340
Обработанное продовольствие	12507	14649	14378	12855	14667	14893	15407
Энергоносители	23054	25445	24712	21364	23847	35589	39368
Минералы	13834	15400	14390	14420	16745	24310	33016
Прочие	6175	7197	6444	5115	5450	5256	5521
Промышленная продукция	35447	38287	37624	33510	34028	37030	41949
Простой обработки	11740	12464	12040	9968	10137	11008	14577
Сложной обработки	23707	25822	25584	23543	23891	26023	27372
Прочие	10099	11103	11500	13862	13319	14460	19947
Экспорт в целом	110354	122530	119472	107956	117757	139076	163548

Источник: 2006 Composition of Trade Australia. Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade, May 2007, p. 24

Из таблицы следует, что только в течение первой половины текущего десятилетия не только в объёме, но и в структуре экспорта Австралии произошли существенные изменения. Хотя поставки промышленной продукции за границу заметно возросли за счёт увеличения вывоза товаров сложной обработки (автомобили, специальное промышленное оборудование и запчасти к нему, оборудование на электрическом приводе, различная аппаратура, медикаменты, измерительные приборы и др.), стремительный взлёт в 2004-2006 гг. экспорта энергоносителей и других минералов ещё более обозначил его преимущественно сырьевой характер. В 2005 г. доля сырьевой продукции в австралийском экспорте достигла 62,2% против 58,7% в 2000 г., а доля промышленных товаров за это время снизилась с 32,1% до 25,6% [10]. по сравнению с 2004 г. поставки Австралии за границу энергоносителей в 2006 г. увеличилась на 15521 млн., а других минералов – на 16271 млн. долл.

И все же хотя структура экспорта Австралии, как и России, характеризуется почти резко выраженной сырьевой направленностью, страна с успехом даже порой в трудных условиях на мировом рынке благополучно опиралась на сырьевой характер своего экспорта,

успешно находя новые и расширяя старые источники сбыта. Это свидетельство того, что сырьевая предопределенность экспорта не является чем-то пагубным для страны, а, напротив, при умелом использовании сырьевых ресурсов, как это убедительно показывает опыт Австралии, может быть благоприятной основой для успешного развития экономики в целом и достижения высокого жизненного уровня населения. Конечно, сказанное отнюдь не исключает необходимости развития производства, что признаёт её руководство, в том числе и на экспорт, промышленной продукции высокой степени переработки. Следует ещё раз подчеркнуть, что Австралия успешно справляется и с этим.

Экономические достижения Австралии были бы куда более скромными и ограниченными, если бы не исключительно большое влияние на её хозяйственное развитие иностранного капитала, как форме портфельных инвестиций, так и путём широкого непосредственного участия в эволюции экономики страны за счёт весьма значительных прямых капиталовложений в её различные отрасли. Следует сказать, что Австралия, являясь в мире образцом экономической, политической и социальной стабильности, обладая к тому же громадными ресурсами минералов и высококвалифицированных на всех уровнях кадров, служит, безусловно, приманкой для иностранного капитала. В этом смысле страна рассматривается им не только как непосредственный объект инвестиций, но и как база для распространения влияния на близлежащие страны Восточной Азии.

Как уже отмечалось, на 31 декабря 2005 г. общий объём иностранных капиталовложений в Австралии превысил 1,2 триллионов долл. Их наглядная динамика в предшествующие годы нынешнего столетия характеризуется следующими данными (на конец года): 2001 г. – 849,7 млрд., 2002 г. – 906, 4 млрд., 2003 г. – 978 млрд., 2004 г. – 1,1 триллиона долл. [11].

Что же касается прямых иностранных капиталовложений, то по своим размерам они заметно уступают портфельным инвестициям. В 2001 г. они составляли 218,8 млрд. долл, в 2002 г. – 249,3 млрд., в 2003 – 264,6 млрд., в 2004 г. – 332,7 млрд. и в 2005 г. – 281 млрд. долл. [12].

Наиболее крупными инвесторами в Австралии неизменно были и остаются США и Великобритания. Американские инвестиции на конец 2005 г. составляли 325,3 млрд. долл. (26,9% всех иностранных капиталовложений), а английские – 294, 7 млрд. (24, 4%). За США и Великобританией следовали Япония – 53,3 млрд. (4,4%), Гонконг^{х)} – 31,3 млрд. (2,6%), Нидерланды – 29,8% (2,4%).

Достаточно трудно конкретно охарактеризовать во всей совокупности влияние иностранных инвестиций на хозяйственные процессы, происходящие в Австралии, хотя оно, без сомнения, весьма положительно. Что же касается иностранных прямых капиталовложений, то они способствуют развитию отраслей во всех секторах экономики Австралии. В середине 1996 г. обрабатывающая промышленность поглощала 31% инвестиций, сфера финансов и страхования — 20, горнодобывающая промышленность — 14, недвижимост и сектор услуг — 13 % [13]. Иностранные инвестиции охватывают фармацевтическое и электронное производство, информационные технологии и биотехнологии.

Международные фирмы доминируют в фармацевтической промышленности Австралии. Они способствуют продвижению на внутренний и внешние рынки медицинской и биомедицинской продукции, а также плодов исследовательской работы. Четыре автомобильных завода полностью находятся в руках иностранного капитала, который акцентирует свою деятельность на производстве автомобильных узлов, а также электроники и промышленной обработке продукции горнодобывающей отрасли (сталь, сплавы и новые

---

^{х)} специальный административный район Китая

материалы). В такой капиталоемкой отрасли, как горнодобывающая, иностранные инвестиции позволяют создать первоклассный, глобального значения бизнес.

Иностранные прямые капиталовложения содействуют также глобализации и повышению конкурентоспособности австралийских предприятий. Например, в машиностроении они побуждают благополучные мелкие и средние австралийские фирмы к участию в крупных проектах или к партнерству в преуспевающих синдикатах, добывающихся участия в крупных международных проектах.

Прямые иностранные инвестиции обеспечивают финансирование развития экономики и являются важным каналом поступления в страну новых технологий, приобретения организационно-управленческого опыта, способствуют созданию сбытовой сети. Эти инвестиции могут повлиять на конкурентоспособность, инновации, занятость, рост экономики и торговли в целом. Например, такие компании с иностранным участием, как «Аштон майнинг», «Рио Тинто», «Вудсайд», играют решающую роль в развитии австралийской горнодобывающей промышленности.

Представительства зарубежных производителей автомашин в Австралии предоставляют средства для повышения их конкурентоспособности, помогают трансформировать сфокусировавшееся на внутренний рынок австралийское автомобилестроение в конкурентоспособную глобальную отрасль. В 2005 г. Австралия экспортировала легковых автомобилей на 3,1 млрд. долл. и грузовых автомобилей на 269 млн. долл. Этот успех распространился на смежные отрасли — производство запчастей, электроники и металлообработку. В 2005 г. зарубежные поставки автомобильных частей составили 683 млн. долл.

Иностранные инвестиции в значительной мере обеспечивают развитие сектора передовых технологий и телекоммуникаций, что дает Австралии возможность закрепиться на мировом рынке.

Деятельность международных компаний в Австралии позволяет небольшим местным экспортерам приспособиться к мировой практике, включая удовлетворение требований спецификаций и обеспечение своевременных поставок. Безусловно, Австралия делается более привлекательной для иностранного бизнеса и одновременно повышается конкурентоспособность и коммерческие возможности мелких австралийских экспортеров.

Более полумиллиона человек в городских и сельских районах Австралии работают на предприятиях с преобладанием иностранного капитала. Значительно больше численность работников на фирмах, которые связаны с иностранными компаниями, действующими в роли потребителей и поставщиков товаров и услуг. Один из пяти занятых в обрабатывающей промышленности, работает на фирмах с преобладанием иностранного капитала, в том числе более 33% — на предприятиях по производству химикатов, нефтепродуктов и коксованию угля, 30% — по производству машин и оборудования и 25% — в пищевой промышленности. Более одного человека из четырех, занятых в горнодобывающей промышленности, трудятся на предприятиях с участием иностранного капитала.

На протяжении длительного периода во многих городах и регионах Австралии иностранные инвесторы помогают восстанавливать и улучшать работу действующих компаний, а иногда создавать целые отрасли производства. Иностранные инвесторы способствуют увеличению занятости, создают условия для повышения квалификации работающих и подготовки молодых кадров. На новых предприятиях для них организуются дополнительные коммерческие связи. Такие компании, как «Кориа зинк рефайнери продукт»

и «Доминенс индастриз МДФ», являются недавними иностранными инвесторами, которые обеспечили необходимую занятость в региональной Австралии*.

Объединение и поглощение, организация совместных с иностранным капиталом предприятий и стратегических альянсов – все это способствует развитию производительных сил страны. Участие иностранного капитала часто улучшает качество управления, облегчает решение проблемы занятости и повышает уровень квалификации местных менеджеров и предпринимателей. Во многих иностранных фирмах управленческий аппарат формируется за счет привлечения специалистов из собственных стран, особенно в период становления компаний. В то же время, многие фирмы предпочитают отдавать руководящие посты австралийцам.

Иностранные инвесторы высоко ценят управленческие способности австралийцев, в частности их умение поддерживать контакты с властными структурами различных уровней, гибкость и склонность к нововведениям. Многие компании-учредители (материнские) используют австралийский управленческий опыт в операциях в третьих странах (Китай, государства Восточной Европы).

Иностранные фирмы, обосновавшиеся в Австралии и ориентирующиеся на экспорт, используют мировой опыт. Открытость для международной конкуренции помогает повысить конкурентоспособность и австралийской промышленности. Так, крупнейшая австралийская продовольственная компания «Гудман Филдер» фактически интернационализована: ее сбытовые филиалы разместились более чем в 40 странах.

Австралийские компании, испытывающие нехватку средств и опыта, стремятся к организации совместных с иностранным капиталом предприятий или использованию других форм сотрудничества для продолжения и расширения своих операций, особенно в новых и новейших сферах предпринимательства. Мелкие и средние фирмы особые трудности испытывают на ранних стадиях своего развития. В Австралии таким фирмам, не имеющим значительный потенциал роста, трудно зарегистрироваться на фондовой бирже, что осложняет доступ к финансовым ресурсам. Австралийские компании сталкиваются также с проблемой формирования капитала для финансирования крупных проектов, поскольку местные банковские учреждения не обладают соответствующими ресурсами.

В 90-е годы Австралия извлекла большую пользу от иностранных капиталовложений в сферу инжиниринга. Австралийские фирмы успешно конкурируют с участниками тендеров на проекты малых и средних размеров. Однако сравнительно скромные финансовые возможности не позволяют им эффективно участвовать в более крупных проектах, требующих более значительного финансирования. Европейские и североамериканские инжиниринговые фирмы, высоко оценивая опыт Австралии, охотно допускают участие австралийского капитала. В результате многие местные фирмы фактически стали иностранными.

Австралия имеет стойкие традиции в области первоклассных научных и инжиниринговых исследований. Однако деятельность иностранных фирм является решающей в коммерциализации результатов таких исследований.

Располагающая высококвалифицированными и образованными кадрами, Австралия исключительно подходит для организации научных разработок. Многие иностранные компании, особенно действующие в области фармацевтической и электронной промышленности, информационных технологий и телекоммуникаций, в качестве основного аргумента своего пребывания в Австралии называют ее возможности в области исследований и развития. Журнал «Бизнес ревью уикли» в 1998 г. отмечал, что из 50 наиболее

---

* Региональная Австралия — широко распространенный в экономической литературе страны термин. Этот регион противопоставляется крупным городам, важным портам, финансово-промышленным центрам и, вероятно, может ассоциироваться с понятием «периферия».

преуспевающих компаний, действующих в Австралии, более половины были представлены иностранными фирмами, которые используют в своем развитии австралийские научные достижения в патентном деле, торговой маркировке и дизайне.

Подтверждением сказанного выше являются действия компании «Рио Тинто», которая разместила в Австралии свои исследовательские структуры, с тем чтобы улучшить перспективы развития горнодобывающей промышленности. В 1997 г. капиталовложения фирмы «Эрикссон Аустрэлиа» в исследования и развитие были вторыми по размерам в Австралии. Ее научный центр — крупнейший среди частных фирм, занятых электроникой, имеет в штате 450 человек. Кроме того, фирма финансирует научные разработки в главных австралийских университетах. Инвестиции немецкой компании «Сименс» в науку и развитие Австралии, включая программное обеспечение и телекоммуникации, еще более подняли престиж компании в мире. В Австралии «Сименс» развивает телекоммуникационное программное обеспечение для Нидерландов и Бразилии.

Иностранные прямые инвестиции — важный канал, через который австралийские фирмы могут быть интегрированы в глобальную предпринимательскую систему. Например, сотрудничая с контролируемым иностранным капиталом фирмами, австралийские компании становятся участницами глобальной снабженческой сети. Доступ к этой сети — первый шаг к включению большого числа австралийских мелких и средних фирм в международные отношения вне зависимости от того, делают они его самостоятельно или в рамках внешних операций иностранных фирм. Многие такие поглощения совершаются специально, с тем чтобы включить австралийский компонент в международные операции.

Опыт Австралии по привлечению иностранного капитала, прежде всего, в форме прямых капиталовложений говорит о том, что этот путь весьма плодотворен и способствует эффективному решению экономических проблем, стоящих перед страной.

Таблица №2. Первые 20 стран-инвесторов в Австралии на 31 декабря 2001-2005 гг. (млн. долл.)

Страна	2001	2002	2003	2004	2005
США	229164,3	238687,2	285387,9	356984,9	325293,6
Великобритания	231698,6	253438,6	260733	277655,7	294693
Япония	49794,1	49493,64	46400,91	49768,44	53328,74
Гонконг*	31974,24	35567,93	27829,5	29363,44	31259,8
Нидерланды	15884,79	19037,37	22163,44	26175,63	29837,09
Швейцария	12611,96	19334,95	21285,19	21815,95	25079,19
Новая Зеландия	17613,59	18487,14	19931,25	21067,52	24279,8
Бельгия	6916,937	6500,513	10456,59	16674,89	23089,75
Германия	12386,54	14275,27	15736,61	17243,19	21098,58
Сингапур	39850,95	25138,58	22231,39	20259,78	19663,83
Франция	7457,655	8209,232	11150,44	15783,99	15154,78
Канада	3466,983	6663,38	10978,43	12448,32	13159,56
Малайзия	2221,35	4615,443	6161,392	5303,229	5810,412
Бермудские о-ва	1438,81	1694,076	2527,184	4720,671	5175,507
Люксембург	4297,794	2691,278	3198,169	3732,191	4929,68
Филиппины	2369,775	1964,179	1747,402	1269,128	3433,205
Тайвань	1175,717	937,596	1172,101	1854,502	2470,794
Китай	3131,539	2843,097	2986,854	2286,912	2274,784
Ирландия	1087,392	1352,65	1354,403	1242,819	2233,589
Норвегия	Нет данных	1494,707	Нет данных	2084,576	2195,268

Источник: Australian Bureau of Statistics, Cat. №5352.0. Table 2a. Foreign investment in Australia, 2006

* Специальный административный район Китая

Таблица №3. Первые 20 стран с прямыми инвестициями в Австралии на 31 декабря 2001-2005 гг. (в млн. долл.)

Страна	2001	2002	2003	2004	2005
США	68839,57	70646,07	82955,19	141410,5	69064,56
Великобритания	48081,91	55422,55	45608,01	43123,78	51313,89
Япония	16302,58	16659,03	18370,88	18678,05	23805,24
Нидерланды	10540,15	11953,12	11922,32	16416,19	19136,57
Швейцария	5309,033	9684,743	10853,52	12100,86	14368,83
Германия	6069,069	7550,184	7669,376	8412,926	9890,712
Франция	5764,793	5257,967	6078,2	7726,516	8287,377
Новая Зеландия	5443,807	4158,15	5512,074	6382,049	5889,066
Канада	2181,272	5174,144	8120,848	6468,76	5825,245
Сингапур	14872,76	3682,509	4252,959	5136,66	4199,666
Малайзия	1373,801	3309,029	3232,428	2764,961	3259,318
Швеция	746,308	683,039	909,989	1081,81	1248,736
Ирландия	470,508	614,193	623,41	596,049	901,847
Бермудские о-ва	1123,129	1385,046	1152,838	1105,829	846,279
Южная Корея	280,611	...	...	...	651,788
Италия	...	...	2910,307	...	490,51
Тайвань	162,177	...	110,47	133,753	153,689
Таиланд	-10,248	...	...	...	52,479
Чехия	-0,018	0	0	...	0,233
Польша	0,227	-0,114	0	0,333	0,156

Источник: Australian Bureau of Statistics, Cat. №5352.0. Table 2b, 2006

На наш взгляд, особого внимания заслуживает рассмотрение состояние науки и образования в Австралии как, несомненно, одной из движущих сил её прогресса. Австралийская наука и образование обрели и большое международное значение, вышли далеко за пределы страны.

Австралия располагает значительными квалифицированными кадрами. Многие менеджеры и технический персонал обладают опытом работы за границей. Почти половина работающих имеет дипломы различных учебных заведений, в том числе университетов. Хорошие познания в области науки и инноваций привели к появлению в стране значительного слоя научных работников и технических специалистов, пользующихся международным признанием.

Австралийские учёные и исследователи вносят существенный вклад в развитие мировой науки и технологий. Им принадлежит большое количество изобретений и разработок новых технологий в горнодобывающей промышленности, сельском хозяйстве, в перерабатывающих отраслях, а также в медицине, образовании и в ряде других сфер экономики.

Австралия располагает лучшими в мире, уникальными телескопами. В 1969 г. радиотелескоп в Парксе передал первые изображения высадки людей – американских космонавтов, на Луне. Сотрудниками англо-австралийской лаборатории-обсерватории у горы Сайдинг-Спрингс (Новый Южный Уэльс) был обнаружен объект, удалённый от Земли на 10 млрд. световых лет. Гигантский телескоп «Австралия», открытый в 1988 г. в честь двухсотлетия государства, позволяет делать измерения с точностью до 1 мм. Мировое значение имеют идентификация первого квазара и составление атласа радиоисточников на небе Южного полушария [14].

Наряду с успехами радиоастрономии и астрофизики получают развитие ядерная физика, геофизика, химия. Широкую известность получили работы по изучению верхней мантии Земли и определению абсолютного возраста геологических образований по содержанию продуктов радиоактивного распада урана, калия, рубидия.

Применение радиоизотопов в промышленности и медицине, очистка урана, физика плазмы – такова тематика ядерных исследований, которые осуществляются на базе двух реакторов, размещённых недалеко от Сиднея, в Люкас-Хайтс.

В освоении космоса Австралия опирается на международное сотрудничество, особенно с Национальным управлением по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА) США.

Перспективны опыты использования альтернативных источников энергии – солнца, морских приливов, термальных вод. Австралия – лидер в создании фотогальванических приборов и систем, использующих солнечную энергию.

Актуальны комплексные экологические исследования, решение проблем возобновляемости ресурсов и перевода промышленного производства на замкнутые циклы. Австралийский институт наук о море в Таунсвилле занимается физикой, биологией и экологией моря, а также разведкой природного газа, нефти и минералов в континентальном шельфе.

Накоплен большой опыт исследований в Антарктиде: Австралия ведёт их уже с 1911 г. на четырёх постоянно действующих станциях – три на ледовом материке и одна на острове Маккуори. Организатором и участником многих экспедиций был Дуглас Моусон (1882-1958).

Австралийцы по праву гордятся целым рядом научно-технических достижений. Среди них – атомный абсорбационный спектрометр, мгновенно производящий анализ синтетических и природных полимеров, сканер, который радиоизотопным и микроволновым анализом определяет содержание цинка и свинца в угле, искусственное стекло «синрок» – преграда для радиоактивного излучения, радар для загоризонтной радиолокации, многолучевая антенна, позволяющая одновременно следить за двадцатью спутниками, «чёрный ящик» – записывающее устройство, которым снабжены самолёты, новый источник получения съедобного растительного масла – линолы, замена бумажных денег банкнотами из полимерных материалов, более прочными и лучше защищёнными от подделок.

Что касается медицины, то помимо участия в разработке пенициллина, должен быть назван и высококачественный аспирин, выпущенный в 1915 г. и с тех пор не вышедший из употребления, и регулятор сердечного ритма (1926), и первый ультразвуковой сканер (1961), и солярскан (1998) – прибор, определяющий злокачественные поражения кожи, и бионический протез уха (изобретение Грэма Кларка, 1979 г.) [15].

Государство – главный организатор, координатор и финансовый донор научных исследований, в первую очередь, дорогостоящих и не сулящих немедленной отдачи. Основная научно-исследовательская система (её можно назвать и научно-производственной), Организация научных и промышленных исследований Австралийского Содружества (КСИРО) на 70% финансируется государством. За полвека существования она разрослась, охватывая все основные отрасли хозяйства. По всей Австралии, в ста с лишним пунктах, расположены её институты, лаборатории и опытные участки.

Вторая по масштабу после КСИРО научно-исследовательская система, также финансируемая государством – Организация оборонной науки и техники, которая консультирует правительство и разрабатывает новые виды вооружения.

Научно-исследовательские подразделения имеются в различных министерствах. На уровне штатов вопросам науки и внедрения научных открытий ведают департаменты промышленности и техники. Инструментом научной политики являются долгосрочные

федеральные программы, которые исходят из перспектив экономики и общественного благосостояния.

В результате изысканий, которых потребовало строительство крупнейшего гидроэнергетического комплекса, возникла Инженерная корпорация в Снежных горах (г. Кума) – многоотраслевая экспертная и проектная организация в области гидроэнергетики, гражданского строительства, машиностроения, ирригации.

С продукцией научных учреждений сравнимы по объёму и разнообразию исследования, которые ведутся в высшей школе. Многочисленные австралийские университеты – главные центры фундаментальных исследований: теоретическим проблемам здесь уделяется большее внимание, чем в промышленных лабораториях. Один из ведущих центров высшего образования – Австралийский Национальный университет (АНУ) был создан в 1946 г. в столице страны Канберре именно с целью подготовки научных работников и организации исследований высшего уровня. Почти на 90% университетская наука финансируется федеральными целевыми субсидиями. Её приоритеты – проблемы медицины и здравоохранения, биологии, социальные исследования, в меньшей степени – гуманитарные.

По мере дальнейшей индустриализации, технизации, информатизации хозяйственной деятельности частные компании и ассоциации производителей всё охотнее самостоятельно предпринимают научно-исследовательские разработки, рассчитанные на экономический эффект и развитие отрасли. Крупнейшие компании и корпорации – горнодобывающие, химические, фармацевтические, электротехнические не ограничиваются контролем над качеством продукции и адаптацией зарубежных технологий, но сами в лабораториях высокого класса разрабатывают технологии широкого применения. Частный сектор вкладывает большие средства в различные научные и производственные проекты.

В плане международных научных связей АНУ проводит (с 2004 г.) Азиатско-Тихоокеанскую неделю, с летними школами – китайской, японской, корейской, вьетнамской, тайской, южно-азиатской, тихоокеанской, а также с культурной программой. Издательство «Пандус букс» специализируется на литературе азиатско-тихоокеанской тематики.

Развитие азиатско-тихоокеанских исследований стимулируется не только удовлетворением многообразных научных интересов, но и сознанием того, что будущее Австралии зависит от политического, экономического и культурного состояния региона.

Австралийские университеты предоставляют возможность овладевать восточными языками не только студентам, но и в центрах непрерывного образования. В программы некоторых средних школ вошли как альтернативные при выборе иностранного языка индонезийский, японский, китайский языки.

Азиатское направление внешнекультурных связей учитывается в стратегии политических партий. В 1975 г. в ходе лейбористских реформ был создан федеральный Совет по изучению Азии. Содействие культурному обмену на широком поле образования, науки, искусства, информации вменяется Совету «Австралия-Китай» (учреждён в 1979 г. под эгидой МИДа). В кампании 1993 года по выборам в парламент австралийская либеральная партия (АЛП) выдвинула двоякую задачу – поощрять изучение австралийцами Азии как условие делового успеха и одновременно культивировать в странах Азии положительный образ Австралии – источника квалифицированной помощи в производстве, прогрессивных технологий, научных открытий и современного образования. Пути к решению – обмен студентами, аспирантами, специалистами, а также «азиатские стипендии», которые позволят преподавателям восточных языков и страноведческих дисциплин повышать квалификацию, погружаясь в изучаемую среду.

Катализаторами азиатских влияний явились также непосредственные контакты с носителями восточных культур, которые умножились с наплывом иммигрантов из Азии после того, как в 1970-е годы были устранены этнические ограничения.

Быстрое экономическое развитие азиатского региона стало главным побудительным мотивом для появления глобального спроса на международное образование. Рост подушевого дохода открыл перед гражданами азиатских стран доступ к высшему образованию через международную образовательную сеть, что было для предыдущих поколений в большинстве случаев невозможным.

Для Австралии важно расширять свою активность в обучении иностранных студентов как в самой стране, так и за ее пределами. Азиатские страны продолжают все больше обращаться к иностранному образованию по мере того, как растет их население и увеличиваются национальные доходы. Либерализация торговли услугами дает возможность австралийским образовательным учреждениям удовлетворять растущий спрос на обучение как в самой Австралии, так и за рубежом.

Австралия – важный игрок в сфере международного высшего, профессионального, языкового и школьного образования. Предоставление образовательных услуг стало для нее четвертой по важности статьёй экспорта. В 2004/05 г. они принесли стране 7,2 млрд. долл., или на 8% больше, чем в 2003/04 г. [16]. Иностранцы, обучающиеся по системе австралийского образования – это преимущественно жители азиатских стран.

По данным на октябрь 2004 г., в Австралии насчитывалось 313650 иностранных учащихся во всех сферах образования. Подавляющая их численность приходилась на студентов высших учебных заведений – 150104 человек. Это было на 11,5% больше, чем за год до этого. На интенсивных курсах изучения английского языка обучалось 56324 иностранцев. Сферой профессионального образования было охвачено 55706 человек, и, по мнению австралийских властей, здесь имеется большой потенциал. Кроме того, 27820 иностранцев было вовлечено в школьное обучение [17].

Австралийская торговля образовательными услугами и сложившиеся связи по этой линии с другими странами взяли свое начало с благотворительных учебных программ, особенно с известного Плана Коломбо. Эта традиция продолжается теперь на основе Австралийской программы продвижения знаний. Она стала главным механизмом, посредством которого и осуществляется помощь гражданам развивающихся и новых индустриальных стран в овладении знаниями на территории Австралии.

Коммерциализация образования как статьи экспорта является уже более поздним феноменом системы университетского обучения. В торговле услугами в целом последняя, осуществляемая в самой Австралии, резко преобладает. В период 1994–2004 гг. количество иностранных студентов здесь возрастало ежегодно на 15% в год. В 2004 г. в ее университеты поступили 32290 иностранных студентов, и их общая численность превысила 150 000 человек.

Доля в австралийских вузах иностранных студентов, по отношению к их общей массе, выше, чем в любой другой стране, входящей в ОЭСР.

Правительство и университеты Австралии играют в Азии заметную роль в эволюции высшего образования. Страна обладает опытом в формировании необходимых учебных курсов и их преподавании, обеспечивает высококачественность обучения и его соответствие нуждам стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Последнее обеспечивается подписанием меморандумов о взаимопонимании между Австралией и правительствами соответствующих стран и благодаря направлению преподавателей в австралийские филиалы за границей и в местные учебные заведения.

Хотя среди стран ОЭСР Австралия наиболее успешна в привлечении иностранных студентов, изменяющиеся условия на ее ведущих рынках потребуют большего участия в обучении в самих странах.

Намерение Сингапура стать региональным центром иностранного образования привело к созданию ряда совместных, с иностранным участием, центров обучения. «ЮНСВ

Азия», вступающий в строй в 2007 г., будет первым в Сингапуре иностранным университетом и первым, полностью принадлежащим Австралии за границей, центром обучения и проведения научно-исследовательских работ.

Крупнейший австралийский университет – Монашский (г. Мельбурн), был первым в Малайзии, создавшим свой филиал. Из пяти частных иностранных университетов, представленных в стране, три являются австралийскими. Во Вьетнаме австралийские вузы также находятся в авангарде учреждения частного образования. Австралийский «РМИТ Интернешнл» – первый в стране иностранный университет.

Раунд Доха Всемирной торговой организации (ВТО), провозглашенный в 2001 г., разработал Генеральное соглашение о торговле услугами (ГАТС). По этому Соглашению страны-члены ВТО вправе обратиться к другим, входящим в эту организацию членам относительно использования их образовательных услуг и снятию или ограничению в этой сфере.

Соглашение между Австралией и США о зоне свободной торговли (2005 г.) содержит важные послабления для австралийских экспортеров образовательных услуг. В торговле ими экспортеры имеют активное сальдо с США, и со вступлением с января 2005 г. в силу этого соглашения перед ними открываются значительно более широкие перспективы.

В Соглашении о зоне свободной торговли между Сингапуром и Австралией для ее экспортеров услуг также достигнуты важные результаты, которые идут дальше установок ГАТС, предоставляя им национальный режим и возможность прочно обосноваться в Сингапуре.

Образование – важный и растущий сектор в двусторонней торговле услугами между Австралией и Китаем. Несколько австралийских университетов имеют с китайскими вузами прочные связи, возникшие еще в 80-е годы. Эти университеты совместно с местными вузами ведут курсы по широкому спектру дисциплин и способствуют китайским партнерам в проведении базисных научных разработок.

Китай для Австралии – ведущий поставщик учащихся. В 2004 г. их насчитывалось 68857 человек. Кроме того, в самом Китае обучались по австралийским программам 30 тыс. студентов [18].

В настоящее время иностранные поставщики образовательных услуг, отвечающие квалификационным требованиям, могут заниматься своей деятельностью в Китае, если они приглашены или наняты школами и другими учебными заведениями. Однако, австралийские провайдеры и инвесторы сталкиваются с некоторыми препятствиями. Они включают обязательное получение лицензий и ограничения в доступе на рынок, а также лимитирование размеров акционерного капитала и создание совместных учебных учреждений с китайскими инвесторами.

Намечающееся соглашение между Австралией и Китаем о зоне свободной торговли, по всей вероятности, укрепит существующее австралийское присутствие в системе китайского образования. Оно откроет доступ к дополнительным видам деятельности путем устранения существующих барьеров, облегчит инвестиции и коммерческое присутствие равно как и передвижение профессорско-преподавательских кадров и взаимное признание свидетельств об образовании.

Анализ, проведенный автором, свидетельствует о продолжающихся серьезных сдвигах в структуре австралийской экономики и значительном усилении её позиций на мировой арене как в последнем десятилетии XX, так и особенно в первой половине нынешнего десятилетия. По существу, страна не упустила на одной возможности, открывавшейся в связи с глобализацией мировой экономики и новыми информационно-техническими достижениями. Можно сказать, что Австралия доказала свою способность противостоять трудностям,

возникающим в мировой и национальной экономике. А это означает, что в ближней и среднесрочной перспективе страна будет успешно развиваться.

Источники и литература:

1. Азия и Африка сегодня. №7, 2006, с. 20
2. Australian Bureau of Statistics, Cat. №5352 Commonwealth of Australia, 2006
3. Trade Topics. December 2005, p.9
4. Финансы, №7, 2006, с. 69
5. Trade Topics. December 2005, p. 9
6. Trade Topics. September 2005, p. 17
7. Петриковская А.С. Культура Австралии в 19-20 веках. 2005 (рукопись) с. 73-74
8. Australian Bureau of Statistics, Cat. №5352.0. Table 5a Australian investment abroad, 2006
9. 2006 Composition of Trade Australia, Canberra, May 2007, p. 1
10. 2006 Composition of Trade Australia, May 2007, p. 26
11. Australian Bureau of Statistics, Cat. №5352.0. Table 2a. Foreign investment of Australia, 2006
12. Ibidem, Table 2b.
13. Архипов В.Я. Австралия в мировой экономике. «Восточная литература» РАН, 2005, с. 189
14. Петриковская А. С. «Культура Австралии в 19- 20 вв.» (рукопись, с. 88)
15. там же, с. 89
16. Trade Topics. December 2005, p. 16
17. Ibidem, December 2005, p.17
17. Ibidem, December 2005, p.17

Обеспечение экономической безопасности Австралии в условиях интеграции

Буденкова А.В., к.и.н., доцент, Сибирский федеральный университет, Красноярск

Интеграционные процессы в южной части Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) сопровождаются новыми вызовами для региональных государств. Так обеспечение безопасности в условиях интеграции сопряжено с новыми рисками, возникающими из-за изменений в процессах внешней торговли и миграции. Прежде всего, это усиление потока контрабандных товаров и незаконных иммигрантов. Помимо этого вызовом стала угроза международного терроризма, т.к. в условиях интеграции ущерб от теракта отражается и на стране, по которой нанесён удар, и на экономике стран, связанных с ней единой региональной экономической сетью.

Неотъемлемой частью борьбы с угрозами экономической безопасности в таких условиях для Австралии стал комплексный подход, в котором одно из важных мест отводится региональным организациям и органам. Это позволяет Австралии и другим странам региона выработать общую политику, обмениваться идеями, новыми разработками и информацией, координировать региональные программы, оказывать помощь развивающимся экономикам с целью обезопасить собственную.

Интеграционные процессы в южной части Азиатско-Тихоокеанского региона (ЮТР) прежде всего, соотносятся с деятельностью стран-членов Ассоциации стран юго-восточной Азии (АСЕАН). Заметное усиление АСЕАН в 1980-1990-е гг. в результате нормализации международной обстановки в регионе (урегулирование камбоджийского конфликта, прекращение конфронтации между государствами Индокитая и «шестеркой» Ассоциации стран Юго-Восточной Азии) и как следствие либерализация условий торговли и инвестиций привели к конкретизации экономического сотрудничества между странами ЮТР. В 1960-х гг. ощутив эффект европейской интеграции Австралия и Новая Зеландия выдвигают направление развития внутрорегиональных связей как приоритетное. Процесс интеграции стран АСЕАН с Австралией и Новой Зеландией достаточно сложен и противоречив, однако в качестве положительных результатов, как для Австралии, Новой Зеландии так и для стран АТР, можно отметить создание в 1989г. организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), в 1994г. регионального форума АСЕАН (АРФ). Кроме этого, в 1992г. на официальном саммите лидеров АСЕАН в Сингапуре, в дополнение к уже существовавшей системе взаимных торговых преференций между членами Ассоциации было принято решение о создании в течение 15 лет зоны свободной торговли АСЕАН (АФТА), а затем таможенного союза. В 1994г. страны-члены АТЭС провозгласили намерение создать в АТР зону свободной торговли и инвестиций к 2010г. для развитых и к 2020г. – для развивающихся стран.

По своему определению интеграция подразумевает создание некой общности, целого из разрозненных частей. Региональная интеграция в свою очередь отождествляется с процессом, в ходе которого страны региона убирают барьеры, препятствующие свободной торговле и свободному движению людей через границы национальных государств, с целью уменьшения противоречий, которые могут вести к межгосударственным конфликтам. Обеспечение безопасности в таких условиях сопряжено с новыми рисками, возникающими из-за изменений в процессах внешней торговли и миграции. Прежде всего, это усиление потока контрабандных товаров и незаконных иммигрантов. Однако события 11 сентября 2001г. в США обнажили перед мировым сообществом более серьезную угрозу безопасности, угрозу международного терроризма. Речь в данном случае идет не только о международной террористической сети, но и о том, что в условиях интеграции ущерб от теракта отражается и на стране, по которой был нанесен удар, и на экономике стран, связанных с ней единой

региональной экономической сетью. Например, моделирование 0,5% спада производительности в первичном множителе из-за терроризма показало, что более 5 последующих лет мировая экономическая активность была бы примерно на 0,7% (около 310 млн. американских долларов в 2003г.) ниже, чем было бы в противном случае [2, с.8]. Кроме того, негативные последствия терактов наиболее глубокий вред наносят экономикам развивающихся стран, таким, например, как страны АСЕАН (Бруней, Камбоджа, Индонезия, Лаос, Малайзия, Мьянма, Филиппины, Сингапур, Таиланд, Вьетнам). Аналитики подсчитали, что 2 недели закрытия 29 американских портов на Западном побережье в конце 2002г. стоили азиатским экономикам около 0,4% номинального ВВП [2, с.8]. Упомянутое ранее моделирование показало, что экономическая активность стран АСЕАН снизилась бы примерно на 1,4% при спаде производительности на 0,5% из-за терроризма, что на 0,7 ниже исходной линии, определенной в соответствии с общемировым показателем.

Учитывая такую взаимосвязь экономик, для обеспечения экономической безопасности требуются совместные усилия. Национальное государство само по себе не может обеспечить полную экономическую безопасность. Для этого стало важным не только понимание самой ситуации, но и полное принятие необходимых совместных действий. Страны АСЕАН, как и все мировое сообщество, осудили террористическую атаку на США. В ноябре 2001г. на 7 саммите АСЕАН была принята Декларация АСЕАН по совместным действиям в борьбе с терроризмом. В мае 2002г. в Куала-Лумпуре на специальной встрече на уровне министров АСЕАН был принят разработанный ранее Рабочий план, поднявший на новый уровень сотрудничество, координацию и обмен информацией в борьбе против терроризма. Однако последующие террористические акты в Индонезии и Филиппинах ускорили развитие событий и принятие практических мер.

12 октября 2002г. террористическая атака была совершена в южной части Азиатско-Тихоокеанского региона (ЮТР), на о. Бали (Индонезия), после чего последовало незамедлительное противодействие со стороны стран региона. Через две недели после теракта на ежегодной встрече лидеров АТЭС в Мексике 26-27 октября 2002г. было сделано совместное заявление лидеров АТЭС о борьбе с терроризмом и положено начало новым инициативам, направленным на борьбу с терроризмом, чтобы минимизировать ущерб, наносимый им отдельным странам, региону и миру в целом. В ноябре 2002г. в Пном Пене на 8 саммите АСЕАН была принята Декларация по терроризму, которая не только подтверждала ранее заявленные антитеррористические действия стран Ассоциации, но и включала перечень ближайших мероприятий: Международная конференция по борьбе с терроризмом и восстановлению туризма в Маниле в ноябре 2002г., Региональная конференция по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма в Бали в декабре 2002г., межсессионная встреча по борьбе с терроризмом Регионального форума АСЕАН в Кота-Кинабалу (Малайзия) в марте 2003г., встреча на уровне министров АСЕАН по транснациональным преступлениям с министрами из Китая, Японии, Южной Кореи в Бангкоке в октябре 2003г., учреждение Регионального центра по борьбе с терроризмом в Куала-Лумпуре в ноябре 2002г. [4].

Действия региональных организаций ЮТР в целом носят взаимодополняющий характер и соотносятся с действиями всемирных организаций. Поскольку в настоящее время интеграционные процессы в АТР характеризуются как экономическая интеграция, то мы обратимся в первую очередь к инициативам, разработанным организацией Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества.

Безопасная торговля в регионе АТЭС (Secure Trade in the APEC Region – STAR) – инициатива, воплотившаяся в ежегодных конференциях при участии всех 21 членов АТЭС и в практических действиях. Основными направлениями дискуссий были намечены политика и процедуры по усилению безопасности и эффективности в регионе АТЭС в морских портах,

аэропортах, других точках доступа, включающих безопасность портов и аэропортов, безопасность транспортировки контейнеров, прибрежный патруль, управленческую и финансовую помощь, инициативы частного сектора. Крайне важным направлением при противодействии терроризму была признана координация действий между государственными и частными организациями. В феврале 2003г. была проведена первая конференция по Безопасной торговле и выделены важнейшие направления действий в области морской безопасности, авиационной безопасности, технологий обработки информации о пассажирах, помощи по обучению и повышению квалификации персонала, проектного планирования и финансирования, а так же безопасности цепи поставок. Все страны-члены организации согласились с тем, что успешное внедрение инициативы STAR требует тесного сотрудничества между правительством и бизнесом. На последующих конференциях работа по намеченным направлениям была продолжена, результатом стали практические действия по внедрению намеченных шагов, например выполнение новых стандартов по безопасности кораблей и портов Международной морской организации, сотрудничество по выпуску оборудования для чтения проездных документов к 2008г. и др.

Не менее важной инициативой, предпринятой странами АТЭС в 2002г. стало создание специальной антитеррористической группы (The Counter-Terrorism Task Force – СТТФ). Роль этой группы состоит в выявлении и оценке проблемных областей по борьбе с терроризмом, координации программы технической помощи и программы обучения и повышения квалификации персонала, сотрудничестве с международными и региональными организациями и помощи в сотрудничестве стран-членов АТЭС по вопросам борьбы с терроризмом. Группа разработала Антитеррористические планы действия (АПД). Основой для АПД послужили положения, сформулированные в «Заявлении лидеров АТЭС по борьбе с терроризмом и стимулировании роста» и предварительная работа по вопросам обеспечения безопасности, проведенная в АТЭС. Каждый АПД предоставляет краткий перечень антитеррористических мер, предпринимаемых членами АТЭС для достижения основных задач инициативы STAR.

Был разработан и внедрен в 2004г. ряд проектов в следующих областях: подготовка по досмотру документов и обнаружению мошенников, стандарты по безопасности туристических документов и соответствующих страховых систем, стандартные коды профессиональной проверки и службы для миграционных офицеров. В 2005г. начали работать по проектам: испытание пилотной системы Тревожный список региональных передвижений, испытание используемой усовершенствованной версии Азиатско-Тихоокеанской системы отчетности по применению таможенных правил. В результате сотрудничества АТЭС с Азиатским банком развития (АБР) реализуется инициатива Фонд сотрудничества по региональной торговле и финансовой безопасности АБР. В задачи фонда входит финансирование повышения квалификации по борьбе с терроризмом в регионе и усиления безопасности в портах и аэропортах, включающее грузы и перемещение людей, а так же борьба с отмыванием денег и финансированием терроризма. [5, с.2]

Работа по принятию антитеррористических мер продолжается и в настоящее время в секторах на саммитах АТЭС. С 2005г. по 2007 г. Рабочая группа АТЭС по транспортировке занимается внедрением Инициативы по безопасности смешанной цепи поставок. Финансовый сектор АТЭС с 2005г. повышенное внимание уделяет соблюдению принятых международных стандартов по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма, поощрение более тесного сотрудничества через обмен финансовыми разведанными между подразделениями финансовой разведки и таможни. Рабочая группа по телекоммуникациям и информации продолжает деятельность в области Кибер безопасности и кибер преступлений.

Для Австралийского Союза сотрудничество по борьбе с терроризмом через АТЭС, а так же через Региональный форум АСЕАН (АРФ) является жизненно важным, поскольку

страны АСЕАН расположены в зоне австралийских региональных интересов по безопасности [6, карта 1]. Однако не только географическая близость границ определяет приоритеты австралийского государства, но в равной степени внешнеэкономические связи Австралии. Австралийский экспорт в азиатские страны в начале XXI века составил около 58% от общего объема австралийского экспорта. Если сравнить процентное соотношение экспорта в страны Азии среди лидеров мировой экономики, результаты будут следующими:

Канада – 5-6% Индия – 28-29% Китай – 50% Малайзия – 58%
Великобритания – 9% Новая Зеландия – 38% Таиланд – 50% Индонезия – 60%
ЕС (в целом) – 19% Япония – 40% Тайвань – 52%
США – 24% Республика Корея – 46% Австралия – 58% [1,с.4]

Отсюда следует вывод, что террористическая атака на любое государство ЮТР нанесет ущерб и австралийской экономике.

Австралия не только присоединилась к инициативам АТЭС, но и изначально приняла активное участие в мероприятиях, проводимых в рамках АТЭС, поддерживая антитеррористические инициативы других стран и выступая с собственными инициативами по усилению безопасности на таможне, воздушном и морском транспорте, по контролю финансирования террористических организаций и прочими. Например, страны АТЭС работают в рамках инициативы пограничного управления, предложенной Австралией – Инициатива основанного на последних разработках прибора отслеживания информации о пассажирах. Австралийский Союз руководит инициативой АТЭС, повышающей уровень знаний и квалификацию групп по ответным действиям в случае чрезвычайных ситуаций с компьютерными системами. Данные группы представляют огромную ценность в борьбе с кибер преступлениями. Австралия финансирует создание рабочей сети таких групп, с целью обмена информацией о кибератаках и проводит их обучение в большинстве стран региона.

Одновременно Австралия принимает активное участие в реализации планов антитеррористической деятельности АРФ. В 2002г. Австралия сопредседательствовала с Таиландом на практическом семинаре АРФ по предотвращению террористических актов. В июне 2003г. в Дарвине (Австралия) австралийской стороной совместно с Сингапуром был проведен практический семинар (мастерская) по преодолению последствий террористической атаки. Материалом для проведения этого семинара послужил опыт, полученный после взрывов в Бали. Эксперты со всего региона идентифицировали стратегии, которые бы способствовали более тесному региональному сотрудничеству в ответ на крупную террористическую атаку, которая бы включала воздействие химического, биологического или радиоактивного оружия. Результатом проведенного семинара стал составленный реестр региональных агентств по действиям в чрезвычайных ситуациях. Австралия сделала значительный вклад в проведение встреч АРФ по пограничной и транспортной безопасности в 2003-2004гг., что способствовало лучшей координации действий в этих областях в регионе в целом.

Необходимо отметить, что Австралийское правительство уделяет пристальное внимание развитию антитеррористических возможностей своих ближайших соседей в областях пограничного контроля, правоприменения, безопасности на транспорте, разведывательных связей, финансового регулирования и управления в чрезвычайных ситуациях. Австралия помогает странам Тихоокеанских островов увеличить их противостояние терроризму через Форум тихоокеанских островов (ФТО), что включает помощь по внедрению Декларации 2002г., принятой лидерами ФТО в августе, проведение и участие в региональных и международных семинарах и круглых столах по проблеме борьбы с международным терроризмом. Австралийская сторона финансирует Группу поддержки финансовой разведки (Financial Intelligence Support Team), работа которой сконцентрирована на нуждах стран Тихоокеанских островов. Эта региональная группа дает политические

советы по стратегии и законодательству, занимается обучением и следит за противостоянием островных государств терроризму. Австралийский Союз поддерживает работу ряда региональных и международных центров: Региональный центр Юго-Восточной Азии по борьбе с терроризмом (Куала Лумпур), Международная академия по правоприменению (Бангкок), Филиппинский центр по транснациональным преступлениям (Манила).

Австралийское правительство в своей стратегии борьбы с терроризмом использует комплексный подход, в котором одно из наиболее важных мест отводится региональным организациям и органам. Это стало неотъемлемой частью борьбы с угрозами для экономической безопасности в условиях интеграции, поскольку позволяет Австралии и другим странам региона выработать общую политику, обмениваться идеями, новыми разработками и информацией, координировать региональные программы, оказывать помощь развивающимся экономикам с целью обезопасить собственную. На сегодняшний день основная тенденция в обеспечении как экономической, так и в целом национальной безопасности это интеграция региональных сил, от военных учений, в которых все более распространяется «развернутая интеграция» до выработки общей стратегии и координации действий на высшем уровне.

Источники и литература:

1. Australia's Foreign and Trade Policy White Paper "Advancing the National Interest", Commonwealth of Australia, 2003. – 168 с.
2. Australian Government. APEC: Best Practice in Secure Trade. Canberra, 2004. – 80 с.
3. Australian Government. Transnational Terrorism: The Threat to Australia. Canberra, 2004. – 112 с.
4. Declaration on Terrorism by the 8th ASEAN Summit Phnom Penh, 3 November 2002 – www.aseansec.org/13154.htm
5. Douglas Anita, APEC's Counter-Terrorism Task Force // UNISCI Discussion Papers, January 2005. – www.apec.org
6. Review of Australia's Defence Capabilities. Report to the Minister for Defence by Mr. Paul Dibb, March 1986. Canberra, 1986. – 176 с.

Тенденции глобализации и современная социально-экономическая политика в новых индустриальных странах Восточной Азии (Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур)

Мосолова О.В., к.э.н. ИВ РАН

В настоящее время процесс глобализации является доминирующим фактором мировой экономической жизни. Ведущую роль в адаптации национальных экономик в мировом хозяйстве играет государство. От способности страны интегрироваться в мировую экономику зависят результаты её экономического развития.

Больших успехов в своём экономическом развитии достигли новые индустриальные страны Восточной Азии (Южная Корея, Тайвань, Сингапур и Гонконг). Ими были достигнуты значительные успехи в экономической политике, главными оставляющими которой стали развитие современных технологий, повышение наукоёмкости производства и производительности труда. Опыт экономического развития НИС может быть полезен и для России.

В настоящее время процесс глобализации является доминирующим фактором мировой экономической жизни. Объективность глобализационных процессов в мировой экономике связана с тем, что на современном этапе интернационализация хозяйственной жизни значительно интенсифицировалась. Глобализация рынков товаров, капиталов, технологий, услуг и рабочей силы осуществляется на новом витке научно-технического прогресса (НТП), предполагающего качественно новый уровень осуществления этих процессов.

В современный период в связи с влиянием научно-технического прогресса процесс глобализации экономики особенно усилился. Под воздействием НТП меняется структура производства. «Электронная революция» привела к тому, что структура производства кардинально изменилась в пользу наукоемких отраслей (производство компьютеров, современных средств связи и т.п.).

В условиях научно-технического прогресса тенденция к интернационализации производства ускоряется, поскольку рамки внутреннего рынка отдельно взятой страны становятся все более тесными для экономически эффективного производства технологически сложной продукции передовых отраслей производства.

С интернационализацией производства неразрывно связана и интернационализация капитала – именно транснациональный монополистический капитал сейчас во многом определяет характер и структуру мирового хозяйства, играет ведущую роль в международных экономических отношениях.

Непрерывно возрастает уровень международного научно-технического сотрудничества, увеличивается обмен технологиями, услугами, интернациональным становится и рынок рабочей силы.

Развитие скоростных видов транспорта и связи, позволяющих в короткий срок доставлять любые сведения и товары в любую точку земного шара, создает условия для быстрого расширения экономического сотрудничества всех стран мира.

Глобальные проблемы, стоящие перед человечеством (экологическая, топливно-энергетическая, продовольственная) также не могут быть решены без объединения усилий всех стран и народов.

Международное разделение труда (МРТ) является решающим фактором формирования мирового рынка и мирового хозяйства в целом. Институциональная структура мирового рыночного хозяйства, как и национальной экономики, предполагает активное использование методов государственного регулирования.

Вместе с усложнением экономических систем значение государственного регулирования постоянно повышается. Государства играют ведущую роль в адаптации

национальных экономик в мировое хозяйство. В современную эпоху главными факторами формирования МРТ становятся научно-технические достижения, способность страны создавать новые технологии и внедрять эти технологии в производство и быт. В связи с этим важнейшими предпосылками прогресса государства и общества становятся наука и образование.

От способности страны интегрироваться в мировую экономику, производить конкурентоспособную продукцию, привлекать иностранные инвестиции зависят результаты ее экономического развития.

В условиях глобализации все страны являются составными частями единого воспроизводственного процесса мирового хозяйства. При этом существует прямая зависимость между степенью участия той или иной страны в международном разделении труда и темпами ее экономического роста. Чем выше степень участия в МРТ, тем выше темпы роста и эффективность функционирования экономики, и наоборот, чем ниже степень такого участия, тем ниже темпы роста экономики страны.

Ярким проявлением тенденций глобализации стало углубление процессов экономической интеграции стран мира. Интеграционные процессы в мире обуславливаются объективной необходимостью в экономической координации на государственном уровне. Растущий небывалыми темпами трансграничный оборот материальных, информационных и финансовых ресурсов оказывает воздействие на национальную экономику тем больше, чем глубже втянута страна в международное разделение труда.

Таким образом, международная координация макроэкономической политики превращается в объективную потребность мирового развития и становится необходимым условием обеспечения экономической стабильности. В связи с этим общемировые экономические проблемы стали предметом регулярных обсуждений на саммитах руководителей различных стран, на мировых экономических форумах.

Как известно, локомотивом развития процессов глобализации в мире является группа наиболее развитых в хозяйственно-экономическом отношении стран с экономикой постиндустриального типа, таких как США, Канада, Япония, Австралия, страны Западной Европы. На них приходится подавляющая часть высоких технологий, разрабатываемых в мире, большая часть прироста мировой торговли и международного оборота капитала.

Что же касается развивающихся стран, то оптимизм относительно их интеграции в мировое хозяйство был существенно подкреплён в последние годы в результате положительного в целом влияния процесса глобализации на их экономики. Перспективы хозяйственно-экономического роста развивающихся стран зависят и от глобальных, и от местных факторов, в частности, от возможностей национальных государств создать свою экономическую «нишу» в системе мирового хозяйства.

По мнению некоторых экспертов, сегодня мир находится в уникальном положении: технические нововведения, продолжение экономических реформ, расширение инвестиций в сферу образования открывают перед развивающимися странами возможности для существенного ускорения процессов экономического развития и превращения в наиболее динамичных субъектов мировой экономики.

С этим мнением нельзя не согласиться. Развивающиеся страны в результате проведения политики экономической либерализации, значительного увеличения внешнеторговой квоты и повышения их значения как получателей частного капитала не только улучшают свое экономическое положение, но и становятся движущей силой процесса глобализации, что является важной вехой в развитии мирового хозяйства.

Но более существенные последствия, чем многосторонняя либерализация торговли, имеют для развивающихся стран реализуемые ими в последнее время программы

стабилизации и структурной адаптации, составляющие стратегию интеграции этих стран в мировое хозяйство с учетом их сравнительных преимуществ.

Наибольших успехов в продвижении политики реформ добились новые индустриальные страны (НИС), все более приближающиеся в своем экономическом развитии к типу постиндустриальной экономики. Среди них, в частности, выделяются НИС Восточной и Юго-Восточной Азии (Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг).

В последнее время новыми индустриальными странами Восточной Азии были достигнуты значительные успехи в экономической политике, главными составляющими которой стали развитие современных технологий, повышение наукоемкости производства и производительности труда, что является стратегическим направлением развития для всех без исключения стран, если они хотят адекватно вписаться в современную систему глобализации мирового хозяйства. В этом направлении опыт НИС может быть полезен и для России.

Как показывает опыт экономического развития НИС, основой эффективной внешнеэкономической деятельности и залогом экономической безопасности страны в условиях глобализации экономики является не только привлечение иностранных инвестиций, но и развитие экспортного потенциала страны и всемерное содействие национальным экспортерам.

Причем эти меры обязательно должны сопровождаться общим изменением структуры хозяйства, его модернизацией, повышением уровня экономической эффективности. Лишь на этой основе можно сделать конкурентоспособной основную часть национальной продукции, обеспечив изменение форм и условий участия страны в системе международного разделения труда и в общей системе мирового хозяйства.

Как уже отмечалось, все большую роль в адаптации национальных экономик к требованиям международной конкуренции играет государство. Осуществление экономических преобразований невозможно без стратегической и стимулирующей роли государства, его научно-технической и инновационной политики.

Правительства НИС это очень хорошо понимают. В настоящее время главным направлением структурной перестройки экономики является дальнейшее развитие наукоемких отраслей промышленности, повышение эффективности производства.

Так, например, в современной промышленной стратегии Южной Кореи большое значение придается созданию собственной системы НИОКР. Для финансирования НИОКР в частном секторе, внедрения в производство новейших технологий была создана Корпорация развития технологии, в рамках которой реализуются общенациональные проекты НИОКР. В них участвуют компании, выпускающие в основном полупроводники, компьютеры и другую наукоемкую продукцию.

На Тайване была принята программа технологического развития, предусматривающая значительное увеличение расходов на научные исследования, подготовку кадров, импорт технологии.

В Сингапуре отрасли, использующие передовую технологию, освобождаются от подоходного налога на срок до 5 лет. Правительством была успешно реализована задача превращения Сингапура в компьютерный центр Юго-Восточной Азии.

В Гонконге была поставлена задача повышения уровня автоматизации производства, создания инвестиционного климата, стимулирующего переход к «высоким технологиям».

Для укрепления национального научно-технического потенциала в НИСах созданы научные парки. Это специальные зоны, где создаются особо благоприятные инфраструктурные, налоговые, таможенные условия для иностранных и местных фирм, выпускающих высокотехнологичную экспортную продукцию. При этом технические нововведения из «парков» в последующем распространяются на все остальные отрасли промышленности.

Стремясь ускорить темпы экономической модернизации, правительства НИС значительно увеличили расходы на НИОКР в передовых областях НТП. Так, например, в середине 1990-х гг. доля расходов на НИОКР в ВВП в Гонконге достигала 2-2,5%. В Сингапуре в 2000 г. расходы на НИОКР составляли 1,89% ВВП. В Южной Корее выделяемая на НИОКР доля в ВВП в 2001 г. превышала 5% ВВП. На Тайване доля расходов на НИОКР в ВВП в 2004 г. составляла 2,54% ВВП, в 2007 г. планировалось довести их до 3% ВВП.

Одним из главных факторов экономических успехов НИС, кроме высокой эффективности проводимых преобразований и традиционной конфуцианской культуры труда и высокой трудовой этики, является, несомненно, высокая эффективность государственного управления в этих странах.

Как уже отмечалось, в целом экономическая политика государства во всех НИС имела целью реализацию широкомасштабных программ структурной перестройки экономики. Но, надо отметить и некоторые различия в степени регулирования между Южной Кореей и Тайванем, с одной стороны, и Гонконгом и Сингапуром, с другой.

В Южной Корее и на Тайване с самого начала структурной перестройки определяющим было государственное планирование этапов развития экономики, причем наметки планов должны были обязательно выполняться. В Гонконге и Сингапуре планирование было индикативным и частному сектору предоставлялась большая свобода в осуществлении своих проектов.

В целом же набор мероприятий государственного регулирования был более или менее одинаков во всех этих странах и включал в себя следующие меры, которые, естественно, модифицировались в зависимости от проводимого этапа структурной перестройки экономики: регулирование отношений собственности (национализация, или, наоборот, приватизация – в зависимости от конкретных условий и этапа развития); поддержка собственных производителей (особенно крупных национальных промышленных корпораций); стимулирование развития определенных «пионерных» отраслей экономики с помощью «налоговых каникул» и прямой финансовой поддержки (особенно мелкого и среднего предпринимательства), защиты от конкуренции со стороны иностранных производителей и т.п.; регулирование деятельности иностранного капитала; регулирование внешней торговли, которая занимает значительное место в экономической структуре этих стран; регулирование валютно-финансовой сферы; активная научно-техническая политика, которая в последнее время стала одним из определяющих направлений в деятельности правительств рассматриваемых стран (стимулирование развития передовых в научно-техническом отношении отраслей экономики, привлечение передовых зарубежных технологий и т.п.).

В последнее время на первый план выдвигаются такие функции государства как разработка программ-ориентиров стимулирования производства высокотехнологичной продукции, создание и финансирование научно-исследовательских центров и банков данных, а также организация и финансирование на паях с частными компаниями временных ассоциаций по разработке конкретных технологий и видов продукции.

Все эти меры в конечном счете преследуют цель повышения конкурентоспособности НИС в системе глобализации мирового хозяйства (что активно декларируется их правительствами) путем дальнейшей интернационализации и либерализации их экономик, а также создания благоприятного климата для местных и зарубежных инвесторов.

Так, например, главным направлением экономической политики в Сингапуре в настоящее время является дальнейшее повышение конкурентоспособности страны в мировом хозяйстве. Для повышения эффективности функционирования рыночной среды в стране в 2004 г. был принят «Закон о совершенствовании рыночной конкуренции», главной целью которого является повышение инновационной составляющей в экономике Сингапура,

стимулирование создания новых высокотехнологичных предприятий и дальнейшее развитие системы НИОКР.

Для создания высокотехнологичных производств правительство Сингапура проводит политику реструктуризации промышленных предприятий. Причем, надо отметить, что новые предприятия строятся с учетом использования революционных концепций промышленного дизайна: создаются комплексные промышленные центры, включающие в себя научно-исследовательские подразделения, собственно производство, а также предполагающие создание жилой зоны для рабочих и служащих с полной бытовой инфраструктурой.

Еще одним важным направлением экономической политики является дальнейшее развитие информационных технологий и исследований в области «наук о жизни». В частности, в Плане развития науки и технологии, принятом на 2001-2005 гг., были поставлены цели развития «наук о жизни» как основы промышленности Сингапура. Инвестиции, выделенные в Плане на эти цели, составляли 7 млрд. долл. Большие средства выделяются правительством ежегодно на поддержку научных исследований. Так, например, в 2005 году было выделено 500 млн. долл. на поощрительные гранты ученым и специалистам, занятым исследованиями в сфере высоких технологий, и т.п.

Большие инвестиции правительство направляет на подготовку и повышение квалификации рабочей силы. Надо отметить, что в Сингапуре практически нет проблемы безработицы, поскольку правительство предпринимает меры по недопущению высокого уровня безработицы в стране. В частности, рабочие и служащие, уволенные по сокращению штатов, имеют возможность впоследствии восстановиться на работе или пройти переквалификацию за счет государства.

Большое внимание уделяется правительством привлечению в Сингапур квалифицированных рабочих и ученых для работы в высокотехнологичных отраслях промышленности. Правительство понимает важность привлечения иностранных талантов и поощряет их иммиграцию. В международных публикациях Сингапур считается «мечтой ученого и специалиста», т.к. здесь имеются хорошие карьерные перспективы, качественные лаборатории и инструменты для исследований, а также, что не менее важно, высокое качество условий жизни.

В рамках стратегической цели создания в Сингапуре «высокотехнологичного государства» главное внимание правительства в настоящее время уделяется созданию современной системы образования. Целью является дальнейшее повышение качества системы образования в стране. В связи с этим предпринимаются большие шаги по созданию системы комплексного образования с хорошими школами, высококвалифицированными учителями и преподавателями и современной инфраструктурой, соответствующей мировым требованиям, предъявляемым к системе образования. Большие усилия предпринимаются правительством по совершенствованию системы высшего образования в стране.

Доказательством успешности этих усилий стало признание Ежегодником мировой конкурентоспособности в 2006 году системы образования в Сингапуре лучшей в мире, как «наиболее соответствующей требованиям конкурентоспособной экономики».

Главным направлением экономической политики в Южной Корее в настоящее время является совершенствование законодательной базы и создание эффективной системы реализации законов. Для совершенствования системы законодательства с целью повышения конкурентоспособности страны в мировом хозяйстве, правительство инициировало широкомасштабную административную реформу. Был принят т.н. «Основной закон о правилах административного регулирования» и создан Комитет по проведению в жизнь административной реформы. Основное направление работы Комитета состоит в ревизии существующего законодательства с целью создания более эффективной системы

административного регулирования. Как утверждается в правительстве, главная цель реформы – это не «дерегулирование», а «более качественное регулирование».

Важным направлением экономической политики в Южной Корее является совершенствование конкурентной среды в стране. Корейский Комитет по торговле постоянно проводит работу по совершенствованию законодательства, касающегося развития конкурентной среды, контролирует принятие правительством новых законов в этой сфере, и т.п. В частности, правительством был выпущен т.н. «Кодекс корпоративного поведения» как основа поведения корпораций на рынке.

В финансовой сфере целью правительства является интеграция финансовой системы Южной Кореи в систему глобальной экономики путем превращения Кореи в финансовый центр Северо-Восточной Азии. Главной целью этого плана является полная либерализация финансовых потоков в стране.

Недавно правительство предприняло главный шаг в этом направлении путем отмены большинства ограничений на проведение деловых операций в сфере финансов, с целью их полной либерализации в дальнейшем путем дерегулирования всего рынка капиталов, обращающихся в стране.

Большое внимание уделяется правительством повышению эффективности рынка труда. Целью правительства является повышение гибкости рынка труда, создание системы социальных гарантий занятости, которая включает в себя функционирование скоординированной в масштабах государства службы занятости, обеспечение системы индексации заработной платы и т.п.

Большое внимание в Южной Корее уделяется повышению уровня образования населения. За последние 10 лет постоянно повышается доля лиц, получающих высшее образование. Все большее число молодых людей отправляются учиться за границу. По возвращении в страну они могут успешно работать в высокотехнологичных отраслях экономики страны.

В экономической политике Тайваня большое внимание уделяется повышению качества государственного управления. На Тайване была проведена административная реформа. Несколько сотен законов и постановлений было пересмотрено с целью приведения их в соответствие с международными стандартами и нормами конкурентного поведения на внешнем рынке в условиях глобализации мирового хозяйства.

Улучшение системы правительственного регулирования на Тайване имело целью создание более энергичного правительства, которое было бы конкурентоспособно в глобальном плане. В связи с этим была проведена реструктуризация правительственных структур.

В настоящее время правительство продолжает предпринимать большие усилия по введению в практику управления принципов дерегулирования, децентрализации, придания все большей свободы местным органам власти. После вступления Тайваня в ВТО в январе 2002 года правительством предпринимались дальнейшие меры по дерегулированию экономики в таких сферах, как финансовая и инвестиционная, а также по реструктуризации промышленных предприятий и регулированию поведения крупных корпораций на рынке.

Для регулирования поведения крупных частных корпораций на рынке правительством было разработано антикартельное законодательство, была введена система аудиторских проверок, а также было заменено руководство многих крупных компаний.

Важным направлением экономической политики на Тайване является реструктуризация промышленных предприятий. Трудоинтенсивные производства, как и в других НИС, все больше заменяются высокотехнологичными предприятиями.

Большие меры предпринимаются правительством в настоящее время по повышению эффективности функционирования рынка капитала. Происходит все большая либерализация

финансовой системы на Тайване в соответствии с международными стандартами с целью повышения ее международной конкурентоспособности. Целью правительства является формирование международного финансового центра на Тайване. В этой связи в январе 2006 года на Тайване был принят Закон о финансовых рынках и финансовой системе.

Многочисленная высококвалифицированная рабочая сила является одним из главных факторов, определяющих быстрые темпы роста экономики на Тайване. В контексте широкомасштабных усилий по совершенствованию рынка труда правительством предпринимаются различные меры по защите прав рабочих и служащих, как в течение их работоспособного возраста, так и после выхода на пенсию.

Большое внимание уделяется в стране развитию системы образования. Был принят т.н. «План подготовки рабочей силы в информационном обществе». Существенно увеличились расходы на образование (так, например, в 2004 году они составили 6,26% ВВП).

Особое внимание на Тайване уделяется развитию системы высшего образования. В настоящее время более миллиона студентов обучается в 150 колледжах и университетах. Большое количество специалистов вернулось на родину после обучения за границей.

Улучшение общеэкономической ситуации за последние годы позволяет Гонконгу продолжать усилия по реструктуризации экономики в сторону дальнейшего развития высокотехнологичных производств.

Правительство старается сделать систему управления в стране все более прозрачной с помощью введения т.н. «электронной системы управления». Все законодательные акты, рассматриваемые и принимаемые в правительстве, публикуются на специальных сайтах и могут быть пересмотрены, если не получают поддержки деловых кругов и общественности.

В связи с дальнейшими усилиями, предпринимаемыми в Гонконге по реструктуризации экономики и созданию «высокотехнологичного государства», большие средства выделяются правительством на дальнейшее развитие системы образования, а также для привлечения в страну специалистов из-за границы.

Согласно рейтингу, составленному английской Организацией высшего образования, в 2006 году в список 100 самых лучших университетов мира вошли 3 университета из Гонконга: Университет Гонконга, Китайский университет Гонконга, Гонконгский университет Науки и Технологии.

Большое число студентов из Гонконга обучается по международным программам за границей.

Повышение уровня образования населения в Гонконге привело к повышению квалификации рабочей силы. Так, например, более половины занятых, особенно среди мужчин, составляют сотрудники фирм, работающих в высокотехнологичных отраслях промышленности. (Хотя, надо отметить, что в Гонконге женщины имеют гораздо больше возможностей продвинуться «по служебной лестнице», чем в других азиатских странах).

НИС принимают активное участие в процессах экономической интеграции, происходящих в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Все они являются участниками Форума азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) – Южная Корея и Сингапур – со времени организации АТЭС в ноябре 1989 года, Гонконг и Тайвань – с 1991 года.

Как известно, АТЭС является наиболее крупной региональной организацией в АТР, главной целью деятельности которой является поддержание высоких темпов роста экономики стран АТР посредством общего регулирования экономических процессов, происходящих в регионе.

В целом же в рамках АТЭС создаются условия для образования региональных полюсов экономического роста, формируется самая крупная в мире зона свободной торговли

и инвестиций, которая способствует поддержанию международной конкурентоспособности и включению экономик стран АТР в систему современного мирового хозяйства.

Правительства НИС рассматривают участие в системе региональной интеграции как важный элемент дальнейшей либерализации экономики. Они являются участниками большинства интеграционных соглашений, заключаемых в регионе.

К настоящему времени с участием НИС были заключены следующие двусторонние и многосторонние региональные интеграционные соглашения:

Зона свободной торговли АСЕАН – АФТА (Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины): соглашение о преференциальной торговле (дата вступления соглашения в силу 28.01.1992);

- Япония – Сингапур. Было заключено два соглашения: Соглашение о торговле услугами и Соглашение о свободной торговле (дата вступления соглашений в силу 30.11.2002);

- КНР – Гонконг. Было заключено два соглашения: Соглашение о торговле услугами и Соглашение о свободной торговле (дата вступления соглашений в силу 01.01.2004);

- АСЕАН – КНР: Соглашение о преференциальной торговле (дата вступления соглашения в силу 01.07.2005);

- Южная Корея – Сингапур. Было заключено два соглашения: Соглашение о торговле услугами и Соглашение о свободной торговле (дата вступления соглашений в силу 02.03.2006).

Кроме того, с 2005 года идут переговоры между АСЕАН и Японией (заключено рамочное соглашение о создании к 2012 году Зоны свободной торговли АСЕАН – Япония), АСЕАН и Южной Кореей, Японией и Южной Кореей, КНР и Сингапуром о заключении торговых соглашений.

Таким образом, общей целью современной экономической политики НИС является все более глубокая интеграция в систему глобального мирового хозяйства и международного разделения труда. В настоящее время в НИС есть все предпосылки для успешной реализации этой цели.

Они имеют:

- 1) Промышленное производство, основанное на использовании современных технологий
- 2) Страны, которые раньше производили трудоинтенсивные товары, сейчас производят сложную высокотехнологичную продукцию
- 3) Высокие темпы роста внешней торговли (которая является одним из важнейших показателей уровня участия страны в международном разделении труда)
- 4) Хорошо развитую финансовую систему – НИС являются одними из важнейших финансовых центров в АТР
- 5) Большие объемы иностранных инвестиций в экономику
- 6) Современную сферу услуг
- 7) Высококвалифицированную рабочую силу
- 8) Современную систему образования
- 9) Собственную базу НИОКР

Надо подчеркнуть, что ведущие позиции НИС в мировой экономике во многом объясняются именно эффективным использованием научно-технических достижений, что, как уже отмечалось, является непременным условием прогресса экономики. Совершенно очевидно, что на современном этапе развития освоение инвестиций в производство должно осуществляться на современной научно-технической базе и требует адекватных инвестиций в науку и образование.

Успехи, достигнутые этими странами, во многом объясняются тем, что правительства НИС разрабатывали и осуществляли активную стратегию включения их национальных экономик в систему глобального мирового хозяйства, а также создали «задел» на будущее, объявив главным направлением структурной перестройки их экономик создание и развитие современной системы НИОКР.

Особое внимание правительства НИС уделяют повышению качества жизни населения, а также реализации концепции устойчивого развития – сбалансированному развитию экономики и окружающей среды.

Высокий уровень государственного управления и использование гибкой системы макроэкономического планирования, учитывающей изменения политической и экономической обстановки в мире, являются ключевыми факторами, определяющими место НИС в современном мировом хозяйстве.

Конечно, очевидно, что, при использовании общих закономерностей развития в условиях глобализации и расширения международного сотрудничества, каждая страна добивается успеха своим собственным путем.

В то же время, понятие «развитие национальной экономики» включает в себя ряд общих для всех стран мира закономерностей развития национального хозяйства, которые могут быть использованы для разработки стратегии развития конкретной страны.

Поэтому, на мой взгляд, опыт стран, наиболее продвинувшихся в своем экономическом развитии, в частности, НИС Восточной и Юго-Восточной Азии, может быть использован при осуществлении экономических реформ в России.

Что же может быть использовано в России из опыта экономической политики НИС?

- Гибкое государственное регулирование экономики
- Поддержка развития местного предпринимательства
- Опыт развития внешнеэкономических связей (в т.ч. регулирование деятельности иностранного капитала)
- Меры по повышению конкурентоспособности страны в точки зрения органичного включения в систему глобализации мирового хозяйства
- Активная поддержка НИОКР и продвижение на передовые рубежи НТП

При этом, конечно, слепое копирование зарубежного опыта ни к чему хорошему привести не может. При разработке стратегии развития обязательно надо учитывать ресурсный, демографический, технологический, научно-технический потенциал страны, а также психологические факторы – предпринимательский менталитет населения, готовность к переменам, существующие в обществе стандарты уровня и качества жизни и т.п. Только при учете всех этих условий использование опыта экономического развития других стран может принести положительные результаты.

Современные российско-австралийские экономические отношения: проблемы и перспективы

Мусатова Е.Н., н.с. ИВ РАН

Австралия уже с конца прошлого столетия по многим признаками уверенно вошла в ряд экономически высокоразвитых государств мира. Это было обусловлено рядом факторов. Можно с уверенностью говорить о том, что исключительно большие достижения Австралии в социально-экономической сфере проистекают, главным образом, из весьма активной и плодотворной по своим результатам деятельности государства, устремлённой на всемерное поддержание и стимулирование с помощью самых разнообразных мер развития частного предпринимательства во всех отраслях национального хозяйства, работающих как на внутренний, так и внешний рынок.

В результате такой политики сложились очень тесные экономические связи Австралии с внешним миром (и нашей страной в том числе), играющие огромную роль в подъёме её хозяйства и благосостояния населения. Эти отношения охватывают взаимную торговлю и инвестиции, разнообразные услуги, включая туризм, обучение сотен тысяч иностранцев в австралийских университетах и колледжах, а также многие другие формы сотрудничества.

Среди причин, весьма способствующих экономическому развитию Австралии вообще и диверсификации в особенности её промышленности как обрабатывающей, так и добывающей, равно как и достижению высокой степени интеграции в мировое хозяйство являются и систематически возрастающие инвестиции иностранного капитала, на конец 2005 г. превысившие 1 триллион 200 млрд. долл. [1].

Имеется ещё ряд факторов, обусловивших проведение обширных преобразований в австралийской экономике. Следует подчеркнуть поразительное богатство страны, часто именуемой «кладовой мира», минеральными ресурсами. Австралия обладает крупнейшими на земном шаре запасами урана (30%) и уступает только Канаде по размерам его добычи и экспорта. Австралия также занимает второе место в мире (после Южной Африки) по добыче золота [2]. Ей принадлежит второе место и по запасам железной руды, причём очень высокого качества. Помимо всего вышперечисленного, страна является крупнейшим в мире экспортёром каменного угля. Австралия располагает огромными запасами нефти и природного газа, по запасам которого она занимает второе место в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Австралия также входит в пятёрку наиболее крупных мировых производителей цинка и свинца. Очень богаты австралийские залежи никеля, меди, титановой руды и алмазов. Резкий рост в последние годы цен на мировом рынке на минералы и возросший уровень их добычи в Австралии принесли ей многомиллиардные валютные доходы.

Чрезвычайно важным в социально-экономическом развитии Австралии является и чисто человеческий фактор. В течение ряда послевоенных десятилетий Австралия, располагавшая ограниченными людскими ресурсами, энергично поощряла приток в страну иммигрантов из многих стран мира, особенно из Европы. Это были большей частью квалифицированные рабочие и дипломированные специалисты в разных областях знаний: промышленности, транспорта, науки и т.д. В результате почти 60-летней плановой миграции, проводимой властями, в Австралию прибыло свыше 7 млн. мигрантов. Чтобы понять значение этого явления, следует сказать, что к концу Второй мировой войны население страны насчитывало всего около 7 млн. человек, а сейчас оно превышает 20 млн. человек. Естественный прирост за этот период составил около 7 млн. человек [3]. Иными словами, половина, а, возможно, и большая часть увеличения числа жителей в послевоенный период – это мигранты. В настоящее время Австралия – страна многонациональная. Там, как упомянуто, проживают жители из 200 стран мира. По широко распространённому в

Австралии мнению, массовый приток иммигрантов обогатил её как в хозяйственном, так и в культурном отношении, влил в неё «свежую кровь». Новые жители принесли с собой разнообразные экономические и технические знания, нередко крупные капиталы, множество языков и, что очень важно, способствовали укреплению всяческих связей Австралии, в том числе экономических, со странами, из которых вышли сами мигранты. Безусловно, это касается и России.

Следует сказать несколько слов об обрабатывающей промышленности страны. Спектр сложившихся отраслей здесь весьма широк: от продуктов питания и модной одежды, электроники и предметов домашнего обихода до сложнейших изделий точного приборостроения и современных комплексов для нефтеперерабатывающей промышленности и производства пластмасс. Наиболее развитыми отраслями считаются машиностроение (автомобилестроение, а также станкостроение, локомотивостроение и судостроение), электротехническое производство, химическая отрасль (изготовление серной кислоты, суперфосфата, синтетического каучука, пластмасс) и пищевая промышленность. По производству электроэнергии на душу населения Австралии принадлежит одно из первых мест в мире.

До относительно недавнего времени структура экспорта Австралии, как и России, характеризуется почти резко выраженной сырьевой направленностью, однако страна с успехом даже порой в весьма трудных условиях на мировом рынке благополучно опиралась на сырьевой характер своего экспорта, успешно находя новые и расширяя старые источники сбыта.

Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что сырьевая предопределенность экспорта не являлась чем-то пагубным для страны, а, напротив, благодаря умелому использованию сырьевых ресурсов, явилась благоприятной основой для успешного развития экономики страны в целом и достижения высокого жизненного уровня населения.

Таблица 1. Структура австралийского экспорта 2000 – 2005 гг. (млн. долл.)

	2000	2001	2002	2003	2004	2005
<u>Сырьевые материалы</u>	71246	72133	70346	60583	70410	95713
Необработанное продовольствие	9963	11039	10422	6829	9700	8113
Обработанное продовольствие	13789	14738	14378	12855	14667	14863
Энергоносители	25223	25141	24712	21364	23847	38902
Минералы	15206	14767	14390	14420	16745	28448
Прочие	7065	6449	6444	5115	5450	5388
<u>Промышленная продукция</u>	37060	38012	37624	33510	34028	39560
Простой обработки	12428	12109	12040	9968	10137	12764
Сложной обработки	25222	25904	25584	23543	23891	26796
<u>Прочие</u>	10643	10977	11500	13862	13319	16989
<u>Экспорт в целом</u>	110354	122530	119472	107956	117757	152262

Источник: 2005 Composition of Trade Australia. Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade, May 2006m p. 24

Из приведённой выше таблицы видно, что в течение первой половины текущего десятилетия не только в объёме, но и в структуре экспорта Австралии произошли существенные изменения. Так, например, поставки промышленной продукции за границу заметно возросли за счёт увеличения вывоза товаров сложной обработки (автомобили, специальное промышленное оборудование и запчасти к нему, оборудование на электрическом приводе, различная аппаратура, медикаменты, измерительные приборы и др.).

Происшедшая за сравнительно недолгий период диверсификация экспортной базы Австралии означает, что хотя страна продолжает в основном оставаться поставщиком на мировой рынок сырья (минералы и сельскохозяйственная продукция), она все больше опирается на предоставление внешнему миру различных услуг и поставку самых разнообразных и сложных видов промышленной продукции.

Австралия занимает всё более важное место в мировом хозяйстве. Даже в начале этого столетия, когда многие экономически развитые страны переживали депрессию, она почти не коснулась Австралии. Особенно очевидны её успехи в развитии внешнеэкономических связей за последние годы.

В 2000 г. её экспорт достиг 166 млрд. долларов против 87 млрд. долл. в 1999 г., т.е. почти удвоился [4]. Это произошло в значительной степени за счёт исключительного роста валютных поступлений от вывоза энергетических и минеральных ресурсов, благодаря главным образом громадным закупкам этой продукции развивающимися стремительными темпами Японии, Китая и Индии.

Очень быстрыми темпами растут австралийские инвестиции за рубежом: на конец декабря 2005 г. они достигли почти 700 млрд. долл. против примерно 500 млрд. долл. в 2001 г. Иностранные инвестиции в Австралии за этот период возросли с 850 млрд. долл. до 1,2 трлн. долл. [5]. Эти огромные инвестиции, привлечённые из-за рубежа, весьма способствуют её экономическому развитию.

Очевидно, что Австралия не упускает ни малейшей возможности в развитии своих торгово-экономических связей с зарубежными странами. Это весьма наглядно и на примере австралийско-российских взаимоотношений.

В советское время импорт из Австралии определялся государственными заданиями и вытекающими из них валютными ассигнованиями на закупку тех или иных видов продукции. Почти постоянно высоким был импорт шерсти и мяса. В отдельные годы весьма значительных размеров достигали закупки зерна. В постсоветский период наблюдалось значительное снижение импорта шерсти. В текущем десятилетии он сократился о стоимости с 14,6 млн. долл. в 2001 г. до 376 тыс. долл. [6].

Существенными были закупки по статье «игрушки, игры, спортивные товары» (около 7 млн. долл.), обогревающее и холодильное оборудование (4,8 млн. долл.), насосы (4,6 млн. долл.) [7].

Основной характеристикой внешнеторговых отношений между Австралией и Россией до последнего времени является низкий уровень российского экспорта в Австралию по сравнению с импортом оттуда. Эта особенность существует в течение всего периода торговых отношений между Россией и Австралией. Другой чертой торговли является ее сравнительно низкий уровень.

В 1997 г. товарооборот равнялся 177,1 млн., в 1998 г. – 234,7 млн., в 2000 г., достигнув 293,9 млн. долл., стал пиком торговли за весь период 1992-2004 гг. [8]. В нынешнем десятилетии товарооборот России с Австралией почти неуклонно снижался, за исключением 2004 г., как это видно из приведённой ниже таблицы.

Таблица 2. Торговля России с Австралией в 2001-2006 гг. (в млн. австр. долл.)

	<u>2001</u>	<u>2001</u>	<u>2003</u>	<u>2004</u>	<u>2005</u>	<u>2006</u>
Экспорт Австралии в Россию	186,192	168,795	151,380	185,537	335,601	665,500
Экспорт России в Австралию	22,480	45,083	38,829	58,881	100,833	63,832
Общий объём торговли	208,672	213,878	190,209	244,418	436,434	729,332

Источники:

2005 Composition of Trade Australia, May 2006, Department of Foreign Affairs and Trade, p. 245

2006 Composition of Trade Australia, May 2007, p. 252

Российский экспорт, в основном, характеризовался одними и теми же показателями, хотя и обнаружил в последнем пятилетии некоторую тенденцию к росту и диверсификации. Ведущими статьями экспорта в 2004 г. были: металлические соли (26 млн. долл.), серебро и платина (4,2 млн. долл.), алюминий (несколько больше 4 млн. долл.), чугун (4 млн. долл.), телекоммуникационное оборудование (1,5 млн. долл.) [9].

Следует иметь в виду, что таможенный режим в Австралии весьма либерален (сколько-нибудь заметные пошлины взимаются по очень ограниченному спектру товаров, не являющихся существенными в нашем экспорте). Австралия находится в первом ряду государств, отстаивающих свободу мировой торговли. Так что очень серьезных причин для расширения экспорта России в Австралию нет.

В целом торгово-экономические отношения Австралии с Россией регулируются советско-австралийским соглашением 1965г. оно предусматривает взаимное предоставление режима наибольшего благоприятствования. При реализации соглашения в течение длительного времени отсутствовали какие-либо проблемы. Однако в мае 2000 г. таможенная служба Австралии инициировала расследование в отношении российских поставок нитрата аммония, завершившееся в мае 2001 г. введением антидемпинговых мер. Кроме того, вступили в силу законодательные поправки, позволившие отнести Россию к числу стран с нерыночной экономикой. Данная мера явно наносит ущерб торгово-экономическим отношениям и противоречит положениям соглашения 1965 г.

С 2005 г. в экономических связях России с Австралией наметились определённые изменения, позволяющие надеяться на то, что они продолжаться. И в 2005 г., и в 2006 г. объём торговли России с Австралией резко увеличился.

Важнейшей статьёй наших закупок в Австралии являются мясные продукты, стоимость которых в 2006 г. оценивалась в 171,1 млн. долл. против 49,8 млн. долл. в 2004 г. [10]. Впервые (за ничтожным исключением) в её поставках в Россию в 2006 г. стал фигурировать живой скот, отличающийся высокопродуктивностью (11,6 млн. долл.). Существенными были закупки Россией масла (12,6 млн. долл.). Большой была статья «шкуры скота» – 43,4 млн. долл. Закупались и производственные товары: гражданское инженерное оборудование (4,1 млн.), специализированные машины (2,6 млн.), обогревательные и охладительные установки (5,9 млн.), насосы для жидкостей (3,7 млн.), неэлектрические машины (4 млн.), автомашины (3,9 млн.), транспортное оборудование (3 млн.), измерительные инструменты (3,6 млн. долл.) и т.д. [11]. Данные внешнеторговой статистики Австралии затрудняют выявление более полной структуры её экспорта в Россию из-за того, что среди них присутствует очень крупная нераскрываемая статья «конфиденциальные товары» (362,2 млн. долл.).

Достойно сожаления то, что Россия в отличие от Австралии по-прежнему не форсирует свой экспорт, который по объёму в 2006 г. более чем в 10 раз уступал

австралийским поставкам и понизился даже по сравнению с 2005 г. Номенклатура российского экспорта выглядит довольно однообразно и традиционно не претерпевает почти никаких изменений. Характерно, что узкий «спектр» российского экспорта в Австралию трудно объяснить. Законодательство страны отнюдь не препятствует его расширению. Напротив, Австралия находится в первом ряду государств, отстаивающих свободу мировой торговли.

По свидетельству бывшего торгпреда СССР в Австралии М.А.Виленчика, возможности для увеличения экспорта имеются. Он видит их, например, в возобновлении или увеличении поставок пиломатериалов, рыбопродуктов, металлов и химических товаров. Министерство экономического развития и торговли проявляет значительный интерес к продаже высокотехнологической продукции, в том числе грузовых вертолетов, предназначенных для тушения пожаров.

Существенного внимания заслуживает инвестиционный аспект отношений России с Австралией. Австралийские представители еще в советское время неоднократно заявляли, что они горячо приветствовали новый экономический курс.

С энтузиазмом встретили предложения советской стороны по поводу возможности совместного участия в разработке ресурсов и строительстве объектов (освоение лесных ресурсов, производство пиломатериалов, деревообработка, разработка месторождений апатитов, бурого угля, торфа, строительство цементного завода и т.д.)

Однако в процессе ознакомления с обстановкой на Дальнем Востоке они пришли к заключению, что местные органы не были наделены правом принимать решения по вопросам, касающимся различных аспектов деятельности иностранных компаний, и что такие вопросы решаются только в центре. Австралийские бизнесмены считали, что такое положение вещей весьма затруднит сотрудничество. За последние годы все же наблюдается некоторая активизация австралийских компаний в инвестиционной сфере России.

В 2003 г. Австралия в лице государственной компании «Аустрэйд» примкнула к широкомасштабной деятельности иностранных компаний, занятых добычей нефти на Сахалине. 15 австралийских компаний предоставляют разнообразные услуги нефтедобывающим компаниям.

В 2004 г. австралийские компании выполняли следующие функции: «Глобл уэдинг» поставляет сварочное оборудование, «Уэгнерс глобл сервисиз» – бетон, «Трансфилд-уорлей сервисиз» и «Вуд групп» предоставляют инжиниринговые и сервисные услуги, осуществляют управление проектами.

«Аустрэйлиен сейфити сервисиз» обеспечивает безопасность, «Сэйдж технолоджи» предоставляет различные технические услуги.

В 2003-2004 гг. указанные компании заключили контракты примерно на 60 млн. долл.[12]. Перед австралийским капиталом открываются перспективы дальнейшего развертывания деятельности на Сахалине. Австралийские компании продолжают изучать возможности новых вложений в России, особенно в горнодобывающий сектор. При этом они руководствуются такими факторами как изобилие природных запасов и наличие значительных ресурсов квалифицированной рабочей силы в нашей стране.

Вместе с тем, совершенно очевидно, что ряд австралийских потенциальных инвесторов проявляет большую осторожность в вопросах капиталовложений в Россию.

Главные аспекты их беспокойства охватывают следующие сферы: потенциальные возможности вмешательства государства в экономику, бюрократического вмешательства и коррупции. Колебания инвесторов обусловлены, таким образом, их сомнениями относительно благоприятного инвестиционного климата.

Несомненно, что существуют благоприятные условия для российских капиталовложений в Австралии, всемерно форсирующей приток иностранных инвестиций. На 31 декабря 2004 г. они достигли громадной суммы – 1155 млрд. долл. [13].

В апреле 2005 г. в австралийско-российских инвестиционных отношениях произошел значительный прорыв, когда отечественная компания Русал завершила покупку 20% акций австралийской компании Кюал (Квинсленд Алюминий) на сумму 401 млн. долл. Русал намерена построить в Австралии завод по производству алюминия в штате Квинсленд. Параллельно идут переговоры об увеличении указанной австралийской компанией добычи глинозема для нужд этого завода. Русал уже провел переговоры с производителями электроэнергии в Квинсленде и владельцами строящегося газопровода Австралия – Папуа Новая Гвинея

Следует, безусловно, добавить, что Австралия – одна из богатейших минералами стран мира. Не случайно по отношению к ней широко распространен термин «кладовая мира». И действительно, в различных районах страны находятся очень крупные месторождения нефти, природного газа, золота, меди, никеля, бокситов и ряда других цветных металлов. Очень велики залежи железной руды и каменного угля. Экспорт этой продукции обеспечивает Австралии, особенно в последние годы, многомиллиардные валютные доходы. Достоин внимания тот факт, что в значительной степени благодаря использованию австралийских минералов (прежде всего железной руды и угля) бурно развивается японская и китайская металлургия.

Одним из самых важных видов полезных ископаемых, добываемых в Австралии, является уран, месторождения которого можно назвать крупнейшими в мире. В этой стране сосредоточено около 30% мировых запасов урана.

За истекшие 50 лет, и особенно за последние десятилетия, уран стал одним из наиболее востребованных энергетических ресурсов в мире. Он используется главным образом для производства электроэнергии и в небольших количествах применяется также и для медицинских нужд в качестве источника изотопов.

В Австралии уран был впервые обнаружен в последние десятилетия 19 столетия. Его разработки начались в 30-е годы прошлого века на руднике Radium Hill в штате Южная Австралия и поначалу преследовали цель получить небольшое количество минерала для медицинских нужд. Добытые несколько сотен килограммов урана были использованы главным образом как красители при производстве стеклянных и керамических изделий.

В годы Второй мировой войны британское и американское правительства обратились к Австралии с просьбой о снабжении их ураном для военных нужд. Уже тогда, в 1944 г., в стране начались интенсивные работы по выявлению его месторождений. В 1948 г. австралийское правительство освободило от налогообложения компании, занятые разведкой урана. Это послужило стимулом к активизации работ. в результате в период 1949-1956 гг. в северных районах страны были обнаружены значительные запасы урана. В ту пору он добывался, главным образом, для военных целей

Первым в Австралии крупным рудником по добыче урана стал принадлежавший государству Rum Jungle в Северной территории, функционировавший в 1954-1971 гг. Вскоре за ним вступил в строй Radium Hill в штате Южная Австралия, а потом еще Mary Kathleen в штате Квинсленд, тоже уже вышедший из строя.

В результате интенсивных разведочных работ, проведенных в конце 60-х годов в Австралии, она была признана в мире потенциально крупным поставщиком урана для производства атомной энергии. В начале 70-х годов благодаря обнаружению его крупных месторождений приобрели известность такие рудники на Северной территории, как Ranger, Jabiluka, и Nabarlek в штате Западная Австралия – Yeelirre, в штате Южная Австралия – Olympic Dam (Roxby Downs) .

Правительство Австралии приобрело в 1978 г. часть акций Ranger, уже в следующем году распродало их, тем самым прекратив участие в разработках месторождений. Сразу же вслед за этим для управления объектом была учреждена компания Energy Resources of Australia (ERA), принявшая решение распространить 25% акционерного капитала среди иностранных фирм. После ряда структурных преобразований, выразившихся в уходе из управления некоторых крупных акционеров, вышеупомянутые Реко и EZ в 1980 г. стали главными владельцами компании. В 1987/8 г. акции EZ и ERA были проданы компании North Broken Hill Holdings и последняя слилась с Реко. В 2000 г. ERA была приобретена всемирно известной компанией Rio Tinto.

В настоящее время в Австралии функционируют три урановых рудника. Это Olympic Dam и Beverly (штат Южная Австралия) Ranger (Северная территория). К началу разработок урана готовят четвёртое месторождение Honeymoon (штат Южная Австралия). Приведённая ниже таблица содержит данные по объёму добычи окиси урана на трёх функционирующих ныне рудниках.

Таблица 3. Производство окиси урана в Австралии (в тоннах)

Годы	1995-1996	1997-1998	1998-1999	1999-2000	2000-2001	2001-2002	2002-2003	2003-2004	2004-2005	2005-2006
Месторождения										
Ranger	4237	4162	4375	4144	4612	3815	5312	4667	5544	5183
Olympic Dam	1758	1635	2021	4055	4814	3253	3075	3993	4356	3912
Beverly	-	-	-	-	219	649	762	873	1064	854
Всего	5995	5797	6396	8199	9645	7717	9149	9533	10964	9949

Источник: Australia, Energy outlook to 2011, October 2006

За последние десятилетия Австралия стала важным поставщиком урана на мировой рынок. В договорах о его поставках странам-покупателям, как правило, оговаривается, что он будет использован исключительно для мирных целей, в основном, для нужд атомных электростанций. Огромные запасы австралийского урана привлекают к себе всё возрастающее внимание многих стран. В настоящее время уран является одной из важных частей экспорта Австралии. В 2005 г. она экспортировала 12360 т. окиси урана на сумму 573 млн. долл., в сравнении с 398 млн. долл. в 2003 г.[14]. Согласно прогнозу австралийского Бюро экономики сельскохозяйственных и прочих ресурсов, в течение ближайших пяти лет мировой спрос на уран будет повышаться примерно на 1% в год, принимая во внимание увеличение мощностей атомных электростанций стремительно развивающихся Китая и Индии и возможное сокращение работы подобных станций в некоторых странах Европы.

В связи с этим, в среднесрочной перспективе австралийский экспорт урана будет, по всей видимости, возрастать. Планируется, что все действующие урановые рудники увеличат добычу руды или продлят осуществляемые работы.

В сентябре этого года состоялось политическое событие огромной важности. Впервые в истории отношений России с Австралией её посетил лидер нашей страны – президент В.В. Путин для участия в саммите стран АТЭС. Визит Президента РФ пришёлся на 200-ую годовщину первого, зафиксированного в официальных документах визите россиян в Австралию, 150-ую годовщину установления консульских отношений и 65-ую годовщину установления дипломатических отношений.

Австралийский премьер-министр Джон Говард и российский президент ратифицировали двустороннее соглашение о безопасности, которое позволит Австралии

экспортировать уран в Россию. Согласно более раннему соглашению, уран мог быть продан России лишь в интересах третьих стран. Что касается нового соглашения, то оно позволит российским атомным электростанциям производить электроэнергию, используя австралийский уран. В данном соглашении также подчёркивается, что уран может быть использован исключительно мирных целях.

Россия и Австралия будут проводить регулярные консультации, чтобы гарантировать эффективное выполнение нового соглашения. «Стороны могут совместно приглашать представителей МАГАТЭ (Международное агентство по атомной энергии) для участия в таких консультациях», – отмечается в документе, который должен быть ратифицирован национальными парламентами двух стран

Премьер-министр Говард заявил, что «новое соглашение о поставках австралийского урана в Россию, послужит основой для дальнейшего расширения сотрудничества между двумя странами в области атомной энергетики».

Говард и Путин развеяли слухи о том, что Россия будет перепродавать австралийский уран третьим странам, таким, например, как Иран. «Те, кто говорят о возможности использования Россией австралийского урана для военных целей, просто не понимают, о чем идет речь, либо вбрасывают этот тезис сознательно, чтобы нарушить сотрудничество России и Австралии», – заявил президент РФ.

Путин также подчеркнул, что австралийские поставки урана необходимы для поддержания развития ядерной энергетики нашей страны, нужды которой возрастают из года в год, в течение последующих 20 лет. За это в России планируется построить более 30 атомных электростанций.

Другие направления взаимодействия – научные исследования, разработка, строительство, эксплуатация исследовательских реакторов и АЭС, обращение с отработавшим ядерным топливом, ядерная безопасность. Среди форм сотрудничества перечисляются также обмен информацией, обучение сотрудников, организация совместных проектов и учреждение совместных предприятий, поставка услуг ядерного топливного цикла, включая конверсию урана и изотопное обогащение.

Выступая на пресс-конференции по итогам российско-австралийских переговоров в Сиднее, Путин заявил, что считает перспективным сотрудничество с Австралией в ядерной области. «Мы можем работать на двусторонней и на многосторонней основе, особенно учитывая наше предложение о создании международных центров по обогащению», – отметил российский лидер. По его словам, «у нас есть необходимые технологии, есть и сырье, а Австралия, как известно, страна номер один по запасам этого сырья – 40 процентов всех разведанных запасов находятся в Австралии».

Лидеры России и Австралии сделали два совместных заявления, одно из которых касается проблем изменения климата и вопросов энергетики. Они считают, что существует «возможность использовать потенциал ядерной энергетики для решения вопросов глобального изменения климата» и «поддерживают усилия в области расширения надежного и безопасного использования ядерной энергии при одновременном обеспечении содействия целям нераспространения». В связи с этим в документе указывается, что «важную роль может сыграть такая инициатива, как создание международного центра ядерного топливного цикла в Ангарске, расположенном в юго-восточной части Сибири».

В заявлении также отмечается, что Россия и Австралия выступают за решение в долгосрочной перспективе глобальной задачи по сокращению выбросов парниковых газов в атмосферу. В то же время они считают, что действия по борьбе с изменением климата не должны препятствовать экономическому росту и развитию. Путин и Говард подчеркнули «общую готовность укреплять сотрудничество на всех направлениях для решения мировых

проблем в области изменения климата и в энергетической сфере», в том числе на предстоящей встрече лидеров стран АТЭС.

В другом совместном заявлении президента России и премьер-министра Австралии подтверждается общая заинтересованность в борьбе с терроризмом как в своих странах, так и в глобальном масштабе. В нем сообщается, что Путин и Говард «ожидают наращивания двустороннего диалога по вопросам борьбы с терроризмом на основе сотрудничества в рамках таких многосторонних форумов, как Специальная группа АТЭС по борьбе с терроризмом и Группа контртеррористических действий «восьмерки».

Лидеры двух стран призвали всех участников шестисторонних переговоров по ядерной программе КНДР к полному и своевременному выполнению своих обязательств. «Премьер-министр Дж. Говард положительно оценил роль России в преодолении трудностей на пути шестисторонних переговоров», – отмечается в документе. Президент России и премьер-министр Австралии «приветствовали прогресс в реализации шестистороннего плана действий от 13 февраля 2007 года, в том числе остановку ядерных объектов КНДР в Йонбене и возвращение инспекторов МАГАТЭ».

Путин и Говард отметили мощный рост экономики Российской Федерации и Австралии, а также значительный рост размеров инвестиций деловых кругов обоих государств в различные отрасли промышленности, включая горнорудный сектор, обрабатывающую промышленность, строительство, и финансовые услуги. Они подтвердили заинтересованность своих стран в дальнейшем стимулировании потока инвестиций в обоих направлениях и заявили о намерении расширять двустороннюю торговлю товарами и услугами в дальнейшем.

Таким образом, можно говорить о том, что после долгих лет стагнации в российско-австралийских отношениях произошёл коренной перелом, и есть все основания надеяться, что в ближайшие годы эти отношения выйдут на ещё более высокий уровень, достойный наших стран.

Хочется также добавить, что Австралия является быстро развивающейся страной с большим экономическим потенциалом в области торговли, так и в сфере инвестиционной деятельности. Недооценка этого может нанести существенный ущерб российским внешнеэкономическим интересам.

Источники и литература:

1. Trade Topics, December 2005, p.9
2. Финансы №7, 2006, с. 69
3. Australian Bureau of Statistics, Population Statistics (www.abs.gov.au)
4. Trade Topics. September 2000, p. 12
5. Australian Bureau of Statistics, Cat. №5352.0. Table 5a Australian investment abroad, 2006
6. Trade Topics, August 2001, p. 25
7. Ibidem, p. 28
8. Australian Bureau of Statistics, Trade statistics (www.abs.gov.au)
9. 2004 Composition of Trade Australia, May 2005, p. 18
10. 2006 Composition of Trade Australia, May 2007, p. 48
11. там же, p. 52
12. Department of Foreign Affairs and Trade, Country Brief: Russia, Bilateral Relations (www.dfat.gov.au)
13. Australian Bureau of Statistics, Cat. №5153.0. Table 2a. Foreign investment of Australia, 2004
14. Australia, Energy outlook to 2011, October 2006

Новая Зеландия в окружающем мире (экономический аспект)

Стефанчук Л.Г., к.и.н., ИВРАН

Новая Зеландия – бывшая колония Великобритании – появилась на карте мира как самостоятельное государство сравнительно поздно. Но, несмотря на то, что процесс её исторического развития был недолог, а географически она удалена от основных центров мирового хозяйства, Новая Зеландия заняла на мировом рынке свою нишу, став развитым аграрно-индустриальным государством. Ниша Новой Зеландии, основное направление её экономики – это снабжение Европы, Азии и даже Америки своими высококачественными сельскохозяйственными продуктами. Особенности экономического положения Новой Зеландии в окружающем мире чётко отражаются в структуре ее экспорта.

Структура экспорта Новой Зеландии и других развитых стран

Страны	Продовольствие, %		Сельскохозяйственное сырьё, %		Энергоносители, %		Продукция обрабатывающей промышленности, %	
	1990	2005	1990	2005	1990	2005	2005	2007
Новая Зеландия	45	50	18	10	4	2	8	11
Великобритания	7	5	1	1	8	9	79	77
Германия	5	4	1	1	1	2	89	83
США	11	7	4	2	3	3	75	82
Франция	16	11	2	1	2	4	77	80
Япония	1	1	1	1	0	1	96	92

Источник: «2007 World Development Indicators», Washington, 2007, с.202-204

Примечание: помимо групп товаров, указанных в таблице, имеются и другие, поэтому сумма приведенных показателей меньше 100%

Как видно из таблицы, во всех развитых странах удельный вес продовольствия и сельскохозяйственного сырья незначителен и колеблется от 2 до 11% (а в большинстве – гораздо меньше) и, напротив, доля продукции обрабатывающей промышленности в этих странах колеблется, как правило, от 77 до 92%. Между тем в Новой Зеландии на долю продовольствия и сельскохозяйственного сырья в 90-х и в начале 2000-х годов приходилось более 60% стоимости всего экспорта, тогда как производство обрабатывающей промышленности в 1990 г. обеспечивало 26%, а в 2005 г. – 31% стоимости экспорта. Для того чтобы показать специфические особенности структуры экспорта Новой Зеландии не только по сравнению с развитыми, но и развивающимися странами, приведем аналогичные данные по Китаю и Индии. В Китае в 2005 г. на долю продовольствия и сельскохозяйственного сырья приходилось 4%, а удельный вес продукции обрабатывающей промышленности достигал 92% всей стоимости экспорта. В Индии величина аналогичных показателей составляла 11% и 7%.

Учитывая особую роль продовольствия и сельскохозяйственного сырья в экспорте Новой Зеландии, целесообразно начать наш анализ с краткой характеристики сельского хозяйства страны. По международным меркам, относящимся к развитым странам, доля

самодеятельного населения, занятого в аграрном секторе, в Новой Зеландии сравнительно велика и достигает 8,2%, тогда как в Австралии аналогичный индикатор составляет 4,1%, Канаде – 2,7%, США – 1,9%; в европейских странах: Франции – 4,2%, Германии – 2,4%, Великобритании – 1,2% [1]. Однако этот показатель повсюду, в том числе и в Новой Зеландии, обнаруживает тенденцию к снижению. Благоприятные климатические условия (скот круглый год пасётся на плодородных землях, засеянных сочными, питательными травами или зерновыми культурами); высокий уровень механизации и энерговооружённости (если в 1990-1992 гг. на 100 кв. км. обрабатываемой земли приходилось 322 сельскохозяйственные машины, то в 2000-2003 гг. – 507); [2] использование удобрений (на гектар обрабатываемой земли их приходилось в указанные годы соответственно 189 кг. и 570 кг. – т.е. в три раза больше); внедрение новейших научных достижений, а также квалификация, универсальность и трудолюбие фермеров, – всё это сделало сельское хозяйство Новой Зеландии одним из самых эффективных в мире.

В среднем, один новозеландский фермер обслуживает 104 коровы, а американский, к примеру, только 30, немецкий – 9. Высокую конкурентоспособность молочной продукции Новой Зеландии не в последнюю очередь определяет то, что её переработкой и сбытом занимаются непосредственно фермерские кооперативы, не допускающие монополистических злоупотреблений, заинтересованные как в максимизации доходов, так и в минимизации труда. Они являются акционерами большинства компаний по производству молочных продуктов. Самые крупные из них: «Фонтерра» (охватывает 11 680 фермеров, 96% всего производства молока), «Западная компания» (370 фермеров, 3% производства), «Татуа» (124 фермера, 1% производства). Фонтерра – одна из 5 самых крупных молочных компаний мира; на её долю приходится свыше 20% поступлений от новозеландского товарного экспорта, 7% – валового национального продукта. Она сотрудничает с такими всемирно известными компаниями, как «молочные фермеры Америки», «Нестле» и т.д. Как полагают руководители Фонтерры, спрос на её продукцию будет ежегодно увеличиваться на 2,7% вплоть до 2014 г.[3]. Это обусловлено тем, что цены на нефть растут, население стран, обладающих ею, богатеет, в результате чего повышается потребление молочных продуктов; в Европе же, по их мнению, производство последних не увеличивается.

Помимо крупных экспортноориентированных молочных компаний, насчитывается 70 мелких, оперирующих на местных рынках. В 2005 г. были созданы сырная компания и компания Synlait, управляющая заводом по производству молочного порошка совместно с поставщиками района Кентербери. На молочный рынок Новой Зеландии вышла российская компания «Нутритек». Партнёрами её стали несколько десятков местных фермеров, которые строят в Кентербери завод по переработке молока. Общий объём инвестиций «Нутритек» в это предприятие составил 60 млн. долл. В ближайшее время эта компания планирует удвоить мощности новозеландского завода, инвестировав в него ещё 40 млн. долл. С пуском завода объём его производства составит 18 тыс. тонн сухого молока в год [4].

Молочное управление Новой Зеландии (New Zealand Dairy Board), объединяющее фермеров, осуществляет связь между производством и экспортом, регулирует цены, создаёт стабилизационный фонд, дабы компенсировать потери от изменения рыночной конъюнктуры. Новая Зеландия – крупнейший в мире производитель молока. По данным молочного союза России, из 600 млн. тонн молока, произведённых в мире в 2006 г., на долю Новой Зеландии приходится 14 млн. тонн, из которых 12 млн. экспортируется. Страна занимает первое место по экспорту масла, молочного порошка, казеина (33% мировой торговли), второе – по экспорту сыра. С 1989/90 г. по 2005/06 г. экспорт молочного порошка возрос более чем в 5,5 раз, сыра – более чем в 3 раза, казеина – в два раза. Основными потребителями были в 2005/06 г. США (12,2%), Япония (6,3%), Китай (5,0%), Мексика (5,3%), Филиппины (5,1%) [5]. Россия вот уже почти 30 лет закупает у Новой Зеландии

сливочное масло (сорта «Анкор» и «Доярушка»). Около 99% его поставляется предприятиям российской пищевой промышленности. В качестве ингредиента примерно 25% масла используется в кондитерском производстве, 18% – в производстве цельномолочной продукции, 12% – в производстве мороженого, 26% – расфасовывается, 9% – направляется в розничную торговлю и различные фонды социального обеспечения.

Новозеландские производители стремятся и умеют учитывать спрос потребителей. Они постоянно расширяют номенклатуру и рынок сбыта своих товаров. Если раньше экспортировалось только солёное масло, и преимущественно в Великобританию, то ныне – уже несколько видов масла и в десятки стран; вместо одного сорта сыра «чеддер» поставляется множество различных сортов; растёт производство казеина, применяемого не только в пищевой промышленности, но также в лакокрасочной и для производства пластмасс, пользующегося большим спросом в США и Японии; сыворотки специального обезжиренного вида молока «Анлен», богатого кальцием, молочного порошка «Анмум», предназначенного для беременных женщин и т.д.

В ряде развивающихся стран Юго-Восточной Азии и Океании компании Новой Зеландии построили предприятия по производству рекомбинированного молока из поставляемого ею сырья. Стран, ориентированных на экспорт молока, в мире не так уж много. И цены на него имеют тенденцию к повышению. Так, с мая по июль 2007 г. биржевые цены на цельное сухое молоко повысились более чем на 50% – с 3,026 тыс. долл. до 4,75 тыс. долл. за тонну, а на обезжиренное сухое молоко – с 3,31 тыс. долл. до 5,05 тыс. долл. за тонну. Не удивительно, что в этих условиях многие фермеры переориентируют свои хозяйства исключительно на производство молока.

В Новой Зеландии многие молочные фермы одновременно содержат мясошерстных овец. В свою очередь, почти все овцеводческие хозяйства имеют коров. Специализация ферм зависит от места их расположения, климата, предпочтений хозяев. Но Южном острове, где климат более сухой и прохладный, преобладает мясошерстное овцеводство, в то время как на Северном разводят преимущественно коров и откармливают ягнят на мясо. Как правило, равнинные территории используются для выпаса дойных коров и откорма ягнят на мясо, а холмистые, горные – для разведения овец на шерсть.

Производство мяса, шерсти и шкур оценивается примерно в 7 млрд. н.з. долл. в год и составляет до 20% новозеландского товарного экспорта. В июне 2005 г. в стране насчитывалось 15 тысяч животноводческих ферм, 39,2 млн. овец и 4,4 млн. коров, т.е. на каждого новозеландца приходилось 9 овец и одна корова. Новая Зеландия ежегодно производит около 427 тыс. тонн ягнятины и 106 тыс. тонн баранины, что составляет 6% мирового производства. За 15 лет (с 1989/90 г. по 2004/05 г.) производство ягнятины выросло на 15%, несмотря на то, что число овец за это время сократилось на 35% (продуктивность возрастала за счет улучшения племенной породы скота); аналогично производство говядины выросло на 35%, несмотря на уменьшение числа коров на 36%. Предполагается, что эта тенденция будет продолжаться до 2009/10 г.

В производстве мяса заняты 6 основных компаний (контролируют 80% производства): «AFFCO Holding Ltd», «Alliance Group Ltd», «Primary Produce's Co-op Society Ltd» и «ANCO foods Ltd». Новая Зеландия экспортирует 90% своей ягнятины (75% мировой торговли) и 82% – говядины (8% мировой торговли). За указанные 15 лет экспорт говядины (в отличие от экспорта ягнятины, который снижался) вырос с 214 тыс. тонн до 381 ты. тонн. К 2005 г. цена на говядину на мировом рынке значительно возросла и была выше, чем в предыдущие годы. Это объясняется разными причинами, в частности, уменьшением поставок из стран, где было обнаружено опасное заболевание скота – коровье бешенство; кстати, Новая Зеландия никогда не знала его. К 2005/06 г. страна вывезла говядины на 1727 млн. н.з. долл., ягнятины – на 1991 млн. н.з. долл. [6].

Помимо мясомолочного производства, Новая Зеландия пока ещё удерживает свои позиции в мировом хозяйстве как крупнейший производитель и экспортёр шерсти – второй после Австралии. Однако стада овец в стране в последние десятилетия XX в. сокращались и продолжают сокращаться. Эксперты предполагают, что к 2009/10 г они составят 38,5 млн. овец, тогда как в середине 80-х гг. прошлого века их насчитывалось около 70 млн. Соответственно снижалось и производство шерсти: с 277 тыс. тонн в 1984/85 г. до 158 тыс. – в 2004/05г. Цены на шерсть на мировом рынке падают, в январе 2006 г. они достигли самого низкого за последние 20 лет уровня. Это объясняется снижением потребительского спроса, например, на грубую шерсть для ковров, которую покупали Индия и Китай и, в свою очередь, сбывали готовую продукцию в Европу и Северную Америку. На смену шерстяным коврам пришла мода на синтетические. Высокие цены на ягнятину побуждают овцеводческие хозяйства менять свою специализацию. Экспорт шерсти начал снижаться в 80-х годах XX в.; в 1979/80 г. он составлял 18% всей стоимости вывозимых товаров, в 2005/06 г. – только 2,1% [7]. Основные импортёры новозеландской шерсти: Китай (25%), Великобритания (12%), Италия (11%), Индия (8%), Бельгия (7%).

Уменьшение числа овец до некоторой степени компенсируется разведением нетрадиционных для Новой Зеландии животных: оленей, коз, хорьков. В Новой Зеландии существует 5000 оленеводческих ферм, расположенных в основном в районах Кентербери, Саутледи, Отаго. На них приходится 62% оленей. С 1989/90 г. по 2004/05 г. число их увеличилось с 1031 тысяч до 1705 тысяч. 90% оленины экспортируется в Европу, причем почти половина (41%) в Германию, рога – в Азию, где из них получают пантокрин.

Одна из динамично развивающихся отраслей сельского хозяйства Новой Зеландии – садоводство. По всему миру известен экспортируемый страной киви-фрут. Выращивается авокадо, из которого добывают масло, используемое в кулинарии. Новая Зеландия продает цветы и их семена в Японию, США, Австралию и даже в Голландию. Поставляемые на мировой рынок экологически чистые продукты включают киви-фрут и яблоки. Расширяется площадь под виноградниками: новозеландское виноградное вино успешно завоевывает мировые рынки. Экспорт садоводческой продукции принёс стране в 2005/06 г. 2,29 млрд. н.з. долл.

В Новой Зеландии насчитывается примерно 2700 пчеловодов. В 2005/06 г. продукция пчеловодства составила 10400 тонн, треть её экспортируется. В результате от продажи за рубеж мёда, воска, живых пчёл страна выручила в 2005/06 г. 50 млн. н.з. долл. [8].

30% земельной площади Новой Зеландии, или 8,1 млн. га, занимают леса, из них 1,8 млн. га – специально посаженные. 89% лесных насаждений составляет калифорнийская сосна радиата. Её древесину используют для изготовления разнообразных строительных материалов и целлюлозы. С 1992 г. площадь лесных посадок увеличивалась в среднем ежегодно на 40 тыс. га. Трудности, с которыми сталкивается лесоводство (укрепление н.з. доллара, усиление конкуренции со стороны других стран, увеличение стоимости рабочей силы и транспортных перевозок), повлекли за собой снижение его экспорта в последние годы. Так, в 1999/00 г., его доля в товарном экспорте составляла 12%, в 2005/06 г. – только 9,2%; стоимость продукции лесоводства снизилась с 3,2 млрд. н.з. долл. в 2004/05 г. до 1 млрд. в 2005/06 г. [9]. Строевой лес, газетную бумагу, целлюлозу, строительные панели, доски покупает в основном Австралия, а кругляк, фанеру, пиломатериалы – Япония.

После установления в 1978 г. 200-мильной морской экономической зоны в собственности Новой Зеландии оказалась акватория площадью в 4,5 млн. кв. км – одна из самых крупных в мире. В течение 30 лет рыбное производство расширялось, и из отрасли, обслуживающей местные потребности, превратилось в экспортную, приносящую доход до 1,5 млрд. в год. Экспорт рыбы в 2005/06 г. составил 4,7% всего новозеландского экспорта. Главные потребители – Япония, США и Австралия.

На протяжении XX в. новозеландские фермеры испытали два тяжёлых потрясения. Первое в 1973 г., когда Великобритания вступила в ЕЭС, и они лишились основного гарантированного рынка сбыта для своей продукции. Второе – в конце 70-х годов, в период обострения мировой энергетической проблемы. С этого времени страна переживала глубокий экономический кризис и вынуждена была начать в середине 80-х гг. кардинальную, структурную перестройку всего народного хозяйства. В ходе её были упразднены налоговые льготы экспортёрам, субсидии местным производителям. Оставшись без поддержки государства, многие фермеры разорялись, выстоявшим пришлось приспособляться к новым условиям. Их европейские конкуренты находились в значительно лучшем положении, поскольку ЕЭС проводило политику субсидирования сельского хозяйства. Такая политика способствовала образованию огромных излишков мясомолочной продукции. Поддерживая завышенные внутренние цены, государства поощряли производителей, но одновременно ограничивали спрос потребителей. Излишки по низким ценам сбрасывались на рынки развивающихся стран, которые и стремилась завоевать Новая Зеландия. В 2007 г., когда эта политика изменилась, мир стал свидетелем взлёта цен на молочные товары. Для Новой Зеландии отмена в других странах субсидий, квот на импорт молока, масла, сыра – один из основных факторов успешного развития её сельского хозяйства. Страна отстаивала свободную торговлю ими на многих международных форумах. В связи с изменившимися условиями торговли молочными продуктами на мировом рынке, новая Зеландия надеется поднять темпы развития этой отрасли.

Среднегодовые темпы роста сельскохозяйственного производства в 2000-2005 гг. были очень невелики – 0,3%. Но во многих развитых странах они были ещё меньше – например, в США, Италии, Швеции (0,2%), или вообще снизились: в Швейцарии (-5,3%), Португалии (-1,8%), Австралии, Испании (-0,5%), Финляндии (-0,2%), Дании (-0,1%)[10]. Среди различных направлений сельскохозяйственной деятельности наиболее динамично развивались молочное хозяйство, а также садоводство. Как уже говорилось выше, начиная с 1996 г. многие фермы, особенно в Кентербери и Саутленде, были переориентированы на молочные, и число их росло, в то время как количество традиционных овцеводческих ферм падало. Несмотря на огромное значение фермерских хозяйств для экономики страны, в последние годы ощущалось недовольство их хозяев своим социальным положением. Труд фермеров тяжёл, они, как правило, вынуждены работать больше, чем представители других слоёв населения. Кроме того, несмотря на высокую эффективность сельского хозяйства, его значимость для страны, их политическое влияние (как они справедливо считают) падает.

В отличие от сельского хозяйства промышленная продукция Новой Зеландии занимала гораздо меньшее место в экспорте. Это было связано с рядом факторов. До Второй мировой войны промышленность в Новой Зеландии была развита слабо. Запасы минерального сырья в стране невелики, и в горнодобывающей промышленности занято всего 0,2% самодеятельного населения. Обрабатывающая промышленность традиционно удовлетворяла потребности местного рынка и складывалась как импортозамещающая. Основными отраслями для неё были пищевая и текстильная, сырьем для которой обычно являлась продукция овцеводства. После войны обрабатывающая промышленность успешно развивалась, но всё же отставала по уровню производительности труда от других индустриальных стран. Продукция её была неконкурентоспособна на мировом рынке. Ведь ещё с 30-х гг. XIX в. она была защищена от конкуренции протекционистской политикой правительства, тарифными барьерами, импортными лицензиями, субсидиями. Развитию тенденции к замене импортных товаров продукцией собственного производства способствовала Вторая мировая война, в условиях которой такая замена оказывалась разумной и даже неизбежной. Во время войны возникло много новых предприятий, предназначенных для удовлетворения военных нужд. На обслуживание войск были

переориентированы механические, сборные, ремонтные мастерские. Трудности с платёжным балансом, возникшие в послевоенный период, также свидетельствовали в пользу протекционизма. Но все попытки модернизировать и диверсифицировать обрабатывающую промышленность не приводили к желанным результатам. До кардинальных реформ в народном хозяйстве, начатых в середине 80-х годов XX в., она продолжала уступать в эффективности развитым странам Запада. В настоящее время (после реформ, сделавших новозеландскую экономику одной из наиболее открытых в мире, замене протекционизма свободной конкуренцией) обрабатывающая промышленность развивается довольно высокими темпами: с 2000 по 2005 они достигали 3,1% в год. В Австралии аналогичный показатель равнялся 1,6%, в Канаде – 0,2%, США – 1,3%. В Европе он тоже был меньшим, чем в Новой Зеландии: в Испании – 2,3%, Финляндии – 1,9%, Франции – 1,2%, Германии – 1%; в Великобритании промышленное производство снижалось (-0,9%)[11].

Хотя, как уже отмечалось выше, удельный вес промышленной продукции значительно уступает удельному весу продукции сельского хозяйства в экспорте Новой Зеландии, первая играет гораздо большую роль на её внутреннем рынке. Об этом свидетельствуют две простые цифры. В то время как аграрный сектор давал в 2006 г. 4,3% ВВП, удельный вес промышленности составлял 26,9%. Последний показатель сопоставим с данными по другим развитым странам: в Австралии он равен 27%, в США – 22%, в европейских: Германии – 30%, Великобритании – 26%, Дании – 25% и т.д. [12]. К тому же, надо отметить, что в большинстве развитых стран этот показатель обнаруживает тенденцию к снижению.

После того, как в Новой Зеландии были проведены социально-экономические реформы, снижен налог на корпорации, дерегулирован рынок труда, в одних отраслях наблюдалось сокращение занятых, в других, напротив, создавались новые рабочие места. Наибольшее число рабочих в начале XXI в. по-прежнему приходилось на пищевую промышленность (25,3%), второе место уже занимало машиностроение (18,1%), затем следовала деревообрабатывающая и бумажная отрасль (10,9%) [13]. Структура обрабатывающей промышленности выглядела так: пищевая – 19% всей промышленности, текстиль, одежда – 7%, машинное и транспортное оборудование – 12%, химическая – 4%, другая – 58%. В основном, за исключением крупных заводов по переработке сырья, бумажных фабрик и металлургических комбинатов, обрабатывающая промышленность базируется на мелких предприятиях, ремонтных и сборочных мастерских. В конце прошлого века из всех 21711 предприятий 80,5% имели менее чем 10 рабочих[14]. В 80-е годы существовали планы построения крупномасштабных объектов, но они не оправдали себя. В научных и общественных кругах Новой Зеландии бытует мнение, что будущее страны – в специализации на тех товарах, для производства которых у неё достаточно ресурсов. Вместе с тем промышленность стремится переключиться с выпуска обычных серийных товаров на высокотехнологичную и наукоёмкую продукцию, сделанную по индивидуальным заказам; использовать последние достижения науки и техники, квалифицированных рабочих.

Переходя к анализу энергетических проблем Новой Зеландии и их отражению в промышленности, надо отметить, что подобно тому, как это имело место в других развитых государствах, экономика страны всё больше базировалась на использовании таких первичных энергоносителей, как нефть и газ. На долю энергетики в Новой Зеландии приходится 3% всего ВВП, в этой отрасли занято 8 тыс. человек, т.е. 0,5% всей рабочей силы. В начале XXI в. страна на 73% обеспечивала себя энергией, на 37% сама удовлетворяла свои потребности в нефти. В 2004 г. импорт энергоносителей составлял 26% всей потребляемой энергии, тогда как в 1978 г. этот показатель определялся в 34,3%, т.е. он постепенно уменьшается [15]. Но пока это самая дорогая статья новозеландского экспорта.

В принципе Новая Зеландия богата (за исключением нефти) энергетическими ресурсами. Она располагает крупными запасами природного газа (его перерабатывают в

метанол, а затем – в высокосортный бензин, годный для использования автотранспортом), гидроэнергией рек и водопадов, залежами угля, геотермальными источниками, энергией солнца, ветра. Но так как Новая Зеландия не обладает сколько-нибудь значительными нефтяными ресурсами, на её экономике тяжело отразились нефтяные кризисы 70-х годов XX в. Не сразу, но постепенно страна стремится ослабить высокий уровень зависимости промышленности от производства энергии. В энергетике, как и в других областях народного хозяйства, в конце 80-х гг. начались кардинальные реформы, особенно активно они проводились на протяжении 90-х годов. В результате выросла эффективность использования энергии. Так, между 1992 г. и 1998 г. потребление энергии промышленностью снизилось примерно на 9%, в то время как индустриальное производство в эти годы возросло примерно на 26% [16].

В 2000 г. Министерство экономического развития разработало прогноз, согласно которому за период с 1998 г по 2020 г. потребление энергии будет увеличиваться примерно на 1,1% в год при росте ВВП на 3%. Таким образом, это будет означать, что, если в предыдущие 25 лет на каждый процент прироста требовалось увеличить использование энергии на 1,3%, то на протяжении последующих 20-25 лет средний ежегодный прирост ВВП на один процент потребует увеличения энергопотребления лишь на 0,4%. При этом потребление энергии в различных секторах экономики будет изменяться далеко не одинаково. Так, например, если потребление энергии в коммунальном хозяйстве и на транспорте станет ежегодно возрастать примерно на 2-2,1%, то в секторе промышленности и торговле величина аналогичного показателя будет даже сокращаться ежегодно на 0,3%. На протяжении того же периода (1998-2020 гг.) предполагается рост потребления электроэнергии в среднем примерно на 1,8%, тогда как потребление коммерческой энергии, полученной от сжигания угля, – на 0,7%, нефти – на 1,9%. За то же время использование энергии, полученной от сжигания газа, не только не возрастет, а, возможно, будет снижаться на 2,6% [17]. Это связано с тем, что добыча газа в ближайшие годы резко сократится: постепенно истощается самое крупное месторождение Мауи (2/3 всех запасов), что может привести к закрытию нефтехимического завода. Разработку морских газовых месторождений в районе Северного острова совместно с австралийскими и некоторыми другими предприятиями начинает компания «Мицуи Буссан». Планируемый объём инвестиций – 68 млрд. иен. Ожидается, что с 2009 г. ежесуточный объём добычи природного газа и сжиженного нефтяного газа составит 16 тыс. бар. Запасы месторождения в нефтяном эквиваленте составляют 70 млн. бар. «Нью Зиланд ойл» принадлежит 15% акций, австралийской «Ориджин Энерджи» – 50%, японской «Мицуи буссан» – 4% [18].

Производство различных возобновляемых источников энергии (геотермальной, солнца, ветра, биомасс и т.д.) увеличится на 19-42% [19]. При этом предполагается, что потребуется вложение капиталов в размере 1,1 млрд. долл., но они окупятся в дальнейшем и принесут доход около 2 млрд. долл. Всё это позволит обеспечить стране устойчивое «энергетическое» будущее; сделать народное хозяйство более производительным и более конкурентоспособным, а также сохранить окружающую среду от загрязнения. В конечном итоге создадутся условия для более здоровой и комфортной жизни людей: их дома станут теплее и суше. Кстати, уже сейчас в Новой Зеландии оплата электроэнергии в коммунальном хозяйстве – одна из самых дешевых в мире: примерно 5 центов за кв/час; в то время как в Канаде соответственно – 8,02, Австралии – 9,45, США – 9,64, Великобритании – 12,7; в промышленном секторе – 13,70, меньше только в Канаде – 12,48 [20]. И наконец, огромные капиталовложения в энергетическую сферу будут способствовать созданию нового числа рабочих мест, а также развитию промышленного производства, которое окажется в гораздо большей степени защищенным от роста цен на импортные энергоносители и угрозы нефтяных и иных кризисов.

Новая Зеландия наравне с другими странами – активный участник процесса глобализации. Под влиянием глобализации неизбежно изменялась структура всей экономики, а, следовательно, и внешней торговли. Так, например, хотя, как было показано ранее, сельское и лесное хозяйство, рыболовство по-прежнему, играют решающую роль и обеспечивают до 60% стоимости новозеландского экспорта, в самой структуре этой части экспорта за 26 лет (1980-2006 гг.) произошли существенные изменения.

Структура новозеландского экспорта

	1979-1980	2005-2006
	%	%
Молочные продукты	15,5	18,9
Мясные продукты	24	15,7
Шерсть	18,1	2,1
Кожа, шкуры	3,5	1,3
Рыболовство	2,5	3,7
Лесное хозяйство	п.а.*	9,2
Машинное оборудование	3,3	8,9
Фрукты и овощи	2,5	10,8
Другие товары	30,6	29,4
Всего	100	100

Источник: [http://www.stats.govt.nz/external trade](http://www.stats.govt.nz/external%20trade), December, 2006

По экспорту ряда сельскохозяйственных товаров Новая Зеландия была и остаётся признанным мировым лидером. Спрос на её продукцию не в последнюю очередь обусловлен хорошей экологией. В Новой Зеландии по сравнению с другими индустриальными государствами значительно чище среда обитания, воздух, вода. Забота об экологии серьезно беспокоит не только политических и общественных деятелей, но и большинство простых граждан. В стране год за годом идёт борьба за запрещение генетически модифицированных товаров. Остановить их производство – весомый пункт в предвыборной программе Партии Зелёных. Но состояние окружающей среды, качество потребляемых продуктов в последнее время волнует не одних новозеландцев. Не удивительно, что экологически чистые новозеландские товары находят всё больший сбыт за рубежом.

Более чем за четверть века изменилась не только структура новозеландского экспорта, но и его география. Если в прошлом основным рынком сбыта для него выступала Великобритания, то теперь центр тяжести приходится на страны Азиатско-Тихоокеанского экономического сообщества (АРЕС), куда уходит 69% её товарного экспорта, тогда как в Европейский Союз (EU), главным образом в Великобританию, Германию, Бельгию – лишь 15,4%. В свою очередь, Новая Зеландия закупает у АРЕС 75% своего импорта, у EU – 16,4%. Основным продуктом, импортируемым Новой Зеландией, – нефть (в декабре 2006 г. на 6,1 млрд. долл.); затем следует машинное оборудование (5,2 млрд. долл.), электрооборудование (3,6 млрд. долл.) [21].

Кровно заинтересованная в свободной торговле, неограниченном доступе своей продукции в зарубежные страны, Новая Зеландия ратует за сокращение торговых барьеров по всему миру. В свою очередь, страна постоянно снижает тарифные ставки на импорт. В настоящее время 95% товаров поступает в Новую Зеландию без пошлины, включая всю

* п.а. – нет данных

продукцию из развивающихся государств. Будучи членом АРЭС, Новая Зеландия добивается свободного поступления товаров и инвестиций в этот регион. Страны Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества обеспечивают 80% новозеландских инвестиций. Иностранные капиталовложения в Новую Зеландию в 2005 г. увеличились и составляли 1979 млн. долл. (в 1990 г. – 1735 млн. долл.) [22]. Немалый доход приносят стране иностранные туристы, 70% которых также приходится на АПЕК. Но и Новая Зеландия наряду с другими развитыми странами оказывает помощь развивающимся, в частности, государствам Южнотихоокеанского бассейна: в 2005 г. она равнялась 274 млн. долл. [23].

Новая Зеландия – давнишний член Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Международного валютного фонда (ИМФ), Всемирного банка (ВБ) активный член Международной финансовой корпорации, Международной ассоциации развития, Азиатского банка развития, Европейского банка реконструкции и развития, вышеупомянутого Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, Организации по международной торговле (ВТО), Восточноазиатского саммита и т.д. Она имеет торговые соглашения с десятками стран в различных регионах мира, в том числе с Австралией, Сингапуром, Чили, Брунеем.

Современное экономическое развитие Новой Зеландии свидетельствует о том, что эта небольшая страна является полноправным членом международного сообщества, занимая в нём достойное место.

Источники и литература:

1. 2008 World Development Report, 2007, Washington, с. 320-322
2. 2006 World Development Indicators, 2006, Washington, с. 135
3. «Dominion Post», April 9, 2007, с. 1
4. <http://foodmedia.ru> «Нутритек» вышел за молоком в Новую Зеландию
5. <http://abareconomics.com> Agricultural economics of Australian and New Zealand
6. Там же, Sheep and beef
7. Там же, Wool
8. Там же, Small and emerging industries
9. Там же, Forestry
10. 2007 World Development Indicators, 2007, Washington, с. 190-192
11. Там же
12. Там же
13. New Zealand Official Yearbook 2002, Wellington, 2002, с. 471
14. Country Profile 2000 New Zealand, London, 2000, с. 36
15. New Zealand Official Yearbook 2002, Wellington, 2002, с. 454
16. Там же, с. 452
17. Там же, с. 454
18. <http://www.newzealandpoeprred.ru/news>
19. New Zealand Official Yearbook 2002, Wellington, 2002, с. 458
20. Там же, с. 459
21. <http://www.stats.govt.nz/external trade>, December, 2006
22. 2007 World Development Indicators, 2007, Washington, с. 341
23. Там же, с. 344

Обзор важных аспектов непальско-австралийского сотрудничества

Шрестха Мадху Кришна, Непал

Непал – небольшое государство, образованное в 1768 году, находящееся в Юго-Восточной Азии между двумя гигантскими государствами – Китаем и Индией. Площадь Непала составляет 147,2 тыс. кв. км.; население – 27 млн. человек (по оценке на 2004г.). Страна лежит в субэкваториальном климатическом поясе. Непал отличается географическим и климатическим разнообразием. Поскольку 6/7 территории страны – это горы, то климатические контрасты огромны: климат, в основном, муссонный.

Непал относится к группе развивающихся стран. Современная промышленность стала появляться в Непале лишь в 50-е годы, и сельское хозяйство продолжает составлять основу экономики. В аграрном производстве занято 90% населения страны, и оно даёт 41% валового внутреннего продукта, тогда как промышленность только 10%.

На экономику Королевства Непал повлияли следующие неблагоприятные факторы:

1. Географическое положение: а) отсутствие выхода к морю; б) Гималайская горная цепь в северной части страны, затрудняющая сообщение с соседним государством Китаем.

2. Геополитическое положение Королевства Непал таково, что страна граничит с двумя государствами, общая протяжённость границы 2.926 км. Кроме северного соседа Китая (протяжённость границы 1.236 км), с которым невозможно развивать тесные отношения в сфере транспортных связей, торгово-финансовых отношений из-за препятствий горного массива, остаётся южный сосед – Индия (протяжённость границы 1.690 км). Не имея выхода к морю, Непал вынужден пользоваться причалами в индийских портах Калькутта и Хальдия.

3. На развитие Непальской науки, на внедрение новых технологий повлиял культурно-исторический фактор. На протяжении многих веков Непал являлось закрытой страной для культур других народов. Этот отпечаток сохранился до сегодняшних дней в массовом сознании народа. Также религиозно-кастовое разделение препятствует развитию общества.

4. Политическая дестабилизация.

Не секрет, что в поисках демократического счастья непальский народ потерял уже 160 лет в борьбе с различными типами власти страны. С 1996 года маоистская оппозиция Непала приступила к активным действиям, и в Непале 10 лет продолжалась гражданская война. Правительство не смог справиться с растущими проблемами, высокой коррупцией чиновников, и время от времени страна переживает серьёзные кризисы, связанные с разрухой и голодом на удалённых территориях. Высокий наплыв зарубежных туристов, который имел место в середине 1990-х годов, стал сокращаться, и к 2005 упал в десять раз, что ещё больше ударило по экономике Непала. Немалая часть материально-экономической инфраструктуры страны была серьёзно повреждена в ходе вооружённых конфликтов.

21 ноября 2006 правительство из семи партий заключило мир с маоистами, объявив о завершении гражданской войны. 14 января 2007 парламент принял временную конституцию, по которой король лишается статуса главы государства и властные функции передаются премьер-министру. На 20 июня 2007 года в стране были назначены выборы в Конституционную Ассамблею. Но в связи с поисками монархической реакции выборы перенесли на 22 ноября 2007. Однако из-за сложившейся ситуации в стране дата выборов до сих пор не известна. На первом заседании депутаты Конституционной Ассамблеи должны решить судьбу монархии в Непале.

Все вышеперечисленные факторы – географическое положение, культурно-исторический фактор, религиозно-кастовое разделение и политическая дестабилизация, несомненно, оказали пагубное воздействие на развитие экономики страны и затормозили развитие народно-хозяйственных планов.

Когда-то существовало непальское народное словечко – «Зеленый лес – это богатство Непала». Дефицит пригодных для обработки земель, заставляющий крестьян подниматься все выше в горы, расчищая их от деревьев, в сочетании с коммерческими лесозаготовками стал причиной того, что за период с 1950 по 1980 гг. Непал потерял до половины лесных массивов. В тоже время, бесконтрольное истребление лесов в южной части страны было связано с экспортом твердых лесоматериалов, которые принесли хороший доход чиновникам и браконьерам. В настоящий момент леса занимают около 33% территории страны (2003). Непал занимает 1-е место в Южной Азии по темпам обезлесения (4% в год). Наверное, будет уместно упомянуть доклад всемирного банка от 1978 года: «Если темпы вырубki леса будут такими же, в горах Непала не останется ни одного дерева к 2000 г.». Уничтожение лесных массивов способствует эрозии почв и оползням, вследствие чего страна ежегодно теряет до 66 тыс. га плодородной почвы; растет опасность наводнений в нижних, наиболее заселенных частях долин.

Именно в нужное время и в нужном месте Австралия интенсивно начала оказывать всяческую помощь Непалу. Значительная проблема по сохранению и восстановлению лесов Непала была решена благодаря длительной помощи австралийского государства.

Степень прочности дружественных отношений между нашими народами была обусловлена тем, что Австралия начала помогать Непалу в области восстановления и сохранения лесного массива от оползней в 1960 г. с начала момента установления дипломатических отношений между двумя странами, и австралийское посольство было построено в Катманду в 1984 г. В самом начале своего сотрудничества Австралия играла немаловажную роль в развитии удаленных от столицы сельских районов в области здравоохранения и общего образования, которые были направлены на ликвидацию использования детского труда в стране и развитию понятия «права человека». Для выполнения поставленной цели был задействован огромный людской потенциал через бойскаутов, клубы, медицинский персонал и т.д.

Австралия уже осуществляла крупный проект по развитию лесов в 5 этапов:

1-й этап: 1966-1978 гг. (восстановление лесов плантацией специального вида сосна и хвойной деревьев в условиях Непала);

2-й этап: 1978-1992 гг. (исследование лучшего похода для управления и сохранения лесного хозяйства на основе общественных пользователей);

3-й этап: 1986-1991 гг. (разработка концепции местного самостоятельного управления пользователями лесным хозяйством);

4-й этап: 1991-1996 гг. (развитие общества путем коммерческого использования лесных ресурсов);

5-й этап: 1997-2002 гг. (создание поддерживающего механизма для управления коммунальными лесными ресурсами).

В период 1993-1996 гг. Австралия тратила много усилий в Непальско-австралийском коммунальном лесном проекте (NACFP) для обширного изучения земельного пользования в районах Синдупальчок и Каврепаланчок. Основная цель этого исследования была связана получением фактических данных результатов (по индексу изменения экологического обстановки местности, по индексу земельного пользования, по возможности принятия решений по сохранению лесов на высоте 2400 метров над уровнем моря и т.д.), которые могли помогать консультирующим компаниям изучающим после внедрения 3 австралийских проектов в период 1978-1997 гг. Соответствующие выводы были сделаны после этого исследования, – результат был положительный, совместные проекты действительно были плодотворны для изменения социально-экономического роста данных районов. Однако было отмечено, что из-за малограмотности населения участие женщин в проектах оставляет место желать лучшего!

Аграрная страна Непал имеет еще один огромный потенциал развития туризма благодаря ее уникальным природным данным. Именно Австралия сыграла важную роль в начале развитии непальского туризма благодаря оказанию содействия в создании государственных авиалиний. Посещение Непала огромным количеством туристов, в среднем до 10 тыс. человек, из Австралии тоже ежегодно поощряет развитие туризма в Непале.

Яркий пример совместной работы наших двух стран является строительство глазного госпиталя Тилганга в Катманду. Он уже вошел в нашу историю как живой памятник непальско-австралийского сотрудничества.

Также Австралия постаралась помогать, когда Непал столкнулся с проблемой бутанских беженцев в восточной части страны. Желая увидеть устойчивый мир в Непале, она готовится оказать финансовую помощь стране в размере 432,000,000 рупии для поддержки развития страны и для компенсации нехватки бюджета для проведения выборов в конституционную ассамблею в 2007 году.

В 1995 году на конференции ВТО на уровне министров Австралия сердечно пригласила Непал вступить в эту организацию. Она выразила свою готовность помогать развивающемуся Непалу на пути к выходу из кризисной ситуации и созданию благоприятного инвестиционного климата в стране в условиях глобализации мировой экономики.

Отношение между двумя странами развивается не только на государственном уровне, но и на уровне частых контактах двух народов. Правительство Непала уже создало благоприятные условия для диверсификации инвестиций иностранных частных секторов, в частности, жилищного, энергетического, авиационного, туристического, горнодобывающего, телекоммуникационного и т.д. Множество частных австралийских компаний получило возможность продвигать успешный бизнес в разных отраслях экономического хозяйства в Непале – банковская деятельность, дизайн и строительство, телекоммуникации, авиация, туризм и т.д.

В 2002 году Австралийская компания выиграла контракт на сумму А\$ 3 миллиона на развитие телекоммуникационной инфраструктуры Непала, а другая компания – НРА заключила договор с непальским центральным банком для поставки 50 миллионов полимеров для изготовления купюр номиналом 10 рупий. Та же компания уже подписала контракт в размере А\$ 4 миллиона на поставку дополнительных 50 миллионов полимеров. Другая крупная австралийская компания SMEC выразила свое намерение вложить 870 миллионов долларов США на гидроэлектрический проект на реке Сети.

А на государственном уровне Австралия готовится осуществить проект в размере 7.7 миллионов долларов США с целью ликвидации бедности и обеспечения развития страны. Это проект будет уделять большое внимание управлению природными ресурсами, развитию кадровых ресурсов и оказание медицинской помощи.

Экспорто-импортный товарооборот с Австралией в 2005-2006 фискальном году составил А\$ 10 миллионов (в том числе импортная сумма 7 А\$ миллионов на закупку растительного масла и неэлектрического оборудования).

Австралия импортирует изделия ручной работы, кашмирскую козью шерсть, ювелирные изделия и одежду из Непала, а свою очередь она экспортирует цинк, свинец, продукты питания и напитки. Австралия помогает в совершенствовании хозяйства в области животноводства и управления запасами зерна.

Также Австралия регулярно предоставляет возможность получения стипендий в рамках программы помощи AusAID для непальских учащихся в Австралии. Непал получил 9 стипендий в размере 968 000 долларов США на 2007-2008 фискальный год (уже 6 кандидатов отобраны для обучения в магистратуре и 3 – в аспирантуре). Их учеба будет связана с демографией, охраной окружающей среды, бизнесом и международной экономикой.

Визит высших непальских чиновников в Австралию, культурный обмен и спортивные мероприятия, разные мероприятия непальско-австралийских обществ дружбы тоже сыграли положительную роль в укреплении отношений между нашими странами.

«Непальско-австралийское общество по благоденствию» (NAWS) играет важную роль в объединение народов двух стран, регулярно проводя различные спортивные и культурные мероприятия с дня его основания в 1999г.

Выделив 2.95 миллиона долларов США, Австралия начала осуществлять программу по водоснабжению и улучшению санитарного состояния через непальскую организацию NEWAN в центральной и западной зонах Непала, где общество имеет ограниченные возможности развития.

На основе общего обзора всесторонней помощи и сотрудничества с стороны Австралии можно говорить большой уверенностью, что этот большой друг Непала очень заинтересован в развитии Непала и благосостоянии его народа.

Непал является участником Движения неприсоединения и во внешних контактах стремится не отдавать предпочтения какой-либо одной стране. Но схожие позиции наших стран на разных международных форумах показывают, что у нас одинаковые взгляды на мир.

Армянская диаспора в Австралии и Новой Зеландии

Григорянц З., Армения

Начиная с IV века, миллионы армян, гонимые персами, арабами, турками, были вынуждены покинуть родину и скитаться по всему свету. Сегодня 60 процентов армян проживают за пределами Армении, но тем не менее сохраняют национальную, культурную и религиозную идентичность. Армянская диаспора в мире насчитывает примерно 8-9 млн. человек. Наиболее крупные общины находятся в России — около 2,5 млн. армян, и в США — 1,5 млн.

В начале XX столетия первая волна массовой эмиграции армян была вызвана трагическими событиями — геноцидом армянского народа в Османской империи 1915 года. К концу 20-х — началу 30-х годов XX в. этнотерриториальная структура диаспоры приобретает стабильные очертания. К этому времени армянские общины существовали на Ближнем Востоке (Иран, Ирак, Ливан, Сирия), в Европе (Франция, Италия, Англия), США, Канаде и многих других странах.

С 1950 г. начинается новый, продолжающийся и поныне, период миграции армян диаспоры. Именно тогда большая часть армян из восточного региона эмигрировала в Австралию и Новую Зеландию. Вторая волна переселений была обусловлена неблагоприятной экономической ситуацией, дискриминацией этнических меньшинств, нестабильным внутривосточным положением в ряде стран Востока. Особенно заметные перемещения армянского населения были вызваны революцией 1952 г. в Египте, гражданской войной в Иране, ирано-иракской войной 1980-1988 гг., и общим обострением ситуации на Ближнем и Среднем Востоке.

В настоящее время, учитывая известные различия социально-экономического, политико-правового и культурного свойства принимающих стран, система армянской диаспоры выступает как совокупность достаточно автономных региональных образований, отличающихся специфическими особенностями.

Сложные исторические обстоятельства послужили причиной образования в Армянской Церкви нескольких иерархических престолов, имеющих местную ограниченную власть и признающих духовное главенство Эчмиадзинского Католикоса. В настоящее время их существуют три: Католикосат Великого Дома Киликийского, Иерусалимский Патриархат и Константинопольский Патриархат. Основная часть зарубежных епархий была создана в 60-е годы XX столетия усилиями Католикоса Всех Армян Вазгена I (1955-1994 гг.). В Республике Армения действует восемь епархий. За пределами Армении — тоже восемь епархий, в том числе епархия Австралии и Новой Зеландии с центром в Сиднее.

Армянская община Австралии и Новой Зеландии насчитывает порядка 46 тысяч человек.

17 апреля 1997 года парламент южно-австралийского штата Новый Уэльс принял резолюцию, в которой, следуя волеизъявлению армянской диаспоры, осудил с действия Османской империи, квалифицировав их как первый в XX веке геноцид. Объявил 24 апреля Днем памяти армянских жертв и призвал австралийское правительство предпринять шаги к официальному признанию геноцида армян. Позже (29 апреля 1998 года) Законодательное Собрание этого же штата приняло решение установить мемориальный обелиск в здании парламента в знак увековечения памяти жертв геноцида армян 1915 года.

Кандидат в депутаты парламента Австралии от Трудовой партии, журналист АВС Максин Маккью на встрече с представителями Армянского Национального Комитета Австралии (ANC Australia) заявила: «Я однозначно и публично поддерживаю признание геноцида армян, если буду избрана в правительство Австралии. Это была моя позиция, когда

я работала в СМИ, и остается моей позицией сегодня. Я буду работать над тем, чтобы правительство страны признало геноцид армян».

Президент Армянского Национального Комитета в Австралии (ANC Australia) Варант Мкртчян упомянул, что сорока пяти тысячная армянская община Австралии ждет определения позиции других кандидатов, включая премьер-министра Джона Говарда, по вопросу о признании геноцида армян. «Признание геноцида армян — первый шаг по предотвращению повторения таких преступлений. Госпожа Маккью установила высокую моральную планку, искренне выразив свои взгляды по поводу этой важной гуманитарной проблемы».

Существенная роль армянских общин в развитии экономической, политической и культурной жизни страны проживания позволяет им оказывать определенное воздействие на политику правительства в области прав человека, национальных и религиозных меньшинств, в решении иных гуманитарных проблем, так или иначе затрагивающих жизненные интересы армянского народа. Кроме того, деятельность представителей диаспоры оказывает позитивное влияние и на развитие взаимоотношений Австралии (различных государств) с Республикой Армения.

Так, например, гражданин Австралии армянского происхождения, чемпион мира по боксу в наилегчайшем весе по версии IBF Вахтанг Дарчинян по полгода проживает в Армении и в Австралии, под флагом которой он выступает. Деятельность, осуществляемая Дарчиняном в Армении направлена на развитие молодежной спортивной организации.

Австралийская компания Iberian Resources планирует нарастить объемы добычи золота в Армении почти в 30 раз уже в 2009 году. По словам директора армянского представительства Iberian Манвела Багратяна, повышение мощностей планируется за счет строительства новой фабрики в Мегри, на юге Армении. Это приведет к увеличению роста рабочих мест в данном регионе и дополнительно обеспечит 400 человек хорошо оплачиваемой работой.

Вопросы сотрудничества Нагорного Карабаха с армянской общиной Австралии по восстановлению и экономическому развитию НКР обсуждались в июле 2007 года во время встречи президента Нагорного Карабаха Аркадия Гукасяна и австралийского предпринимателя армянского происхождения Акоба Абулакяна. Президенту было передано адресованное властям НКР приглашение руководства Армянской торговой палаты Сиднея посетить Австралию и обсудить с местной армянской общиной программы сотрудничества.

Министерство образования и науки Армении разрабатывает проект пособия и методики обучения для субботних и воскресных армянских школ диаспоры. Его окончательное обсуждение до публикации и внедрения состоится во время Всеармянского образовательного форума, в июле-августе 2008 года. Развитие субботних и воскресных школ будет содействовать сохранению армянской диаспоры. В зарубежных армянских общинах действует около 150 школ субботнего и воскресного дня.

В 1965 году впервые возникла идея проведения универсальных спортивных игр для всех армян мира. Однако в то время идея молодого советского дипломата Ашота Мелик-Шахназаряна была квалифицирована, как «недопустимая и националистическая», и ее автор был вынужден вернуться к ней лишь спустя двадцать два года, в 1997 году. При поддержке традиционных армянских союзов Диаспоры, а также армянской культурно-спортивной организации «Арагат» был проведен учредительный съезд, на котором и создан Всемирный комитет Панармянских игр (ВКПАИ). ВКПАИ — это авторитетная неправительственная международная организация, сотрудничающая с Международным олимпийским комитетом (МОК), ЮНЕСКО, Советом Европы, всемирным и европейским движением Фэр Плей и другими международными спортивными инстанциями. Его членами в 1997 году стали представители государственных и общественных организаций Армении и НКР, а также

армянских общин Австралии, Аргентины, Германии, Франции, Китая и США. В августе 2007 года Панармянские игры проводились в четвертый раз. Популярность подобных соревнований растет, в этом году принимали участие 94 команды из 27 стран. Австралийскую общину представляли две команды из городов Сидней и Мельбурн.

Организация «Нуе Нокі» («Хай Хоки» — «Армянский дух») — это сообщество австралийской армянской молодежи. Нуе Нокі был сформирован в середине 2001 года, когда группа молодых австралийских армян собралась на форуме, чтобы обсудить некоторые проблемы армянского сообщества в Австралии:

1. Что означает быть армянином в Австралии?
2. Как мы создаем связи в среде армянской молодежи в Австралии?

За последующие два года у «Нуе Нокі» появился вебсайт, который размещает информацию о деятельности австралийского армянского сообщества во Всемирной сети, оповещает об организации событий, способствующих объединению молодежи армянского происхождения, проводит форумы, ежегодный фестиваль «Культура», активно участвует в подготовке панармянских игр.

Во всех своих действиях Нуе Нокі стремится зажечь патриотический национальный дух среди армянской молодежи в Австралии. Члены сообщества могут быть аполитичны, не должны принадлежать к тем или иным религиозным течениям или партиям, любой молодой человек или девушка могут посещать мероприятия «Хай Хоки».

Армянская диаспора в Австралии в основном концентрируется в Сиднее и Мельбурне. В этих городах существует множество организаций, которые обслуживают образовательные, культурные и спортивные потребности сообщества.

Проблемы интеграции экологических процессов в государственную систему Австралии

Жарова О.В., к.э.н., ИВ РАН

Новая Зеландия была первой страной в Азиатско-Тихоокеанском регионе, которая стала уделять серьезное внимание проблемам окружающей среды. Австралия намного от нее отставала. Теперь Австралия добилась немалых успехов на пути реализации политики экологически устойчивого экономического развития. Однако, ее реализация это сложный разноплановый процесс. Он требует много времени. Прежде всего, необходимо интегрировать экологию с экономикой, учитывая особенности экономики и природных условий, а также специфику государственного устройства на всех уровнях власти. В научной печати ее называют «политикой кооперативного федерализма». Она заключается в том, что вмешательство федерального правительства ограничено как по ряду важных, носящих общенациональный характер проблем штатов, так и по некоторым, относящимся к штатам вопросам международного характера. А правительство выступает только как инициатор и координатор национальной стратегии, выработанной и осуществляемой совместно со штатами. Эта политика имеет свои преимущества, хотя уже проглядываются и недостатки, когда, например, вопреки уже устоявшимся на местах интересам, федеральному правительству необходимо внедрить нововведения.

Экологическая политика и ее интеграция в Австралии имеют свои особые географические, социо - экономические и учрежденческие черты. Австралия обширное континентальное и слабо населенное государство, обладающее богатыми природными ресурсами. Средняя плотность его населения 2,3 человека на 1 кв. километр. Однако большинство жителей сосредоточено в городах на побережье. Производительность труда в определенной степени зависит от окружающей среды и доступности природных богатств. Основные отрасли производства создают 8% валового внутреннего продукта (при его среднем показателе в странах Азиатско-Тихоокеанского региона всего 3%). Природные ресурсы дают 60% экспортной выручки Австралии.

В отношении окружающей среды федеральная межправительственная система разделена между сравнительно слабым контролем центрального правительства и существенной передачей обязанностей штатам. Проблемы окружающей среды не упомянуты в Конституции и, следовательно, с точки зрения закона стоят ниже конституционных положений. Большая часть исполнения экологической политики и ответственность лежит на администрациях штатов и территорий, а повседневная экологическая работа выполняется на местах.

Австралийское правительство стремится создать условия для интеграции экологической политики, используя, прежде всего конституционные рычаги (торговля и коммерция, налоги и международные связи). Это рычаги центральной власти для контроля на всей территории страны. Однако, политика «кооперативного федерализма» ограничивается возможностью правительства. Администрации штатов и территорий с большим предубеждением относятся к вмешательству в свои права. Отсюда возник децентрализованный подход к процессам экологической интеграции. Недавно появился новый подход к политике интеграции. Его сторонники полагают, что пересмотр политики нужен из-за возрастающего числа проблем и их масштабности. Необходимо определить существующий баланс между ролью и ответственностью, между общественным и частным, между общенациональными интересами, интересами штатов и обстоятельствами на местах. Это и есть центральный вопрос проведения политики интеграции экологических проблем, как в стране в целом, так и в ее федеральных подразделениях.

Политика интеграции экологических проблем прошла три этапа.

До 1982 г. В 1950 х.- 1960 гг. австралийские пр-ва брали на себя ответственность за проблемы экологии. Окружающая среда была признана средством, которое должно использоваться в интересах государства с тем, чтобы свести к минимуму неблагоприятные экологические последствия.

Частично под воздействием развитых государств Запада, страны региона в 1960-х годах начали разработку экологического законодательства, например, борьбу с загрязнением воздуха. Австралийское ведомство по экологии было создано в 1971 г., а межправительственный совет по экологии на министерском уровне в 1972 г.

Лейбористское правительство Г. Уитлема в 1974 г. учредило министерство по охране окружающей среды и национального наследия, включая национальные парки и охраняемые места дикой природы. Министерство обнародовало также Акт об охране окружающей среды, в котором предусматривается процедура оценки экологического воздействия на окружающую среду промышленной и другой деятельности. В 1983 г. федеральное правительство потребовало прекратить строительство дамбы на острове Тасмания на реке Франклин, поскольку эта территория признана объектом мирового природного наследия. В 1980-х годах в стране проходили повсеместные обсуждения следующих экологических вопросов: принадлежность объектов всемирного наследия, международное значение влажных районов Рамстара, угроза исчезновения некоторых биологических видов и общностей, защита мигрирующих видов живых существ и международные соглашения по этому вопросу, проблемы окружающей среды морей и океана, окружающих Австралию, проблемы атомной энергии.

1996-2006 годы

В начале 1996 г. на выборах победила консервативная коалиция, что привело к пересмотру политики интеграции экологических проблем. Коалиция считала главным направлением национальной политики экономику. Поэтому время от времени возникали конфликты между министерством, отвечающим за промышленность и министерством по охране окружающей среды. Теперь эти конфликты не носят острого характера, поскольку охрана окружающей среды стала одной из глобальных задач всего мира.

К традиционным регулирующим средствам экологической политики добавились экономические меры и добровольные инициативы. Однако, успех новой экологической политики зависит от постоянных указаний правительства как поощрительного, так и карательного характера. Например, создание рынков воды – дело дорогое с сложное. Оно требует постоянного напоминания сверху. Вершиной экологической политики коалиционных правительств было учреждение Треста природной недвижимости с капиталом в 1,25 млрд. австралийских долларов. Основная его направленность на ресурсы сельских районов. Трестом руководят совместно два министра. Один отвечает за сельское хозяйство, другой за экологию. Программы разрабатываются на децентрализованной региональной базе, которая основывается на интегрированных планах регионального развития.

В 1999 году все национальное экологическое хозяйство было объединено в единый Акт «О защите окружающей среды и сохранении биоразнообразия». Это дало федеральному правительству эффективные возможности для решения экологических проблем. Правительство разработало стратегию и политику устойчивого развития, главными проблемами которой были изменение климата, засоленность почв, качество воды, обращение с лесными угодьями.

Исполнительные механизмы

В австралийской и зарубежной практике используется целый ряд средств для содействия реализации политики экологической интеграции. В этой деятельности принимают участие министр по охране окружающей среды и национального наследия, аппарат премьер-министра и посреднические организации, осуществляющие контакты между экологическими подразделениями и заинтересованными организациями.

На национальном уровне интеграция осуществляется министерством по охране окружающей среды, которое обеспечивает профессионализм работы и квалифицированно разрабатывает требования для политики интеграции. Для выработки требований по экологическим вопросам и предложениям на территории федеральной столицы и в штатах Южная Австралия и Западная Австралия были созданы отделы экологической безопасности. Их деятельность координируется аппаратом премьер-министра, что придает большую законность и повышает значение политики экологической интеграции, а также дает гарантию того, что министры и подведомственные им учреждения будут поддерживать стратегию и политику экологически устойчивого развития. В то же время, ряд австралийских исследователей полагает, что неудачная коррекция нынешнего курса правительства может привести к сужению и даже выхолащиванию идей устойчивого развития. Так перевод офиса устойчивого развития из отдела экологии в подразделение устойчивости и изменения климата департамента премьер-министра привел к тому, что на первом месте по-прежнему оказались проблемы изменения климата, но сократилось внимание к остальным проблемам устойчивости. С другой стороны, в Западной Австралии и на территории федеральной столицы главные министры отстаивали устойчивость через устойчивую государственную стратегию и учредили в своих министерствах отделы координации этой стратегии. Оба штата добились успехов в осуществлении экологической стабильности в 2001-2006 годах.

В 2006 г. произошла передача координированных функций другим структурам, занимающимся осуществлением контактов между экологическими подразделениями и заинтересованными организациями.

Передача проблем экологии в ведение многофункциональных учреждений имеет и свои достоинства. Становится легче выдвигать на рассмотрение экологические вопросы в том или ином регионе. Официальные связи и координация могут быть увеличены, оценка экологических проблем улучшена. В штате Виктория объединение сельского хозяйства и экологических проблем в отделах природных ресурсы и экология, улучшило сотрудничество по некоторым вопросам, таким как энергетика и использование угля, а также некоторых проблем сельского хозяйства. Новый департамент устойчивости и экологии способствовал дальнейшей интеграции природных ресурсов, экологии и политики планирования. Но изъятие из него сельскохозяйственной политики привело к ослаблению кооперации между сельским хозяйством и экологией.

Координирующие механизмы

Ключевыми органами межправительственной экологической политики координации и интеграции являются министерские советы федерального правительства, администраций штатов и территорий. Советы являются важным форумом для обсуждения межведомственных вопросов. Связи между ними улучшились, но их цели, роль и ответственность в отношении экологически устойчивого развития не всегда понятны.

Федеральное правительство и правительства штатов создали правительственные комиссии. В частности существует комиссия федерального правительства по устойчивому экологическому развитию. В комиссии особый интерес проявляется к управлению природными ресурсами и к парниковому эффекту. В принципе правительственные комиссии

могут играть важную роль в политике экологической интеграции, но обычно их заседания носят закрытый характер и их реальную роль определить трудно.

Правительства штатов создали свои посреднические механизмы координации. Например, в штате Южная Австралия существует офис исполнительного комитета кабинета министров, который координирует осуществление плана штата. Он обеспечивает включение в планы правительственных подразделений задачи плана штата и согласовывает их с бюджетами. В Новом Южном Уэльсе созданы консультационные и координационные группы, которые полностью обеспечивают сотрудничество в правительстве.

Расходы правительства на экологию за последние годы быстро растут. Так, в федеральное правительство в 2002-2003 финансовом году на экологию выделило 1,8 млрд. австралийский доллар, а бюджет 2006-2007 гг. предусматривает выделить 3,9 млрд. долларов. Австралия не ввела налог на экологию, хотя экологические издержки были достаточно большими, исключая загрязнения и отходы. В Австралии не практикуется проведение интегрированного анализа правительственных бюджетов, хотя в 2007 г. делалась попытка в штатах Виктории и Южная Австралия связать бюджетные предложения с задачами плана штата. В штате Западная Австралия офис координации одобренных разработок утверждает крупные проекты.

Правительство Федерации и штатов и их агентства добились определенных результатов по включению политики экологической интеграции в государственные планы, и это находит понимание у общественности. Вырабатывать детальную стратегию и цели на основе государственной политики было поручено агентствам. В разных штатах работа идет по разному. В штате Новый Южный Уэльс, где данные собирались в течение 5-10 лет, удалось сформулировать цели экологической политики. А в штате Виктория возникли трудности с выстраиванием экологических показателей и действий. Обычно экологическое финансирование осуществляется агентствами из существующих бюджетов, но нехватка ресурсов и возможностей заставляют их действовать и по принуждению. Явный приоритет, который отводится экологической деятельности правительства, отражает желание агентств получить лидерство в частном секторе общин, поскольку агентствам легче осуществлять контроль за своими оперативными результатами, чем за политикой и задачами программ.

Совещательные и консультативные органы

Посредники могут способствовать политике интеграции, обеспечивать помощь, предотвращать и разрешать конфликты, преодолевать узкие места при выполнении обязательств. Цели этих органов неодинаковы. Так в штате Южная Австралия существует Круглый стол первого министра по «Устойчивости», заседания которого носят относительно открытый характер и рассчитаны на оказание влияния на общественное мнение.

В штате Виктория Совещательный Совет по Устойчивости является сравнительно закрытым органом и выступает как учреждение, озвучивающее идеи министерства. В штате Западная Австралия Круглый стол «Устойчивости» консультирует первого министра по инициативам сотрудничества, механизмам и методологиям поддержки устойчивости и способам повышения сознательности общественности. Круглый стол готовит доклады об уровнях устойчивости и устойчивости связей между уровнями.

Большинство новых стратегий и политических предложений являются в какой-то мере результатом консультаций и попытками привлечь к себе посредников и общественность. В каждом крупном рыболовецкой хозяйстве, например, созданы консультативные советы. Подведомственные организации проводят публичные консультации по управлению природными ресурсами или разрабатывают подходящие варианты использования воды. В этом участвует межведомственная система- Управление дренажной и водосборной

площадь. Она имеет офисы в штатах Южный Уэльс и Виктория. Широкое использование дренажной и водосборной площадей в Северной Территории показало потенциальные выгоды интегрированной подачи воды. Существует кооперация между секторами, агентствами и местными землевладельцами.

Правительственные организации по научным исследованиям и развитию, прежде всего Федеральная организация по научным и промышленным исследованиям, Корпорация по сельскому хозяйству и развитию и Корпорация земли и воды Австралии, проводят большую работу, связанную с окружающей средой. Существуют также специальные механизмы, связывающие экологическую науку с политикой, но отсутствует постоянная координация между научными исследованиями и правительственным принятием решений. Между тем, Совет премьер-министра по технике и нововведениям имеет потенциальные возможности влиять на интеграцию экологической науки с правительственным принятием решений. К сожалению, Совет заседает лишь два раза в году.

Процесс развития стратегии

Федеральное правительство и администрации штатов и территорий в 1992 г. одобрили Национальную стратегию экологически устойчивого развития. Она включает в себя основные задачи и руководящие принципы экологически устойчивого развития. План действий был разработан позже, но цели и принципы были широко обнародованы и включены в политику и законодательство. Возрастает интерес к координации политики устойчивого развития при помощи рыночных механизмов и децентрализованных правительственных процессов.

За последние годы в плане штатов и территорий были включены положения по экологии и одобрена стратегия устойчивого развития. В планы штатов Виктория и Южная Австралия были записаны определенные экологические задачи. Западная Австралия, Виктория и Территория федерального округа уже имеют всестороннюю стратегию устойчивого развития. Для реализации стратегии в штате Виктория выделено 200 млн. австралийских долларов. В штате Новый Южный Уэльс намерены осуществить экологическую устойчивость с помощью планов использования земли и ряда правительственных программ. Северная Территория выбрала пусть решения проблемы не опираясь только на единый стратегический план и приступила к разработке специальных программ.

Австралийское правительство и правительства штатов имеют много планов связанных с окружающей средой и природными ресурсами, включая проблемы парникового эффекта, биоразнообразия, проблем, связанных с водой и обращением с отходами. Это является шагом вперед, обеспечивающим создание условий, при которых экологическая политика и программы будут иметь внутреннюю последовательность и принимать во внимание стратегии развития. Однако, в секторе экономики мало стратегий устойчивости и по существу они представляют собой лишь составную часть планов и стратегий штатов по борьбе с парниковым эффектом или касаются вопросов эффективности энергии и общественного транспорта.

Законодательство

Включение принципов экологической устойчивости в законодательство является важным орудием включения экологической политики интеграции в правительственную политику и практику. До сих пор не имеется официальных инструкций, поясняющих, как на практике должен осуществляться процесс интеграции. Поэтому именно на практике

эффективность политики интеграции заметно снижается. Возникает опасность субъективного подхода к решению важнейших вопросов вплоть до попыток отвергать нежелательные законы ради корпоративных выгод, занижать объемы ресурсов, подлежащих контролю, игнорируя установленные законом требования. Так, например, основной экологический закон, принятый в 1999 г. «Акт об охране окружающей среды и сохранении биоразнообразия» требует сообщения подробностей любых действий, затрагивающих вопросы, которые имеют национальное экологическое значение, министру по вопросам окружающей среды. Но лишь четвертая часть направлений министру требовала провести экологическую оценку, предусмотренную Актом. Очень мало направлений получено из отраслей сельского хозяйства, рыболовства и лесного хозяйства. Кроме того, федеральное правительство не имеет пока на местах достаточного числа административных кадров и необходимую инфраструктуру.

Процессы обозрения, отчетности и оценки не ограничиваются интеграцией экологической политики. Они являются также процессом выработки политики. Эти процессы проходят медленнее, но они более продолжительны, чем политические. Экологическое воздействие в теории имеет свою специфику из-за расхождений в понимании влияния человеческой деятельности на окружающую среду и, в частности, на экосистемы. Отмечены трудности обследования биоразнообразия и экосистем, а также определения времени возникновения природных систем. Анализ экономического воздействия политики и программ, как федерального правительства, так и правительства штатов производится редко, отметила комиссия по претворению в жизнь экологически устойчивого развития федерального правительства. Комиссия признала, что политической практике по внедрению экологически устойчивого развития был нанесен определенный ущерб. Он заключался в том, что было невозможно провести анализ кратковременных и долго временных доходов и расходов, поскольку официально они не рассматривались на федеральном уровне, а агентства не всегда правильно воспринимали оценочные данные, например, упорядоченные заявления о воздействиях или контроль за эффективностью политики и программ по внедрению экологически устойчивого развития. Лишь в редких случаях поступали результаты ревизий, отмечалось в отчете комиссии.

Процессы экологической оценки

Интегрированный анализ экологических, экономических и социальных воздействий на политику и программы подразделений кабинета министров весьма ограничен как на национальном, так и на верхних уровнях власти.

Офис обзорного рассмотрения координирует подготовку упорядоченных (т.е. составленных по требуемой форме) заявлений о воздействии на национальном уровне, включая межправительственную деятельность в этой области. Согласно инструкциям, офису предписывается рассмотрение предложений по экологической безопасности. В такой слишком общей формулировке лишь 10% предложений были признаны приемлемыми. Без четкого и ясного разъяснения того, что должно содержать упорядоченное заявление, обработка заявлений в Офисе теряет свою актуальность.

Стратегическая экологическая оценка определяется как систематическая оценка экологического влияния на планы, политику и программы. В Австралии значение такой оценки возрастает, но пока она еще весьма ограничена.

В штатах и территориях оценка экологического воздействия связана с системой одобрения проектов планирования и развития. В Западной Австралии процесс оценки проводится по схемам планирования и директивам, которые содержат схемы. Виктория и

Тасмания осуществляют проверку политики охраны окружающей среды. Новый Южный Уэльс проверяет схемы управления рыболовством.

Отчеты и оценка процессов

Отчеты и оценка позволяют проводить обсуждения, обмен опытом по выработке политики и организации мер ее воплощения в жизнь. Качество отчетов по экологии и устойчивости различно. Федеральное правительство и правительства штатов публикуют подробные отчеты каждые 3-5 лет, а некоторые штаты подготавливают регулярные отчеты для общественности, в которых сведения носят выборочный, в основном положительный характер. В некоторых штатах отчеты устойчивости связаны с планами штатов или со стратегиями устойчивости. Агентства территории федеральной столицы и штата Западная Австралия выработали собственные отчеты стабильности. Генеральный аудитор Австралии сделал заключение, что существуют хорошие возможности для улучшения качества ежегодный отчетов федеральных агентств. Многие агентства сосредоточены на деятельности по природным ресурсам, но еще не готовы к тому, чтобы расширить свою работу до охраны окружающей среды. В министерствах и агентствах Западной Австралии существует требование опубликовывать ежегодные отчеты о выполнении стратегии устойчивости. Они очень краткие. Качество их различно. Однако, отчеты территории федеральной столицы всесторонние, использующие все предписания и ксерокопии анализов, но публикуются они от случая к случаю.

Контроль и оценка структур устойчивости, политики и программ очень ограничен. Должный контроль планов штатов осуществляется в Виктории и Южной Австралии отделом исполнений департамента первого министра.

Примеры интеграции экономической политики

Управление природными ресурсами и облагораживание сельских земель, расчистка новых земель для сельского хозяйства, восстановление сухих и засоленных почв привели к значительному расширению земельных угодий. Сократилась потеря воды и улучшилось ее качество.

В 1980-1989 годах осуществлялась Программа защиты земель. На эту программу федеральное правительство выделило 360 млн. австралийских долларов. За десять лет были созданы новые поселения и общины. Однако, роль новых общин четко не определена и ответственность региональных организаций не установлена. Это уменьшает эффективность программы и вызывает трудности с финансированием новых поселений.

В 1996 г. коалиционное правительство учредило Управление национального наследия в целях управления природными ресурсами. Им руководят министр сельского хозяйства и министр экологии через совместный штаб. При этом министерства сохраняют право возглавлять своих сотрудников. Программы выполняются на базе интегрированных региональных планов развития. Таким образом, осуществляется интеграция и по горизонтали и по вертикали.

Интегрированное управление водосборной площадью и дренажом является административным учреждением, связывающим государственную деятельность и частные хозяйства путем взаимных консультаций и поддерживающим инициативы местных групп. Региональные организации часто сохраняют лишь ограниченную автономию, вполне устоявшиеся культуру и традиции назначать на службу преимущественно «своих» людей. В некоторых печатных органах появляются опасения, что планы управления водосборной площади и дренажной системы могут оказаться сорванными из-за политических угроз

землевладельцев, которые стремятся сохранить существующий порядок использования земли и воды. В газетах даже появляются слухи, что возможно сначала придется принять административное решение и вслед за этим сразу же приступить к улаживанию конфликта с землевладельцами. Несомненно, своевременное финансирование и создание благоприятных условий для владельцев земель будут способствовать нахождению компромисса. При этом, как показывает опыт, следует правильно распределить роли и ответственность между организациями на всех уровнях власти.

Изменение климата

Подход Австралии к проблеме потепления климата не однозначен и не объясняется только парниковым эффектом. Он более дифференцирован. Лейбористское правительство заявило в 1990 г. о намерении сократить выброс вредных газов в атмосферу на 20% с 1988 г. по 2005 г.. На конференции в Киото Австралия заявила, что с 1990г. по 2010 г. выброс газов будет сокращен на 8%. Такая коррекция правительства объясняется соглашениями с промышленностью, с устойчивостью сельскохозяйственной практики(урожаи могут снизиться если на полях уменьшится количество углекислоты), а также с некоторыми новыми обстоятельствами, включая 2% в связи с введением в строй новых энергетических комплексов.

В 1998 г. Управление по наблюдению за парниковым эффектом определило принципы национальной политики по парниковому эффекту. Министр иностранных дел должен консультировать по проблемам изменения климата, имеющим международное значение. Были созданы две группы высокопоставленных чиновников для выработки общеправительственного подхода к этим проблемам. Однако, координационные административные действия не смогли устранить различия в подходе к стратегии парникового эффекта внутри самого правительства.

Национальная политика придает значение тому, что Австралия лидирует в мире по технологиям по очистке угля и пересматривает свои позиции по вопросам атомной энергетики. Нововведения будут играть все возрастающую роль.

С другой стороны, прагматический, рационалистический, гибкий подход также заслуживает внимания. Богатая ресурсами окружающая среда в Австралии, ее зависимость от экспорта и ресурсов экономика по-прежнему во многом определяет политику в отношении изменения климата. Иными словами, опирающаяся на ресурсы промышленность, например, угольная или алюминиевая, являются двигателем политики.

Некоторые штаты стали прибегать к независимым действиям. Так, первый министр штата Южная Австралия обнародовал стратегию подхода к проблемам изменения климата своего штата. Он поддержал постановления федерального правительства, дал указание сократить выброс вредных газов в атмосферу на 60% к 2050 году, учредил в аппарате правительства отдел по устойчивости и парниковому эффекту. «Страховая группы Австралии» и «Фонд дикой природы» призвали политических лидеров страны сотрудничать с бизнесом и общинами в вопросах сокращения выбросов вредных газов в атмосферу на 60% к 2050 году. Они утверждают, что сокращение может способствовать продвижению нынешних решений по инвестициям и уменьшить неопределенность для более широких будущих долговременных инвестиций в энергетику.

Ряд успешных факторов экологической интеграции, а также неизбежных препятствий и расхождений можно подразделить на пять категорий: руководство, стратегии, структуры, процессы, возможности. Ключевыми факторами являются стратегии, структуры. А политические и социальные ценности, руководство, административная культура и возможности оказывают решающее влияние на политику и экологическую интеграцию.

Возможности включают в себя опыт, последовательность, взаимопонимание и финансовые ресурсы. В прилагаемой Сравнительной таблице интеграции экологической политики приводятся основные характеристики каждого из пяти факторов и указываются некоторые наиболее важные препятствия и просчеты, могущие затруднить реализацию интеграции. С помощью таблицы можно определять, как обстоят дела с реализацией экологической программы.

Сравнительная таблица интеграции экологической политики

С Т Р У К Т У Р А	<p><u>Положительные факторы.</u></p> <p>1) Совместное сотрудничество юридических структур всех уровней, включая соглашения и протоколы о разграничении ролей и ответственности.</p> <p>2) Безоговорочное признание всех владельцев Собственности и их интересов. Прозрачность методов и процедур улаживания противоречий.</p> <p>3) Широкое участие и консультации по вопросам применения, контроля и оценки для всех неправительственных владельцев собственности.</p>	<p><u>Препятствия и просчеты.</u></p> <p>1) Ослабление целеустремленности в результате политических перемен и административной перестройки.</p> <p>2) Ослабление стимула участвовать В сотрудничестве с другими организациями в области интеграции политик, поскольку это требует дополнительных расходов и привлечения новых ресурсов.</p>
С Т Р А Т Е Г И Я	<p>1) Точное определение направления экологической политики и устойчивости инициатив, включая институциональные и переходные механизмы</p> <p>2) Четкое распределение ролей и обязанностей для исполнения инициатив экологически устойчивого развития.</p> <p>3) Способность реагировать и приспосабливаться к непредвиденной политике и к изменениям рынка.</p> <p>4) Законодательный мандат на политику интеграции.</p>	<p>1) Недостаточная связь и плохое понимание сложных или неясных проблем устойчивости.</p> <p>2) Недостаточная поддержка избирателями интеграционной политики экологически устойчивого развития.</p> <p>3) Неспособность поддерживать законные интересы или договариваться с влиятельными людьми, которые противятся переменам.</p>
Р У К О В О Д С Т В О	<p>1) Поддержка министерствами и администрациями сторонников интеграции и их инициатив.</p> <p>2) Заявления высокопоставленных чиновников о том, что политика экологической интеграции является главным делом, в том числе и для тех агентств, которые непосредственно не вовлечены в управление ресурсами или в экологические проблемы.</p>	<p>1) Несоответствие объявленных политических намерений и целей с выполнением обязательств.</p> <p>2) Политическая инертность как результат конкуренции экономического противостояния, а также неуверенности в преимуществах экологической устойчивости, поскольку она ведет к сокращению доходов.</p> <p>3) Доминирование в политической</p>

		системе краткосрочных перспектив в связи с бюджетными соображениями и близости очередных выборов.
П Р О Ц Е С С Ы	1) Постоянные хорошо организованные связи с правительством. 2) Доступные, всем понятные механизмы поддержки и инструменты, включая механизмы оценки окружающей среды для законодательных и политических целей.	1) Затруднения или неспособность сформулировать политику интеграции и устойчивости для бизнеса. Отсутствие методологии для характеристики оцененных действий. 2) Нехватка знаний для моделирования способов выполнения политики интеграции.
В О З М О Ж Н О С Т И	1) Эффективный контроль, оценка, аудит программ, политических целей и организационных прав. 2) Требуемая квалификация сотрудников в отделах и группах агентств, связанных с политикой интеграции.	1) Недостаточное снабжение финансовыми средствами и кадрами для возможностей сотрудничества между организациями, а также качественного выполнения задач. 2) Процедуры правительственного бюджета, которые остаются не использованными или которые оставлены на резервный случай, не направляются по требованию министерства на координацию их совместных действий в области содействия политики интеграции.

Различного рода выборы на уровне штатов и федерации создают реальные затруднения. Они заключаются в том, что промежутки между выборами слишком малы, чтобы электорат мог осознать программу нового депутата и сравнить ее с программой прежнего депутата. Поэтому имеются опасения, что без достаточного времени и настойчивости усвоить взгляды избранного депутата и тем более приступить к осуществлению его политики экологической интеграции вряд ли возможно.

В Австралии существуют коммерческие организации, занимающиеся вопросами экологической политики и устойчивого развития. Одни из них занимаются политикой экологической интеграции, например, нахождением общих интересов по проблеме. Другие сосредоточивают внимание на политические приоритеты и персональные предпочтения. Каждая из них вырабатывает свои предложения и советы по улучшению политики экологической координации. Каждая модель имеет собственные «за» и «против» и дорого оплачивается.

Координационная деятельность правительственных агентств не всегда способна оказать должную поддержку политике экологической интеграции. К тому же денежные средства и другие ресурсы сами нуждаются в интеграции.

В целом Австралия существенно продвинулась вперед в области экологической интеграции планов и стратегий устойчивого развития, особенно в вопросах, связанных с парниковым эффектом, биоразнообразием, распределением и качеством воды и управлением отходами. В ряде планов и стратегий дается четкое определение целей и задач и соответственные указания для их достижения.

Существует также несколько стратегий устойчивости и для секторов экономики. Однако, стратегическая реструктуризация экономики сдерживается опасениями потери

конкуренентоспособности и оттоком рабочей силы, а также сопротивлением маклером и заинтересованных групп. Почти не было попыток политического руководства ущемить законные интересы жителей общин.

Австралия, безусловно, добилась большого прогресса в создании основ интегрированной экологической и экономической политики. Однако большее предпочтение отдается экономическим целям. Административное руководство, которое говорит, что необходимо в интеграции предоставить приоритет экологической политике, на деле ограничивает приоритет такими вопросами как экономия электроэнергии и воды или переработка макулатуры. Меньше внимание уделяется крупным проблемам, например, парниковому эффекту или сохранению биоразнообразия. Многие крупные вопросы такого рода остаются без должного внимания, потому что не хватает средств на их осуществление.

Опыт Австралии показывает, что проводить политику экологической интеграции только с помощью выработки стратегий и создания структур невозможно. Кроме этого требуется подготовленное руководство, административная и политическая культура, готовность администрации играть ведущую роль в осуществлении политики. Администрация должна подчиняться указаниям правительства, даже если требуется смена приоритетов. Она обязана учитывать длительный характер исполнения задач и будущую интеграционную политику, включая возможность перемен, чтобы быть подготовленной к ее осуществлению. Все это требует настойчивости и гибкости и налагает особые обязательства на административные подразделения и персонально на исполнителей. Существуют различные варианты включения политики экологической интеграции в правительство.

Долгосрочные перспективы можно было передавать правительственным администрациям путем более широкого и ясного включения принципов устойчивости в законодательство, а также в документы агентств и отчеты структур. А авторитетные научные и ревизионные учреждения могли бы давать рекомендации об успехах устойчивости и предоставлять материалы, содержащие долгосрочные перспективы. Так считают в университетских кругах Австралии. А главным недостатком политики экологической интеграции они считают неудавшиеся попытки включения экологических принципов и целей устойчивости в процессы принятия решений на всех правительственных уровнях вплоть до федерального. Такое включение, по мнению университетских экспертов, необходимо чтобы гарантировать, что политика экологической интеграции будет продолжаться, какие бы структуры и стратегии ни существовали в тот или иной период. Самым важным обстоятельством для включения политики экологической интеграции в правительство является сохранение и поддержание культуры и практики анализа и оценки.

Проведение анализом устойчивости правительственных политик и программ можно облегчить развитой системой отчетности, предпочтительно связанной с национальной отчетностью и бюджетными процессами. Теперь накоплен опыт методологии проведения анализов устойчивости правительственных политик и программ. Такой анализ целесообразно применять при оценке правительственных процессов.

Интеграцию экологических процессов в экономике можно улучшить путем проведения анализов устойчивости процедуры до, и после принятия бюджета и во время всестороннего ежегодного отчета правительственных агентств. Интеграция экологической политики улучшит стратегию устойчивости для экономических секторов, включая цели, задачи, сроки исполнения, а также распределение ответственности.

Политику экологической интеграции можно проводить через законодательные и официально утвержденные постановления (законы, регулирующие кодексы, административные правила).

Австралия с ее децентрализованным подходом к указаниям из центра, с большой зависимостью от рынков и децентрализованного государственного механизма дает

возможность более гибко подходить к политике интеграции, хотя существует определенная неуверенность в окончательном исходе этой возможности. Хорошие результаты были достигнуты на уровне штатов в управлении природными ресурсами, а позже и в области дренажной системы. Децентрализованное планирование и определение задач тесно связаны с условиями, сложившимися в регионе. Поэтому они вырабатываются в различных вариантах, что на уровне штатов признается приемлемым. Но еще не ясно возможен ли справедливый баланс интересов или пособники распределения власти и группы интересов будут доминировать в региональных процессах и блокировать переход к устойчивому развитию. Невозможно предвидеть результаты. Остается также невыясненным, насколько здесь велико влияние центра, и какие побудительные стимулы необходимы, чтобы поощрить к активному участию и координации местной власти. Ясно одно, местные административные органы пока не имеют должного мандата и необходимой подготовки, а также ресурсов.

Еще сложнее обстоит дело с проблемой изменения климата. Хотя за последнее время появилось много энергосберегающих технологий, энергоемкие технологии занимают все еще господствующее положение. И это хорошо известно национальному политическому руководству. Необходимо создать больше стимулов для развития новых энергетических технологий и требуется более активное вмешательство административных органов в координирующие механизмы. К сожалению, строгий общенациональный подход к проблемам парникового эффекта размывается более широким подходом к изменению климата в штатах и постоянными возражениями промышленных кругов.

Заключение

Австралийский опыт показывает, что не существует идеального набора структур, стратегий и процессов, способного продвигать интеграцию экологической политики. Не менее важную роль для интеграции играют правильное руководство, изменение административной культуры и создание благоприятных условий. Много перспективных инициатив было упущено, прежде чем они могли проявить себя или прежде чем должным образом оценены. Особенно трудно достигнуть интеграции экологической политики в секторах экономики, где устоявшиеся интересы противоречат экологической политике. Так появляется нужда в определении необходимого направления и поддержке нововведений. Пока еще рано говорить, что децентрализованный подход к таким важным национальным проблемам, как управление природными ресурсами и изменение климата, эффективен. Но уже ясно, что требования координации из центра, создание благоприятных условий и ресурсов были недооценены.

Австралия и Новая Зеландия в архивах ИВ РАН

Петина О.О., ИВ РАН

Научный архив ИВ РАН представляет собой на сегодняшний день одно из структурированных подразделений группы учёного секретаря. В архиве ИВ РАН хранятся фонды как личные, известных востоковедов, так и организаций в свое время самостоятельных, которые затем были ликвидированы, а штаты и архивы их были приняты в структуру ИВ РАН. Одним из таких фондов является фонд Тихоокеанского института, включающий в себя документальные материалы, научные работы 1931-1950 годов по странам тихоокеанского региона и дальнего Востока, которые поступили в Научный Архив ИВ РАН в 1950 году (на тот момент – ИВ АН СССР) в связи с ликвидацией фондообразователя – Тихоокеанского института АН СССР.

Тихоокеанский институт был учреждён 23 июля 1934 года и представлял собой общественную организацию, выполнявшую представительские функции в Международном Институте Тихоокеанских Отношений. Фактическое руководство его деятельностью в период 1934-1942 гг. осуществлял НКИД СССР. 6 ноября 1942 года распоряжением СНК СССР Тихоокеанский институт был включён в систему Академии Наук СССР, 2 августа 1950 года постановлением Президиума АН СССР Тихоокеанский институт был ликвидирован. Кадры Института перешли в штат ИВ АН СССР.

Изначально Тихоокеанский институт согласно договорённости с Международным Институтом Тихоокеанских Отношений, вступив в Международный Институт в качестве его Советской секции, взял на себя составление работы справочного характера о путях сообщения и связи на Дальнем Востоке СССР. Работа Тихоокеанского института должна была войти как составная часть в международный справочник, издаваемый Институтом Тихоокеанских отношений. Советская часть справочника должна была включить в себя данные по линии НКПС – то есть данные о Сибирской магистрали, железной дороге на Советском Дальнем Востоке и краткий очерк о финансах, системе управления; данные Наркомвода, данные Наркомсвязи и данные ГУГВФ. В 1933 году в соответствии с планами научных исследований, утвержденными на международной конференции, Тихоокеанский институт берет на себя составление монографии об уровне жизни в СССР, доклад о статусах иностранцев по советским законам и доклад о путях сообщения и связи на Дальнем Востоке. В 1933-1934 годах идет активный диалог между Тихоокеанским институтом и Международным Институтом Тихоокеанских отношений – обмен книгами и научными материалами с американской секцией Института Тихоокеанских отношений, встречи между представителями с обеих сторон. 17 октября 1934 года состоялась встреча представителя ВОКСа и профессора международного права Чикагского университета мистером Куинси Райт. 20 декабря 1934 года в Москву, вслед за ним, наносит первый визит генеральный секретарь Международного Института Тихоокеанских отношений г-н Картер. В документах под грифом «не подлежит оглашению» появляются стенограммы разговоров с самим господином Картером и с сопровождающими его лицами, из которых следует, что с господином Картером разговаривают не только на темы, входящие в заявленный план научных исследований Тихоокеанского института, но и осторожно выясняют мнение делегации по вопросам колониальных политик зарубежных стран и отношений между странами Тихого океана.

С 1934 года Тихоокеанский институт значительно расширяет свою деятельность. В сферу научно-исследовательских интересов к 1936 году начинают входить практически все актуальные политические и экономические проблемы, связанные с Тихим Океаном в целом и в частности. К международной конференции ИТО, состоявшейся в том же году,

Тихоокеанский институт издаёт первые монографии на русском и английском языках, одна из которых называется «Экономическая и политическая борьба на Тихом океане» президента института Мотылёва, где впервые за существование Тихоокеанского института затрагиваются проблемы Австралии и Новой Зеландии, актуальные для того времени.

В списках работ Тихоокеанского Института появляются статьи, доклады и справки, связанные с исследованием Австралии и Новой Зеландии. Их было очень немного, поскольку основной упор Институт делал все-таки на проблемы и исследования других регионов Тихого океана. В дальнейшем диалог между Тихоокеанским институтом и Международным Институтом Тихоокеанских отношений, ввиду начала Второй мировой войны, практически прекращается, и 6 ноября 1942 года Тихоокеанский институт включается в структуру АН СССР. Исследований вопросов, связанных с Австралией и Новой Зеландией, по-прежнему мало, в основном политического характера, но среди них встречаются довольно любопытные исторические документы. К примеру, из стенограммы заседания сотрудников института по заслушиванию и обсуждению доклада «Стратегическая обстановка в бассейне Тихого океана» от 15 мая 1942 года мы видим, как профессор Иванов Л.Н. рассматривает Австралию и Новую Зеландию как одну из составных частей основных стратегических позиций Британии. Сидней в Австралии и Окленд в Новой Зеландии были базами британских доминионов, и профессор указывал на их роль в довольно мощной системе опорных оппозиций, прикрывавших важнейшие британские владения в выходы из Тихого в Индийский океан. Англия также создавала воздушные пути, и великая имперская магистраль проходила через Австралию и Новую Зеландию, которые обеспечивали возможность переброски английских воздушных сил.

22 августа 1945 года Генеральный секретарь международного института Тихоокеанских отношений г-н Картер снова совершает визит в Тихоокеанский институт АН СССР, в своей беседе Картер подчеркивает что теперь отпали все прежде существовавшие основания для неполного сотрудничества. Диалога между обеими сторонами не получилось, ввиду определённой политической обстановки, хотя к тому времени тематика института предусматривала изучение проблем современной истории и экономики важнейших тихоокеанских дальневосточных стран и перспектив международных отношений СССР со странами Тихого океана.

Конечно, Австралия и Новая Зеландия рассматривались в научных работах Тихоокеанского института не только с точки зрения их роли во Второй мировой войне. Научные сотрудники Тихоокеанского института писали работы на разные тематики, посвященные Австралии и Новой Зеландии. Каждая из них интересна, поскольку отражает те или иные события в этих странах с точки зрения советского ученого, каждая содержит уже несколько подзабытые факты и мысли. Разумеется, они отвечают духу того времени, например, научный сотрудник Летова Н.П. написала статью о влиянии октябрьской революции в России на рабочее движение в Австралии, в которой рассматриваются вопросы о лейбористской партии Австралии, её политической линии, забастовочные движения рабочих. Другими сотрудниками писались справки и обзоры по внешней политике Австралии. Попов К.М. занимался вопросами Новой Зеландии, рассматривая её в первую очередь как доминион Англии и составил справочный материал по данной стране. Все это, конечно интересно, но, к сожалению, невозможно охватить сразу все. И поэтому мне бы хотелось взять самое интересное и яркое из материалов архива того времени. Документ, о котором я бы хотела рассказать – это самый первый взгляд на Австралию глазами официального лица, посланного СССР в эту страну. В архиве фонда Тихоокеанского института есть стенограмма от 12 июня 1945 года доклада Михеева В.И. «Впечатления об Австралии». В докладе излагаются личные впечатления автора о стране, людях её населяющих и их жизни. С точки зрения человека, живущего в 2007 году это местами

курьёзный в чем-то документ, но с точки зрения истории он довольно любопытен. Я не буду брать весть доклад полностью, он достаточно объемён, но отдельные места хотелось бы процитировать.

Начинается доклад с описания того, как автор добирался до берегов Австралии. Это был 1942 год, и путь в Австралию сильно затруднялся ввиду военных действий. Дадим слово самому автору доклада:

«... Выехал я туда [в Австралию] в 1942 г. в мае, в период Сталинградских боёв и поскольку путь в эту страну был неизвестен, а я и моя жена были первыми официальными лицами, едущими в Австралию за эти 25 лет, нам пришлось самим изыскивать маршрут. Мы решили двинуться через Персию и оттуда двинуться дальше, заручившись визами 12 зарубежных стран. Но когда мы прибыли в Тегеран, выяснилось, что на Египет путь был закрыт, и нам пришлось лететь через Индию. Затем мы поездом совершили путешествие по внутренним районам Индии, проехав окружным путем через Дели. Мы прибыли в Бомбей за 5 дней до начала Всеиндийского конгресса. Познакомился я с журналистами и различными индусами, что дало мне возможность попасть на конгресс и наблюдать разгон демонстраций, митинги и стычки». Автор описывает кратко события в то время, происходящие в Индии, упоминая что «мне пришлось быть в числе жертв, которых сбросили с автобуса индусы, боровшиеся против штрейкбрехеров...»

И вот они берега Австралии – каково же самое первое впечатление?

«Мы прибыли в Западную Австралию в порт Фримэнт. Это небольшой городок, который служит портом для Перта. За несколько миль от берега мы удивились странным его очертаниям. Берег представлял собой какие-то непонятные совершенно правильной формы пирамиды золотистого цвета. На берегу мы узнали, что холмы эти были грузами пшеницы, скопившимися в течении последних двух- трёх лет в ожидании экспорта»...

В Австралии удивительно и непривычно все, некоторое недоумение у автора вызывает следующий факт, который он описывает в докладе: «В этом парке [Кингс- парк] нам показался очень странным обычай австралийцев: сотни легковых машин выстраивались вдоль дорог, фарами к городу, в них сидели люди, которые часами не выходили из машин, любуясь природой, хотя и погода была хорошей». Культура Австралии под большим влиянием Америки, через американские киноленты. «В основном танцуют американские танцы, поют голливудские песенки. Самой модной является та, которая была в последней картине кино». Автор сталкивается с аборигенами Австралии, рассказывая об этом так: «Деревня – питомник для аборигенов, построена недалеко от Сиднея... живут они необычайно грязно...попадают очень смышленные, я видел аборигена лет 16-ти, который жил в городе». Очень забавно упоминание о спорте в Австралии, конкретно – конном спорте. «Лошади – это болезнь Австралии...Каждый австралиец должен жить на земле, уметь ездить верхом и хранить традиции первых пионеров в Австралии... Наши друзья в Австралии, общество дружбы СССР использовали эту любовь австралийцев к лошадям и в последнее время появились две лошади, имеющие успех – Росси и Джо – в честь тов. Сталина». В докладе на полном серьезе обсуждаются достижения этих двух лошадей.

Посещение советского посланника Австралии вызвало оживление общественности. В советские времена интерес к СССР и их политике был огромный. «Еще на борту парохода в Фримэнтле нас атаковала группа журналистов, которые моментально разнесли весть о прибытии официальных советских людей. Печать и телеграф работают очень оперативно. Так что когда мы ехали в Перт, то местное радио уже сообщило что прибыли первые «советские большевики» и к нам в гостиницу начались хождения десятков людей всякого рода, и правые и левые, и коммунисты и некоммунисты, писатели, журналисты, работники университета, бывшие советские граждане, бывшие русские – с сотнями вопросов о всяких мелочах нашей жизни... Люди задавали массу вопросов – некоторые из них поражали и

удивляли автора, демонстрируя искаженное изображение СССР в Австралийской прессе. У нас сейчас это называется желтой прессой, в те времена автор возмущенно говорит о рижских и американских газетных «утках».

«Австралия отличается от многих стран тем, что лживые представления об СССР там были доведены до грандиозных размахов. Это объясняется тем, что в Австралии очень сильна была лейбористская партия ... Печать, падкая до сенсаций, с удовольствием использовала всякие небылицы, в частности, пользуясь информацией Риги, которая была знаменита своими «утками» об СССР.

Нам пришлось много раз сталкиваться с очень нелепыми вопросами. Действительно ли верно, что в СССР 7 человек спят под одним одеялом?»

Автор совершает поездку по стране поездом из Западной в Восточную Австралию. «Между штатами все еще существует грызня, которая явилась причиной долгого разобщения их. Свидетельство их – различные колеи железной дороги. Сейчас эти споры потеряли свой ожесточенный характер, хотя западные штаты чрезвычайно не любят восточные, потому что там больше населения, больше развита промышленность и там находится столица. Вечно они жалуются, что о них забывают и т.д.» В то время в каждом штате Австралии была своя колея, а в некоторых и две. За пять суток путешествия были сделаны пять пересадок, причем такой участи в те годы не избегали и грузы – перегружали грузовые поезда, и военные перевозки. Поэтому вся продукция заводов и уголь Ньюкастла направлялся в другие города пароходами. Руда из Южной Австралии в Порт Кэмбли транспортировалась также пароходами, и торговля между штатами в значительной степени развивалась благодаря каботажному плаванию.

По пути автор доклада сталкивается с проблемами местного населения – знаменитая кроликовая проблема Австралии. До этого Михеев сталкивался с ней лишь по описанию в литературе и признается что «только там [в Австралии] я увидел, насколько этот бич опасен...их миллиарды, они расплодились по всей стране и вынудили австралийцев построить идущие через всю страну заграждение из проволочной сетки. Этому делу посвящена целая отрасль. Австралия перегорожена с юга на север пару раз этими заборами. В каждом штате имеется свой собственный забор, и каждый крупный фермер огораживает свой участок этой плотной проволочной сеткой. И все же внутри этой сетки опять таки эти кролики поедают пастбища... С кроликами борьба идет жестокая... и все же сделать ничего не могут, даже в центре некоторых городов вы можете увидеть пару кроликов на шоссе».

Большую часть доклада автор посвятил статистическим данным крупных городов, их описанию, историческому прошлому и даже кратко отмечает отношения между жителями городов, проводя параллели с нашими городами. «Аделаида, как и Мельбурн возникла на золоте. В середине прошлого века Австралия пережила золотую лихорадку. Много народа съехалось со всех концов мира и на этой золотой лихорадке выросли города Аделаида и Мельбурн. Будущее благополучие Австралии также выросло на золоте, которое обеспечило страну валютой и населением... Между мельбурнцами и сиднейцами идет вечный спор – чей город лучше – как у нас между москвичами и ленинградцами».

Давая оценку развитию промышленности страны и роли Австралии на внешнем рынке, автор отмечает огромную роль овцеводства и сельского хозяйства в экономике страны. «На внешнем рынке Австралия выступает как аграрная страна. Её экспорт на 90%-продукты сельского хозяйства. Её собственно золотой фонд, её валютный фонд- это шерсть, мясо, масло и вообще продукция сельского хозяйства, которую она обменивает на промышленные товары за рубежом, главным образом в Англии и Америке».

Михеев обращает внимание на уничтожение фермерами деревьев ради улучшения своих пастбищ, говоря об этом так –

«Австралия в силу этого путешественнику кажется мрачной. Она вечно желтая. Миллионы деревьев стоят белыми призраками по стране, убитые фермерами на корню при

расширении пастбищ. Лишь в июне трава зеленеет, но эта зелень скучная, она какая-то бледная, так же как все цветы имеют бледные краски, а птицы в Австралии не поют»...В докладе приводится по этому поводу даже стихотворение знаменитого английского поэта, который, вернувшись из Австралии в Лондон, сочинил стихотворение, в котором были такие строчки:

«Прощай, Австралия,
страна, где птицы не поют,
где цветы не пахнут
и где девушки не имеют добродетелей».

Возвращаясь к теме овцеводства, надо сказать, что автор с интересом описывает достаточно подробно основную на его взгляд деятельность фермера – стрижку овец, с интересом наблюдая как и сам процесс стрижки овец, так и дальнейшую сортировку шерсти. « Основная работа – стрижка. Этой работой занимаются профессионалы, которые вечно живут на колесах. Они начинают свое путешествие с севера, где лето приходит раньше, двигаются на юг и потом опять с юга двигаются на север. Группа таких рабочих в 30-40 человек заключают через профсоюз с фермером договор, по которому фермер должен предоставить им жилье, продовольствие, радио, газеты, а их дело как можно быстрее остричь овец. Хороший «ширер» стрижет до 100 овец в день. Из этой стрижки овца выходит вся в крови. В лучшем случае у неё 3-4 пореза, обычно же этих порезов два-три десятка. Стригут овец почти по всей стране машинами. Ручной стрижки я в Австралии не видел... шерсть с ног идет в один ящик, шерсть с шеи – в другой, со спины – в третий и.т.д. Всего существует 14 сортов шерсти... Остриженная и упакованная шерсть в тот же или на следующий день отправляется в оценочный район... Большая часть шерсти уходит в Англию. Однако 35-40% всего груза есть ничто иное, как грязь. Шерсть до отправки не промывают, вывозят её за границу вместе с грязью».

Сами отношения Австралии с другими странами достаточно сложные, развитие промышленности во многом зависит от Англии и Америки. Большинство сырья для производства, скажем, самолетов, привозят из Канады, хотя имеются свои алюминиевые предприятия. В Австралии не хватает моторов для самолетов, они могут произвести лишь 30% нужного количества, остальное ввозят из Англии и Америки. Австралия не производит шарикоподшипников, поэтому ни один автомобиль из Англии и Америки они не могут выпустить. Автомобильная промышленность Австралии в те годы – это промышленность Форда и Дженераль Моторс, которые имеют свои заводы в Австралии. Естественно, что попытки наладить собственное производство наталкиваются на серьезное сопротивление англичан и американцев. Однако промышленность Австралия сумела развить. Например, в годы Второй мировой войны в Австралии налажены добыча и производство меди, причем в гораздо больших масштабах, чем ей необходимо. «Встает вопрос, что они будут делать с медью после войны, что они будут делать с продукцией других заводов, как например с чугунолитейных... Есть интерес к торговле с СССР, но особый интерес они проявляют к Китаю и Малаям. В настоящее время в самом Китае, а также Австралии и в Америке выдвигается идея о возможной широкой индустриализации Китая. Почему-то сложилась точка зрения у большинства редакторов газет, у интеллигенции в Австралии и Америке, что будущее Китая – это индустриализация, и сейчас уже началась борьба между Англией и Америкой за право участвовать в этой индустриализации, поставляя машины и ввозя капиталы. Австралийцы тоже рассчитывают на эту возможность. Поскольку они развили промышленность, поскольку у них ожидается излишнее количество товаров, они должны принять участие в индустриализации Китая – так сейчас рассуждают многие в Австралии».

Не оставляется вниманием и армия Австралии. «Австралийская армия принимала некоторое участие в египетской кампании. В этом отношении я расхожусь с австралийцами. Еще в 1942 г. фальсификация истории началась союзниками, и особенно здесь отличились англичане ... тем же занялись и австралийцы, которые с первых же дней войны стали приписывать себе немного больше, чем они сделали, раздувая незначительные операции в «большие бои» в печати. Австралийский солдат отличается от американского или английского солдата выносливостью, хорошим физическим сложением и тренировкой. Но он весьма недисциплинированный солдат, он офицера бьет, не отдает ему чести, он бунтует. Сержант в Австралии боится один пойти в лагерь, так как он – самая ненавистная для солдат фигура».

Кто же сами австралийцы? Автор с интересом наблюдает за ними, делает выводы по оценке самих австралийцев и читая публикации в прессе. «Они считают себя ленивыми людьми и не стесняются этого сказать. У меня есть пара брошюр, в которых этот вопрос обсуждается. Говорят, в этом виноват климат... Забастовки, которые довольно часты в Австралии... происходят иногда по смешным причинам. Например, на одной шахте горняк потерял брюки, оставил их в раздевалке, и в тот же день вся шахта бастовала против потерянных брюк.

У горняков имел место факт, когда люди устали от работы, проработав 15-20 дней, придумали причину и забастовали. Когда же пошли по домам ни одного рабочего на месте не оказалось все сидели на речке и ловили рыбу. Оказывается, они для этого и забастовали». Почему автор поднимает вопрос о лени австралийцев? Австралийцы в то время жалуются, что за 150 лет страна не сумела выдвинуть ни одного в мировом масштабе видного человека. Так как же это аргументировали сами австралийцы по словам Михеева? «И они говорят, что это происходит потому, что они по своей природе ленивы. Такие жалобы были опубликованы даже в печати».

Политическую обстановку, разумеется, автор не мог пропустить. «Четыре политических партии имеются в Австралии: лейбористская, аграрная, промышленная и коммунистическая. Кроме того, есть партии, которые насчитывают 10-15 человек. Коммунистическая партия была в подполье до 1942 года. Её легализовали в декабре 1942 года. По причине того, что не могли игнорировать её влияние в профсоюзах и других делах, особенно в военное время, но объясняли это установлением дипломатических отношений в СССР». Очень интересна фраза об отношениях коммунистической и лейбористской партии «... стыдливо прячась, лейбористские лидеры идут на встречи с коммунистическими лидерами». Что такое лейбористская партия в Австралии глазами Михеева? «типичная социал-демократическая партия, которая хвастается своим социализмом. Если же вы спросите у них, как они хотят построить свой социализм, то из десяти лейбористов один вам что-то туманно скажет, что такое социализм, а девять вообще не знают что это такое. Они Карла Маркса боятся больше, чем кого бы то ни было, Карл Маркс запрещен в лейбористской партии. Социализм у них означает «покупку частных предприятий и перевод их в государственные. Если постепенно закупить всю промышленность, тогда будет социализм» Однако в лейбористской партии имеется группа людей, которые раз в неделю выступает с заявлениями, что лейбористы не собираются строить социализм, и что господа капиталисты могут не бояться».

Остальные две партии упоминаются вскользь, лишь останавливаясь на личности лидера Сиднейской группы промышленной партии – некоем Хьюзе. «Люди пользуются любыми методами, чтобы очернить своего противника. Хьюз большой специалист во всех этих махинациях. Несмотря на его старость [79 лет] с ним очень считаются, хотя называют «старой лисой»».

Зарисовки портретов политиков Австралии носит несколько гротескный характер и вызывает улыбку, к примеру составленный портрет Эвата – представителя лейбористской партии «Он пришел к лейбористам недавно. По профессии он крупный адвокат. У австралийцев есть два крупных адвоката – Мензис консерватор и Эват. Они – враги. Мензис изумительный оратор, но совершенно беспринципный краснобай. Эват оратор скучный, но необычайно логичный, приводящий все требующиеся по данному вопросу документы.

Он неопрятен, вечно у него рубашка измята, галстук свернут в сторону, волосы растрепаны, на костюме пятна. Он не пьет и не курит.

Его жена – наследница крупных капиталов. Сам он составил себе капитал на своих книгах по праву и по истории Австралии... К нам он относится довольно хорошо, выступает на митингах с приветствиями по нашему адресу, с защитой и пр. Наши товарищи все с ним в хороших отношениях».

Кертен – также лейбористский деятель. «Попасть к нему очень просто. В 12 часов дня все вваливаются к нему, он сидит за столом, положив на него ноги и курит, причем курит только австралийские сигареты. Он менее образован, чем Эват, и больше является политиком. Чрезвычайно склонен к выпивкам. Настроен он к коммунистам враждебно, хотя никогда об этом не говорит. К Советскому Союзу относится не особенно дружественно».

Портрет американского генерала Мак-Артура также яркое и очень характеризует эту достаточно крупную фигуру «Американцы сами говорят, что у них есть два генерала, являющимися хорошими политиками, это Эйзенхауэр и Мак-Артур... Он, как и все американцы, религиозный человек, и все его приказы кончаются: да благословит вас бог. В связи с этим ходит один анекдот. Когда на о. Тимор высадились солдаты и у них иссякли боеприпасы, иссякли продукты питания, они послали телеграмму Мак – Артуру. Он ответил им телеграммой: « да благословит вас бог». Это вызвало тогда большое раздражение американцев. Мак-Артур – хитрый политикан...он очень любит рисоваться. Как только он высадился на Филиппинах, он сделал заявление «Я вернулся!»».

Наверное, подобных документов много в архивах различных учреждений. Чем они интересны для нас? В данном случае архив дал нам хорошую возможность заглянуть в окошко прошлого, вернуться на 65 лет назад, и попробовать посмотреть на Австралию глазами человека того времени. Это история. История развития начала отношений СССР с Австралией, и начало более глубоких исследований современной Австралии еще советскими востоковедами нашего института.

Самоидентификация в условиях полиэтничного общества: арабское диаспоральное сообщество в Австралии

Сарабьев А.В., к.и.н., ИВ РАН

Австралийское государство является полиэтничным по своему характеру. Этот тезис постоянно подчеркивается в заявлениях ведущих политиков и официальных лиц Австралии. Проблемы интеграции отдельных национальных общин в австралийское общество и неоднозначность их самоидентификации в условиях полиэтничного общества вызывают пристальное внимание социологов и культурологов. В последнее время ощущается тенденция рассматривать эти проблемы в политическом контексте. Этому способствовали и межэтнические столкновения декабря 2005 г., прокатившиеся по некоторым крупным австралийским городам, где одной из сторон были выходцы с Ближнего Востока, и активизация деятельности австралийских мусульман, в том числе арабов, в различных сферах.

В связи с этим, представляется важным рассмотреть вопрос самоидентификации австралийцев арабского происхождения, что заставит коснуться не только культурно-религиозной стороны вопроса, но отчасти и демографического и политического его аспектов, а также проблемы иммиграции арабов.

Первое, на что необходимо обратить внимание при оценке демографической ситуации, это высокий процент жителей Австралии смешанного происхождения: около 20% населения имеют ближайших предков четырех национальностей, а всего австралийцев-потомков смешанных браков насчитывается до 60% [1]. Этот факт служит объяснением тому, что в австралийском обществе этнические общины выделяются не строго по принадлежности к определенной нации, но в основном включают в себя представителей близких друг к другу наций и обозначаются по численно преобладающей нации. Например, тогда как доминирующее англо-кельтское население страны (около 70%) имеет сленговое наименование «осси» (aussie), арабов Австралии часто именуют на сленге «лебы» (lebs, сокращенное от lebanese), поскольку из всего разнообразия наций выходцев с Ближнего Востока и стран Магриба ливанцы составляют подавляющее большинство.

К началу XXI в. граждан Австралии ливанского происхождения насчитывалось 270,7 тыс. чел. (1,43%), тогда как выходцев из Ирака – 19 тыс. чел. (0,1%), из Сирии – 12 тыс. чел. (0,06%), из Египта – 7 тыс. чел. (0,04%), из стран Магриба – 8 тыс. чел. (0,04%), из стран Аравии и Персидского залива – 27 тыс. чел. (0,14%). На сегодняшний день процент ливанского происхождения еще выше за счет высокого показателя эмиграции из Ливана в Австралию.

Численность граждан Австралии, рожденных в Ливане, как свидетельствуют переписи населения, в 1954 г. составляла 3,86 тыс. чел., в 1971 г. – 24,2 тыс. чел., в 1986 г. – 56,47 тыс. чел., а в 2001 г. уже 71,35 тыс. чел. Для сравнения, принявших австралийское гражданство иммигрантов из Сирии в 2001 г. насчитывалось только 6,7 тыс. чел., из Иордании – 3,3 тыс. чел., из Ирака – 24,8 тыс. чел., из Кувейта – 2,4 тыс. чел., из Саудовской Аравии – 1,6 тыс. чел., из Омана – 366 чел., из Катара – 261 чел.). При этом общее число граждан, родившихся за пределами Австралии в 2001 г. составляло 23,1% от всего населения, а в 2004 г. – 23,6% .

В последние полтора десятилетия численность ливанских иммигрантов, получивших австралийское гражданство увеличивалась на 200-300 чел. в год. Однако показатель иммиграции из Ливана был гораздо выше этого числа – в среднем 1,3 тыс. чел. ежегодно. Такая разница объясняется тем, что большая доля ливанской иммиграции в Австралию носит характер кратковременной, то есть определенный процент въехавших в страну впоследствии

возвращается на родину. Кроме того, нужно учитывать некоторое количество иммигрантов, ожидающих получения австралийского гражданства, а также нелегалов.

Иммиграция арабов в Австралию по некоторым странам за 1995-2005 гг. (тыс. чел.)

	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Ливан	1,2	1,33	1,02	1,1	0,94	1,23	1,5	1,1	1,6	1,3	1,45
Ирак	2,54	2,6	1,97	1,8	1,5	1,67	1,63	1,37	2,82	1,9	1,94
Сирия	0,15	0,2	0,15	0,17	0,17	0,18	0,21	0,18	0,23	0,21	0,23
Иордания	0,2	0,15	0,19	0,11	0,14	0,12	0,18	0,12	0,16	0,19	0,24
Палестина	0,15	0,15	0,14	0,14	0,13	0,1	0,11	0,17	0,25	0,32	0,34
Кувейт	0,13	0,95	0,99	0,12	0,11	0,12	0,1	0,06	0,13	0,1	0,09

Источник: Government of Australia, Department of Immigration and Multicultural and Indigenous Affairs (составлено по: Институт миграционной политики, www.migrationinformation.org).

В результате иммиграции и непропорционального роста численности различных национальных общин, прогнозируется увеличение вдвое общины ливанцев, и некоторых других арабских общин (а также значительный рост китайской, филиппинской, индийской и др.), наряду с уменьшением численности населения англо-кельтского и германского происхождения.

Вопреки утверждениям некоторых СМИ о близости феномена парижских арабо-мусульманских пригородов с арабскими районами в австралийских городах, а следовательно, о правомочности сравнений противостояния с властями арабских иммигрантов во Франции осенью 2005 г. и столкновений молодежи арабского и европейского происхождения в Австралии в декабре 2005 г., можно с уверенностью утверждать обратное. В случае Австралии никак нельзя отождествлять арабскую общину и мусульманскую умму уже потому, что большая часть, так называемых, лебов исповедует христианство. Не только ливанские, но и сирийские переселенцы в Австралии, особенно в начале XX в., были в большинстве своем христианами. Среди современных иммигрантов-арабов действительно наибольший процент составляют мусульмане. Однако правильным будет рассматривать арабских мусульман Австралии как составную часть мусульманской уммы страны, учитывая при этом, что значительная часть ливанцев, сирийцев, палестинцев, египтян и иорданцев, получивших австралийское гражданство, исповедуют христианство. Последние остаются в рамках своей арабской культурной традиции и зачастую стремятся сохранять ее в условиях поликультурного общества.

В стране действуют несколько крупных исламских организаций, объединяющих граждан различных национальностей с их языковыми и культурными традициями. Большинство из них базируются в штате Нью-Саус-Уэльс, где проживает наибольшее число мусульман и где арабский язык является третьим по распространенности после английского и китайского. Мусульманская ассоциация защиты гражданских прав (AMCRAN), Австралийская исламская миссия (AIM), Австралийская федерация исламских советов (AFIC), Всемирный исламский молодежный центр (GIYC), Федерация австралийских мусульманских студентов и молодежи (FAMSY), Исламский центр развития (ICDA), Исламский информационный центр (IIC), Суннитско-исламская миссия (SIMA) и многие другие организации осуществляют деятельность в сфере образования, культуры и социальной поддержки в среде австралийских мусульман.

Мусульмане арабского происхождения считают себя, в первую очередь, членами австралийской уммы. Однако общность языка и склонность к сохранению исконной

традиции не позволяют выходцам из арабских стран сливаться в культурном отношении со своими единоверцами, скажем, из Юго-Восточной Азии.

Как и во многих странах, где существуют большие сиро-ливанские и иные арабские иммигрантские общины, в Австралии достаточно слабы контакты между земляками-арабами принадлежащими к разным конфессиям. Даже среди выходцев из Ливана чаще всего наблюдается четкое разделение по религиозному признаку. Нестабильная ситуация в самом Ливане, где конфессионализм ярко выражен во многих сферах жизни общества, вызывает живой отклик у представителей ливанской диаспоры Австралии, в среде которой наиболее активные ее члены группируются по политическим симпатиям.

Ярким примером тому может служить широко представленная в стране патриотическая ливанская организация Объединенное австралийско-ливанское движение (UALM), объединяющая по преимуществу христиан ливанского происхождения [2]. Хотя организация призывает своих членов содействовать скорейшей интеграции жителей Австралии с ливанскими корнями в австралийское общество, современные политические проблемы Ливана остаются для них животрепещущими; велика также связь с родиной и в культурной сфере. В политическом отношении члены организации являются сторонниками ливанской партии М. Ауна «Свободное патриотическое движение», и пропагандируют идеи своего лидера среди арабской диаспоры Австралии.

UALM регулярно проводит конференции и съезды своих сторонников. Летом сего года деятельность Движения была отмечена в официальном письме, направленном от лица премьер-министра Австралии Дж. Говарда по случаю празднования 9-го ежегодного Дня Австралии.

Кроме организаций, носящих политический характер, существует масса клубов и австралийских сетевых порталов арабской культуры (например, Австралийско-ливанская ассоциация Квинсленда, Австралийский арабско-ливанский портал www.daleelaustralia.com), что также свидетельствует о том, что исконная культурная традиция является для выходцев из арабских стран основой их культурной самоидентификации. Следует заметить, однако, что в символике некоторых организаций присутствуют явные националистические элементы, вроде очертаний австралийского материка, покрытого ливанским флагом.

Что касается взаимоотношения представителей арабского диаспорального сообщества Австралии с выходцами из других регионов мира и носителями других национальностей, то этот вопрос с 1998 г. детально изучается группой ученых из сиднейского Университета Нью-Саус-Уэльс под руководством проф. К. Данна. Исследования проводятся путем анкетирования и обработки данных. Результаты показывают, что немногим менее половины опрошенных недовольны привилегированным положением носителей английской культуры. В свою очередь, более половины населения настороженно относятся к исламу и мусульманам: еще в 2003 г. 41,5% опрошенных полагали, что ислам несет некоторую угрозу Австралии, а 15% считали, что ислам представляет определенную опасность для страны, тогда как только 36% не соглашались с этим [3]. В настоящее время настороженное отношение к мусульманам в австралийском обществе еще выше. Нужно учесть при этом, что все мусульманское население страны составляет всего около 1,5% от всего населения [4].

В то же время, по результатам опросов жителей Сиднея, выходцы с Ближнего Востока испытывают большую незащищенность от носителей других культур, чем выходцы из Европы или Северной Америки, однако, демонстрируют наибольшую толерантность по отношению к другим культурам [5].

Самоидентификация арабского диаспорального сообщества Австралии не может быть оценена однозначно, без учета ее внутренней неоднородности как в этническом, так и в конфессиональном аспектах. Только при анализе различных сторон общественной жизни выходцев из арабских стран в Австралии, с учетом культурных, религиозных и политических

различий, может сложиться цельное восприятие проблемы самоидентификации австралийских арабов. При этом только арабская культурная традиция является тем общим стержнем, вокруг которого формируется образ представителя «арабской» нации в Австралии.

Источники и литература:

1. Price Ch. Australian Population: Ethnic Origins // People and Place, Vol. 7, No. 4, с. 12.
2. См. сайт организации: www.ualm.org.au/
3. Dunn 2004, GTA Conference Proceedings, с. 32
4. Inglis Ch. Australia's Increasing Ethnic and Religious Diversity. December 2002.
5. Dunn K., Forest J. Constructing Racism in Sydney, Australia's Largest EthniCity // Urban Studies, Vol. 44, No. 4, April 2007, с. 710.

Внутренняя ситуация в Папуа – Новой Гвинее в конце XX – начале XXI века

В. Н. Тимошенко, к.и.н., Хабаровский государственный гуманитарный университет

Папуа – Новая Гвинея является гигантом Южнотихоокеанского региона. Ее территория (461690 кв. км) составляет три четверти территории всей Океании, а население (3,5 млн. человек) – две трети всего населения региона. ПНГ являлась также наиболее развитым государством. Обладая богатыми природными ресурсами, такими как кофе, какао, медь (2,5% всего мирового производства), золото (седьмое место по добыче) и нефть, Папуа – Новая Гвинея имела, по мнению специалистов и политиков, «большой потенциал для быстрого и длительного экономического роста».

Действительно, предпосылки для этого были. Политическая система в Папуа – Новой Гвинее, построенная по британскому образцу представлялась одной из самых стабильных в Океании и, казалось бы, должна была способствовать быстрому экономическому развитию. Однако именно внедрение в ПНГ Вестминстерской парламентской модели имело для страны негативные последствия. В условиях такой демократии (на выборах 1997 г. в стране было зарегистрировано более 20 политических партий) парламентские фракции воспринимали избранное правительство как устройство для того, чтобы представлять местные интересы, а не интересы национальные. Отличительной чертой этой новогвинейской демократии являлась способность «выбрасывать большое количество мошенников через избирательный процесс». В отличие от авторитарных режимов Африки и Азии, в ПНГ, как и в других странах Океании, выборы представляли собой «обильный товарооборот между слабыми политическими партиями и правящими деятелями и правительствами», при котором «проигравшие не теряли основные привилегии», что и обусловило «устойчивую приверженность демократии среди элиты островных государств» [2]. Однако лидеры ПНГ «оказались не в состоянии быть ответственными за права человека, равенство граждан, справедливое распределении ресурсов». Вместо этого они «имели тенденцию к заполнению собственных карманов, злоупотреблению общественным положением, мобилизации своих сторонников для защиты собственных интересов на основе своего наследственного положения и этнической принадлежности» [3].

С начала 90-х годов Папуа – Новая Гвинея оказалась перед растущими проблемами экономического и политического характера, сопровождавшиеся усилением межплеменной борьбы, ростом преступности и коррупции, сепаратистскими мятежами. Обострилась обстановка на границе с Индонезией, ухудшились отношения с Соломоновыми островами. В стране, наступил период «смутного времени».

Ухудшение ситуации в ПНГ связано с окончанием «холодной войны» и усилением процессов глобализации. Как и другие страны Океании Папуа – Новая Гвинея лишилась внимания со стороны своих бывших покровителей в связи с изменившейся геополитической и военной ситуацией в мире. Если ранее донорская помощь, поступающая в регион, расходовалась на поддержание общественного сектора и социальной сферы, то новые спонсоры, такие как Япония и Тайвань, пришедшие на смену США, Великобритании, потребовали более рационального экономического развития, основанного на качественном управлении и приватизации. По рекомендации МБРР и МВФ правительства государств Океании вместо того, чтобы защищать местных производителей стали старательно снижать защитные тарифы, создавая привлекательные условия для иностранных инвестиций. Вместо того чтобы поддержать развитие национальных проектов, они приступили к продаже общественных активов и оптовой приватизации государственных предприятий. Однако вместо ожидаемого роста экономики государства Океании получили массовую безработицу, усиление иммиграции, социальную напряженность и ухудшение криминогенной ситуации.

Даже в тех странах, где развитие частного сектора оказалось наиболее успешным, как отмечали специалисты из центра «Восток-Запад», достижения подчеркивали скорее «глобальный экономический рост, нежели демонстрировали национальное развитие» [4]. В этих странах произошла резкая дифференциация в доходах населения, что усилило социальное неравенство и обострило борьбу за распределение национальных богатств.

Главным фактором внутренней нестабильности в Папуа – Новой Гвинее является сочетание этнического самоопределения с борьбой за контролем над природными ресурсами. Землевладение и использование земельных ресурсов всегда играли главную роль в экономическом и общественном развитии народов Океании. Помимо обеспечения продуктами пропитания, земля имела особую социальную и духовную ценность в этом районе земного шара. Любые попытки изменения земельного статуса приводили к чувствительным проблемам для жителей островов. Так, землевладельцы на Бугинвиле еще с конца 60-х сопротивлялись открытию на острове медного рудника. Хотя, соблазненные высокими отчислениями от доходов добычи меди, они уступили давлению правительства ПНГ, вскоре стало очевидным, что никакие проценты не могли компенсировать бесчисленные социальные и экологические беды, вызванные осуществлением данного проекта. Даровые деньги только ускорили социальный распад местной общины и способствовали возникновению кризиса, переросшего в более чем десятилетнюю гражданскую войну. Подобные процессы происходили и в других районах ПНГ.

Папуа – Новая Гвинея охватывала десятки отдельных культурных и лингвистических общин, которые «не имели между собой ничего общего до независимости и не желают иметь ничего общего после ее достижения». Многие жители отождествляют себя исключительно со своим островом, со своей деревней, со своей языковой группой. Американские исследователи Д. Финин и Т. Уэсли-Смит отмечали, что «проблема многих государств Океании не в том, что они могут разъединиться, а в том, что они в действительности никогда не соединялись» [5]. Не удивительно, что именно эти государства испытали больше всех проблем при строительстве жизнеспособного этнического государства. Лидеры сепаратистского движения на Бугенвиле, например, долго оплакивали свою «несчастную колониальную историю», которая связала их политическую и экономическую судьбу с Папуа – Новой Гвинеей. В ПНГ они видят современного колонизатора, который эксплуатирует их природные богатства для своей выгоды.

В новом тысячелетии Папуа – Новая Гвинея вступила в полосу политической нестабильности. Происходила чехарда со сменами правительств, сопровождавшаяся многочисленными коррупционными скандалами. Отмечалось ухудшение состояния новогвинейской армии и ее возросшая политизация. Военное обучение, переподготовку и стажировки военный персонал армии ПНГ проходил исключительно в Австралии. В самой Папуа – Новой Гвинее в качестве инструкторов и советников работало порядка ста представителей австралийской армии. Однако, несмотря на усилия Канберры, военное строительство в ПНГ шло не совсем гладко. Специалисты отмечали крайне низкую дисциплину новогвинейских военных и их плохую военную выучку, что продемонстрировали события на Бугинвиле.

Не в силах собственными силами справиться с сепаратистами на Бугенвиле, правительство Д. Чана обратилось за помощью к международной организации наемников «Сэндлайн». Но против идеи использовать наемников выступил командующий вооруженными силами генерал Д. Синджерок, который полагая, что отпущенные на «Сэндлайн» деньги лучше было бы потратить на собственную армию. 16 марта 1997 г. верные ему подразделения арестовали наемников. Генерал призвал к отставке премьер-министра Д. Чана и министра обороны Иджейпа. Д. Чан отказался уходить в отставку и уволил Синджерока с поста командующего вооруженными силами, обвинив его в попытке

военного переворота. Однако солдаты в столичных казармах Муррэй Барракс отказались повиноваться новому командующему. Их поддержали студенты местного университета и толпы гражданского населения. В Порт-Морсби начались массовые демонстрации, сопровождавшиеся погромами и столкновениями с полицией. Возникла угроза прямого столкновения между армейскими подразделениями и полицейскими силами. Д. Чан вынужден был объявить о своей отставке. Примечательно, что наемники из «Сэндлайн» впоследствии отсудили у правительства ПНГ 13 млн. долларов за разорванный контракт.

«Дело Сэндлайн» широко комментировалась в политических и научных кругах, а также средствах массовой информации западных стран. Большинство аналитиков сходились во мнении, что Папуа – Новая Гвинея переживала глубокий политический кризис, кризис ее внутренней и внешней политики. Австралийский политолог Р. Мэй, например, считает, что «здоровая политическая система» ПНГ смогла пережить данный кризис, хотя события марта 1997 года продемонстрировали «рост напряжения в отношении между правительством и вооруженными силами, а так же усилили раскол в рядах самих вооруженных сил» [6]. Его коллега П. Симондс убежден в том, что «Папуа – Новая Гвинея стала жертвой империалистической интриги», которую плели мировые компании в борьбе за «самые богатые золотой и медный рудники в мире» [7]. Но самое главное, все обозреватели убеждены, что «дело Сэндлайн» сдвинуло с мертвой точки мирный процесс Бугенвильского кризиса. Во-первых, оно заставило главных спонсоров этого процесса Австралию и Новую Зеландию перейти к более решительным действиям по прекращению конфликта, во-вторых, убедило правительство Папуа – Новой Гвинеи в необходимости искать компромиссы, в-третьих, способствовало появлению некоторого доверия к вооруженным силам ПНГ со стороны сепаратистов. 10 июля 1999 года премьер-министр ПНГ Б. Скэйт согласился включить в повестку дня будущих переговоров вопрос о проведении референдума по политическому статусу острова. А пока острову предоставлялась широкая автономия в составе Папуа – Новой Гвинеи.

Мирное решение кризиса на Бугенвиле не привело к улучшению положения в самой Папуа – Новой Гвинее. Страна находилась в состоянии экономического упадка. Величина валового внутреннего продукта неуклонно снижалась. Жизненный уровень населения падал. Правительство оказалось не в состоянии обеспечивать свои обязательства по зарплате госслужащим и по погашению долгов. Резко сократились расходы на здравоохранение, образование, развитие инфраструктуры. Из-за неразвитости инфраструктуры многие чиновники просто были неспособны посещать отдаленные районы сельской местности и попросту разворовывали деньги, выделяемые из Фонда развития для отдаленных территорий. Следствием этого стало усиление межплеменных распрей и обострение борьбы за земельные ресурсы. Помимо Бугенвиля, беззаконие и волнения охватили практически всю страну.

Так, продолжался конфликт между рядом горных племен и жителями долины Маркхэм, требовавших компенсацию за проезд транспорта с горных рудников по их территории. В отместку восточные горцы устроили настоящую войну против деревень, расположенных в долине, убивая людей, сжигая дома, блокируя дороги и взрывая мосты с помощью взрывчатки, добытой из неразорвавшихся снарядов периода второй мировой войны.

Широкое распространение в Папуа Новой Гвинее получило такое специфическое явление как «рэсколизм» (raskolism). Словом «рэскол» (raskol) на языке пиджин-инглиш называли «плохих школьных мальчиков». В последствие оно стало использоваться для обозначения бесчинствующих молодежных банд в городах и поселках Папуа – Новой Гвинеи. Вооруженные холодным и огнестрельным оружием бандиты наводили страх и ужас на население страны. Полиция и армия оказались неэффективными в борьбе с ними. По мнению австралийского исследователя Б. Стэндиша, деятельность рэскол-банд была

обусловлена высоким уровнем безработицы среди молодежи, коррупцией среди чиновников и усилением неравенства между элитой и большинством населения страны [8]. «Племенные войны, насилие в городах, воровство, убийства, кражи и изнасилования – отмечали специалисты центра «Восток-Запад», – привели к проблеме общественного порядка достаточной серьезности, чтобы правительство сделало ее решение одной из главных целей в своей политике безопасности» [9].

Продолжало ухудшаться экономическое положение страны. Бюджет ПНГ в 1999 году с дефицитом в 80 млн. кин, по мнению специалистов, был абсолютно недееспособным. Национальная валюта обесценивалась быстрыми темпами. Новое правительство Б. Скэйта погрязло в многочисленных коррупционных скандалах. Самого премьера обвиняли авторитарном правлении, во взятках, связях с мафией и даже в педофилии. Средства массовой информации страны изобиловали материалами, показывающими факты злоупотребления властью, жадности и моральной низости своих лидеров. Выводимая с Бугенвиля деморализованная армия включалась в «наведение общественного порядка» в других районах страны и, «раздираемая изнутри региональными и этническими противоречиями стала серьезной угрозой для единства страны» [10]. После ожесточенной борьбы в парламенте в июле 1999 года правительство Б. Скэйта ушло в отставку. Новый премьер-министр М. Морота в своей программной речи сказал: «Мы предпочитаем порядок хаосу. Мы предпочитаем надежду отчаянию. Мы хотели бы дать нашим детям шанс на приличную жизнь в собственной стране, вместо падения в бедность и беззаконие» [11].

Главной задачей нового правительства было восстановления доверия к подорванным институтам власти, которые, по словам премьера, «являются необходимыми для нашей безопасности и нашего процветания» [12]. Были сняты со своих должностей многие высокопоставленные чиновники и военные. Основными задачами в области безопасности правительство объявило прекращение межплеменной вражды в южных горных районах страны и борьбу с «рэсколизмом». За последние годы только в провинции Энга в межплеменной войне погибло более 1 тыс. человек. Многочисленные источники сообщали о широком распространении в этой борьбе современного огнестрельного оружия закупаемого в Австралии и Индонезии на деньги от продажи наркотиков. В городах продолжали бесчинствовать рэскол-банды, которых часто использовали политические деятели и местные бизнесмены в своих интересах. Порт-Морсби превратился в один из самых опасных городов мира и больше напоминал скорее Йоханесбург, нежели один из городов мирной Океании. Каждую ночь в столице подвергались нападениям и ограблению около 40 домов. [13]. Грабежи, убийства и изнасилования стали повсеместным явлением, от которого не спасались даже иностранные граждане. Все попытки полиции навести порядок и «вытеснить» банды из города оказывались безрезультатными.

В таких условиях правительство М. Морота предприняла попытку реформировать вооруженные силы и уменьшить их роль в решении внутренних проблем безопасности. Но армию это явно не устраивало. В начале 2000 года солдаты организовали марш протеста у здания министерства обороны, требуя повышения денежного довольствия. В сентябре этого же года в день празднования 25- годовщины независимости страны взбунтовались военнослужащие, расквартированные в провинции Восточный Сепик, вынудив сбежать всю местную администрацию. Причина бунта была банальна. Солдат просто не кормили в течение нескольких дней. 25 сентября 2000 года сотни солдат в столице страны отправились маршем к центральному госпиталю «отвоевывать» тело своего товарища, застреленного полицией во время вооруженного ограбления. Марш сопровождался погромами и столкновениями с полицией. Назначенная парламентом комиссия по расследованию данного инцидента обнаружила, что управление вооруженными силами велось из рук вон плохо: жалование солдатам платили поздно, питание было недостаточным, обмундирование

изношено. Это вынуждало их заниматься преступной деятельностью и вступать в ряды рэскол-банд.

16 марта 2001 г. войска подняли новый мятеж. Солдаты потребовали удалить из страны «ненужных» австралийских и новозеландских военных советников, а также представителей Международного валютного фонда, Международного банка реконструкции и развития и австралийских бизнесменов. После обещаний премьера удовлетворить их требования мятежники сложили оружие. Как отмечалось в докладе, подготовленном для австралийского парламента, мартовский мятеж «служит дурным предзнаменованием для будущего Папуа – Новой Гвинеи как устойчивой системы гражданской демократии и уменьшает возможности эффективного решения социально-экономических задач и проблем безопасности» [14].

После этих событий о Папуа – Новой Гвинее все чаще стали говорить как о «несостоятельном государстве». В 2003 году австралийский Центр независимых исследований опубликовал два доклада под названиями «Папуа – Новая Гвинея на краю гибели» и «Помощь подвела Океанию» в которых утверждалось, что экономическая помощь «развратила» правящие круги ПНГ, породила принцип иждивенчества среди части населения и в большей степени способствовала экономическому кризису в стране.

Авторы докладов утверждали, что ПНГ катится к «экономическому параличу, правительственному краху и социальному отчаянию» [15]. По их мнению ситуация настолько серьезна, что Австралии следует забыв о политкорректности обсудить вопрос о повторной колонизации страны чтобы «предотвратить трагедию для описания которой не хватит воображения». [16]. С ними солидарен профессор Х. Уайт из Центра стратегических исследований Австралийского Национального университета. Он говорил, Папуа – Новая Гвинея слишком слаба как государство, чтобы «удовлетворить основные требования общества, чтобы быть в состоянии расти, процветать и функционировать» [17]. Специалисты из Центра по изучению африканской экономики Оксфордского университета Л. Чавет, П. Колльер и А. Хоффлер провели специальное исследование на предмет состоятельности независимых государств Океании. Выделив, основные критерии «несостоятельных государств» и проследив динамику их экономического, политического и социального развития с 1977 по 2006 год они пришли к выводу, что из десяти стран Океании два точно соответствуют категории «несостоятельных государств» – это Папуа – Новая Гвинея и Соломоновы Острова [18].

Многие специалисты с такими выводами не соглашаются. Так, Рон Мэй писал, что тенденция рассматривать Папуа – Новую Гвинею как «несостоятельное государство» является неправильной, так как Океания не Африка и здесь имеются возможности «усилить способности государства по поддержанию законности и порядка и обеспечить приемлемый уровень жизни населения» [19]. Р. Мэй и другие предлагают применять для таких стран как ПНГ термин «неустойчивое государство». В принципе с этим позднее согласилась и Сюзанна Уиндибанк, один из авторов доклада «Папуа – Новая Гвинея на краю гибели». Она считает, что у ПНГ есть шанс «выкарабкаться» несмотря на «серьезную экономическую и политическую неустойчивость». Сделать это можно будет только с помощью Австралии и при условии проведения в ПНГ необходимых политических и экономических реформ [20]. Хотелось бы добавить, что ответственность за ситуацию в Папуа – Новой Гвинее, должны разделять не только Австралия, но и другие развитые страны, чьи экономические и политические интересы довели страну до такого состояния.

Источники и литература:

1. Problems in Paradise: United States Interests in the South Pacific. Report of a Congressional delegation to the South Pacific. August 5-6, 1989. – US Government Printing Office, Washington 1990, P. 67
2. Ben Relly. The Africanisation of the South Pacific // Australian Journal of International Affairs, Vol. 54, No. 3, 2000, P. 262
3. Security in Oceania in the 21st Century. Ed. by Eric Shibuya and Jim Rolf. – Asia-Pacific Center for Security Studies. Research Publications. East-West Center, 2003, P. 27
4. Gerard A. Finin and Terence A. Westley-Smith. Coups, Conflicts, and Crises: The New Pacific Way? – East-West Center Working Paper No. 13, June 2000, P. 18
5. Ibid.
6. May R. A brief overview of Pacific security issues // State, Society and Governance in Melanesia Project conference papers. 2004. Research School of Pacific and Asian Studies, Australia National University. (http://rspas.anu.edu.au/papers/melanesia/conference_papers/0403_vanuatu_1_may.pdf)
7. Peter Symonds. PNG: Behind the Sandline Mercenary Affairs// World Socialist Web Site, 28 April 1997 (<http://www.wsws.org/sections/category/news/au-png.shtml>)
8. Papua New Guinea in 1992 // Asian Survey. University of California Press. Vol XXXIII, No. 2, February 1993, P. 211; The Pacific Islands: Politics, Economics, and International Relations.- East-West Center, Honolulu, 1993, P. 34
9. The Pacific Islands: Politics, Economics, and International Relations.- East-West Center, Honolulu, 1993, P. 35
10. State and Society in Papua New Guinea: the First Twenty Five Years.- Canberra: Australian National University Press. Electronic version 2001 (<http://epress.anu.edu.au/sspng/frames.php>)
11. Post-Courier, 15 July 1999
12. Papua New Guinea 1999: Crisis of Governance, Joint Standing Committee on Foreign Affairs, Defence and Trade. Australian Parliament. Research Paper No. 4 1999-2000. Canberra: Commonwealth of Australia 2000 (<http://www.aph.gov.au/library/pubs/rp/1999-2000/2000rp04.htm>)
13. BBC News, Thursday, 9 December, 2004 (http://news.bbc.co.uk/2/low/programmes/from_our_own_correspondent/4081685.stm)
14. Crisis in Papua New Guinea: Military Mutiny and the Threat to Civilian Democratic Rule Joint Standing Committee on Foreign Affairs, Defence and Trade. Australian Parliament. Research Paper No. 27 2000 – 2001. Canberra: Commonwealth of Australia 2001 (<http://www.aph.gov.au/LIBRARY/pubs/RN/2000-01/01RN27.htm>)
15. Susan Windybank and Mike Manning. Papua New Guinea On the Brink// The Center for Independent Studies Issue Analysis, No 30 – 12 March 2003 (http://www.exkiap.net/articles/cis20030312_png_on_brink/ia30.htm); Helen Hughes. Aid has failed the Pacific// The Centre for Independent Studies Issue Analysis, No 33 – 7 May 2003 (http://www.exkiap.net/articles/cis20030507_failed_aid/ia33.htm)
16. Ibid.
17. Papua New Guinea – breaking the umbilical cord // Reportage. Magazine of the UTS Journalism program and the Australian Center for Independent Journalism. Posted 24 October 2004 (<http://www.reportage.uts.edu.au/stories/2005/world/png.htm>)
18. Lisa Chauvet, Paul Collier and Anke Hoeffler, “Paradise Lost: The Costs of State Failure in the Pacific,” paper prepared for the World Institute for Development Economics Research, November 2006 (users.ox.ac.uk/~ball0144/paradise07Nov06.pdf)
19. May R. A brief overview of Pacific security issues // State, Society and Governance in Melanesia Project conference papers. 2004. Research School of Pacific and Asian Studies, Australia

National University. (http://rspas.anu.edu.au/papers/melanesia/conference_papers/0403_vanuatu_1_may.pdf)

20. International Herald Tribune , April 8, 2003

Остров Новая Россия (к истории подготовки первой экспедиции Н.Н. Миклухо-Маклая на Новую Гвинею)*

Тумаркин Д.Д., д.и.н., ИЭА РАН

Опираясь на неопубликованные архивные документы и рассматривая события в широком контексте эпохи, автор выявил новые подробности подготовки этой экспедиции. В частности, показана роль крупных государственных чиновников Ф.Р.Остен-Сакена и Н.В.Каульбарса – сторонников русской экспансии на Тихом океане – в обеспечении плавания Н.Н.Миклухо-Маклая на «Витязе». Вначале ученый предполагал по прибытии на Новую Гвинею провести рекогносцировку по р. Кикори, впадающей в залив Папуа, а затем высадиться для проведения долговременных исследований в заливе Гумбольдта (северо-западное побережье). Но изменение маршрута «Витязя» в связи со сложной международной обстановкой привело к тому, что Н.Н.Миклухо-Маклай высадился на побережье залива Астролябия (северо-восточное побережье), где до него не ступала нога европейца.

В декабре 1869 г. в немецком географическом журнале, редактируемом известным географом и картографом Аугустом Петерманном, появилась его большая статья «Новая Гвинея. Немецкие призывы от антиподов». В начале статьи Петерманн привел письма двух немцев, поселившихся в Австралии, – пастора и купца. Они призывали Германию – точнее Северогерманский союз, возглавляемый Пруссией, – аннексировать огромный сказочно богатый природными ресурсами остров Новую Гвинею и расположенные поблизости от нее крупные меланезийские острова, основав для начала колонию на юго-восточной оконечности Новой Гвинеи [1]. Косвенно поддержав их аргументы, маститый географ дипломатично воздержался от прямого призыва к аннексии: «Пусть другие займутся овладением и колонизацией Новой Гвинеи, мы же должны ограничиться заявлением, что полнейшее исследование этой части земли – один из наиболее актуальных вопросов географии». «Когда посылают экспедицию за экспедицией в покрытые льдами полярные регионы, – продолжал Петерманн, – когда для исследования <...> Африки беспрестанно тратят миллионы и жертвуют множеством драгоценных человеческих жизней <...> когда с большими жертвами пересекают в разных направлениях малопривлекательные и унылые внутренние районы Австралии, когда каждый год посылают дорогостоящие экспедиции, чтобы добыть с величайших океанских глубин пригоршню ила с инфузориями <...> – не следует ли наконец обратить внимание на эту великолепную островную страну, вглубь которой еще не проникал белый человек, и чьи берега кое-как описаны лишь в некоторых местах, хотя она была открыта еще в 1526 г.»[2]. Статья Петерманна побудила Н.Н. Миклухо-Маклая, готовившегося тогда в Германии к экспедиции на Тихий океан, сделать окончательный выбор – поставить в центр своих намечаемых исследований в Южной Пацифике огромную и таинственную Новую Гвинею. Ученый понял, что не следует терять время, если хочешь стать там одним из первопроходцев.

Статья Петерманна привлекла внимание не только географов и путешественников, но и чиновников правительственных ведомств ряда государств, в том числе и России. В Архиве Русского географического общества (РГО) сохранилась копия докладной записки действительного члена Общества барона Н.В. Каульбарса о желательности русской колонизации на Тихом океане. Записка не имеет адресата и датирована 22 мая (3 июня) 1870 г. «В одном из №№ Petermanns Geographische Mittheilungen, – писал Каульбарс, – <...>

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 05-01-01077а.

Пруссии предлагают основать колонию на выдающейся в море юго-восточной части острова Новой Гвинеи или на островах Новой Ирландии, Новой Британии и Соломонова архипелага. Не пускаясь в рассуждение о том, какую пользу могла бы извлечь из этой колонии Пруссия, обращаю внимание на то, какие огромные выгоды могла бы иметь Россия, если бы обратила взор на один или несколько из упомянутых островов» [3]. «Англия, например, вследствие искусно обдуманного плана, – подчеркивал Каульбарс, – сумела расположить свои колонии так, что почти все главные пути всемирной торговли примыкают или пересекаются на ее территории. Россия, как держава по преимуществу сухопутная, вследствие своего географического положения, не имела тех средств, а историческое ее развитие не позволило ей до сих пор думать о дальних странах. В настоящее же время и наша торговля достигла такого развития, что в очень недалеком будущем и она будет нуждаться в опорных пунктах. Таким опорным пунктом с пользой могли бы служить острова Соломонова архипелага, а еще лучше Новая Британия и Новая Ирландия» [4].

По словам Каульбарса, «острова эти, лежащие между экватором и 10<-м> градусом южной широты, изобилуют всеми произведениями тропического пояса, а потому обладание ими представило бы большие выгоды для русской торговли». Здесь сравнительно здоровый климат, «найдется множество хороших и удобных гаваней», а местные жители, «папуанцы», не столь свирепы и кровожадны, как считалось раньше. Колония в этих широтах обеспечит России большие стратегические и торговые преимущества и, в частности, позволит наладить отсюда взаимовыгодные контакты с Китаем и Австралией. Каульбарс разработал план создания колонии, предусматривавший использование труда ссыльнопоселенцев, с тем чтобы по мере устройства колонии они были заменены свободными переселенцами. Однако он предупредил, что предварительно нужно произвести «точное исследование на месте, а следовательно, должна быть снаряжена экспедиция, сопровождаемая людьми компетентными и учеными по всем отраслям естествознания» [5].

В записке говорилось, что для доставки участников экспедиции в место проведения исследований и их дальнейших перевозок можно использовать русские военно-морские суда, которые ежегодно посылают в Тихий океан для замены судов, возвращающихся на Балтику. К этому месту записки Каульбарс сделал примечание: «Так, например, нынешнюю осень отправляется в Восточный океан корвет «Витязь» под командою П.Н. Назимова; на этом же судне идет на остров Новую Гвинею русский зоолог Н.Н. Миклухо-Маклай» [6]. Автор записки подчеркнул, что «эти роскошно одаренные природой острова до сих пор даже номинально никому не принадлежат, а потому никто <не> был бы вправе препятствовать России утвердиться на них», и в заключение выразил надежду, что скоро на Тихом океане появится остров Новая Россия [7].

Каульбарс не предлагал, по крайней мере на первых порах, овладеть огромной Новой Гвинеей, но считал необходимым ее всестороннее изучение. Поэтому он приложил к своей записке краткую «Программу для исследования острова Новой Гвинеи», которая предусматривала широкомасштабные картографические, физико-географические, зоологические, этнографические и иные изыскания, возможные лишь при использовании экспедиционного судна с учеными разных специальностей [8].

При ознакомлении с запиской Каульбарса бросается в глаза его хорошая осведомленность: он с уверенностью пишет о том, что Миклухо-Маклай отправляется на Новую Гвинею, хотя сам ученый до возвращения в Россию в июле 1870 г. лишь самым доверенным лицам сообщал, какой остров в Южной Пасифике он решил сделать полем своих исследований. Разгадка проста: Каульбарс был не только действительным членом РГО, но и офицером Генерального штаба. Он поддерживал тесные контакты с секретарем РГО Ф.Р. Остен-Сакеном (1832–1912), который активную деятельность в РГО совмещал со службой в Азиатском департаменте МИД'а. Военный зарубежник, или, проще говоря, разведчик,

Каульбарс снабжал высокое начальство информацией и проектами по военно-политическим вопросам.

Барон Николай Васильевич Каульбарс (1842–1905) окончил училище гвардейских юнкеров и Николаевскую академию Генерального штаба. В 1870-х годах он специализировался в основном по Балканам, где выполнял как официальные, так и конфиденциальные поручения. В 1881–1886 гг. он был военным агентом (военным атташе) в Вене, которая превратилась при нем в один из важных центров русского шпионажа в Юго-Восточной Европе. Многие годы он занимался изучением армий западноевропейских государств.

Каульбарс был способным картографом. Его своеобразным хобби было картографирование бассейна Тихого океана. Поэтому не случайно он выступил с колонизационным проектом, касавшимся этого региона. В 1875 г. Каульбарс выпустил первую русскую карту Австралии и Новой Гвинеи, на побережье которой он показал местность, где в 1871–1872 гг. проводил исследования Миклухо-Маклай. Именно ему Совет РГО в 1889 г. поручил разобрать и оценить в научном отношении публикации, рукописи, рисунки и другие хранившиеся в беспорядке материалы, которые остались после смерти «белого папуаса».

Каульбарс выразил в своей записке мнение, что русская колония в Меланезии должна со временем получить права и привилегии, которыми обладала недавно ликвидированная Российско-американская компания⁹. Это наводит на мысль, что он принадлежал к числу тех офицеров и чиновников, которые были недовольны состоявшейся в 1867 г. продажей Аляски и выступали за усиление роли России на Тихом океане. Сходных взглядов придерживался Ф.Р. Остен-Сакен. Он был единственным сотрудником МИД'а, кто открыто выступил в декабре 1866 г. против подготавливаемого решения о продаже Русской Америки. Узнав о созыве секретного совещания с участием царя для решения этого вопроса, молодой сотрудник Азиатского департамента представил записку, в которой доказывал, что Аляска в будущем принесет большую пользу России, и в завершение заявил: «<...> Казалось бы, что нынешнее поколение имеет святую обязанность сохранить для будущих поколений каждый клочок земли, лежащей на берегу Океана, имеющего всемирное значение» [10]. Академик Н.Н. Болховитинов охарактеризовал записку Остен-Сакена как «единственный документ с решительными возражениями против продажи русских владений в Америке» [11].

Остен-Сакен энергично поддержал проект многолетней экспедиции на Тихий океан, представленный в сентябре 1869 г. в Совет РГО Н.Н. Миклухо-Маклаем, привлек к поддержке этого проекта видного деятеля РГО П.П. Семенова (впоследствии – Семенова-Тян-Шанского), а также помог будущему знаменитому путешественнику преодолеть противодействие вице-председателя РГО – престарелого адмирала Ф.П. Литке [12]. Зная, что по уставу сфера деятельности РГО ограничена Россией и сопредельными территориями, Николай Николаевич в своем проекте обещал «обратить преимущественное внимание на моря, омывающие русские берега, т.е. Охотское и Японское», и лишь упомянул, что «полагает не ограничивать своих исследований одною северною частью этого (Тихого. – Д.Т.) океана» [13]. Однако в феврале 1870 г., находясь в Йене, ученый решил, что пора приподнять завесу над своими планами, и, несмотря на предостережения, сообщил Остен-Сакену, что намерен остаться по меньшей мере 3–4 года на островах южной части Тихого океана, а «потом только подняться на Север» [14]. Отчаянно нуждаясь в деньгах, он тем не менее в марте написал Остен-Сакену, что скорее откажется от пособия, обещанного Советом РГО, чем согласится на изменение плана и программы экспедиции [15]. Миклухо-Маклай серьезно рисковал. Но он правильно предугадал реакцию руководителей РГО. Остен-Сакен, Семенов, а под их влиянием и Литке предпочли «не заметить» строптивости молодого ученого. 29 апреля (11 мая) 1870 г. Совет РГО назначил Миклухо-Маклаю пособие в размере

1200 рублей [16], а десять дней спустя управляющий Морским министерством в ответ на просьбу Литке известил его о том, что «последовало Высочайшее разрешение естествоиспытателя Миклухо-Маклая принять на корвет «Витязь» для совершения путешествия к берегам Тихого океана <...> и ему позволено впоследствии вернуться на одном из судов, возвращающихся оттуда в Балтику» [17]. Остен-Сакен споспешествовал, как тогда выражались, исполнению планов Миклухо-Маклая прежде всего потому, что многолетние исследования русского ученого на островах Южной Пацифики могли способствовать – пусть в отдаленной перспективе – упрочению позиций России на Тихом океане. В бумагах ученого мы нашли письмо Остен-Сакена, в котором были строки, проливающие свет на причины его поддержки проекта Миклухо-Маклая: «Это будет особенно кстати, потому что Тихий Океан со временем должен быть Русским Океаном» [18].

Нам не удалось обнаружить следы рассмотрения предложений Кульбарса в правительственных ведомствах. Но не подлежит сомнению, что с содержанием его записки был ознакомлен Главный начальник флота и морского ведомства (на правах министра и в чине генерал-адмирала) великий князь Константин Николаевич, который состоял также председателем РГО. В ближайшем окружении царя он был одним из главных сторонников продажи русских владений в Америке и выступал против приобретения далеких заморских территорий [19]. Уже одно это предопределило судьбу амбициозного проекта Каульбарса. Но дело было не только в личной позиции всесильного генерал-адмирала. Продав Русскую Америку Соединенным Штатам, правительство Александра II продемонстрировало ограниченность сил и возможностей России на Тихом океане и, более того, продолжение курса на континентальный, а не морской, океанический путь расширения империи. В «высших сферах» Петербурга не помышляли тогда о колониальной экспансии на Тихом океане, а заботились об обеспечении надежной защиты Камчатки и других русских дальневосточных окраин, о закреплении в Приамурье, недавно присоединенном к России.

8(20) августа 1870 г. записка Каульбарса – с некоторыми сокращениями и редакционной правкой – была напечатана в газете «Санктпетербургские ведомости». Скорее всего, барону разрешили опубликовать записку после того, как его предложения были полностью отвергнуты и с них спала пелена секретности. Но не исключено, что обнародование записки было одним из элементов сложной игры, которую сразу же после начала франко-прусской войны, вспыхнувшей в июле 1870 г., затеяла русская дипломатия, подготавливая условия для денонсации унизительных для России условий Парижского договора 1856 г.

В газетном варианте в примечание о Миклухо-Маклае было внесено небольшое добавление: «который, вероятно, не откажется, со своей стороны, взять на себя часть исследований, если бы корвету было бы дано подобное поручение» [20].

Ошибочно полагать на основании этого добавления, что Н.Н. Миклухо-Маклаю и командиру «Витязя» П.Н. Назимову действительно поручили провести на побережье Новой Гвинеи рекогносцировку в духе «Программы исследований», составленной Каульбарсом. «Витязю» было предписано следовать на Тихий океан традиционным маршрутом, проходящим в стороне от Новой Гвинеи. Николаю Николаевичу предстояло покинуть корвет в Батавии (ныне Джакарта) и оттуда на свой страх и риск добираться до вожделенного острова, что ставило под вопрос успех его экспедиции [21]. Лишь в конце сентября 1870 г., незадолго до выхода «Витязя» из Кронштадта – благодаря заступничеству великой княгини Елены Павловны, с которой ученого познакомил П.П. Семенов, – генерал-адмирал разрешил Назимову, отклонившись от маршрута, высадить «ученого путешественника» на Новой Гвинее и затем незамедлительно следовать на соединение с отрядом русских военно-морских судов на Тихом океане, который в перерывах между патрулированием российских берегов обычно стоял в японском порту Нагасаки [22].

Что же касается самого Миклухо-Маклая, то он решил отправиться в трудную и смертельно опасную экспедицию на Новую Гвинею, надеясь сделать там крупные открытия, которые принесут ему широкую известность и впишут его имя в историю науки, а отнюдь не в качестве эmissара русского правительства. Проведя 15 месяцев на побережье залива Астролябия, куда за ним пришел клипер «Изумруд», Николай Николаевич отправил в РГО «Краткое сообщение о моем пребывании на восточном берегу о. Новой Гвинеи в 1871 и 1872 годах», в котором рассказал, как ему удалось преодолеть настороженность людей каменного века и завоевать их любовь и доверие, что позволило «свободно заглянуть в семейную и общественную жизнь папуасов, видеть многие обычаи и при частых сношениях изучить их язык» [23]. Никакой информации «прикладного характера» ученый в Петербург не посылал, да от него и не ожидали там таких сообщений.

Надежды Миклухо-Маклая в основном оправдались. Ему удалось зафиксировать многие элементы самобытной культуры и быта обитателей Бонгу и соседних деревень, расположенных на той части побережья, которую ученый назвал Берегом Маклая. Эти наблюдения над первобытными людьми, жившими в почти полной изоляции от внешнего мира, не утратили своего значения до наших дней. Путешествуя по Меланезии и Микронезии, Николай Николаевич столкнулся с трагической действительностью – захватом в рабство, спаиванием, ограблением и убийством островитян европейскими и американскими моряками и торговцами. Совершающиеся злодеяния потрясли Миклухо-Маклая, и он начал многолетнюю и неравную борьбу в защиту человеческих прав папуасов и других океанийцев. Эта сторона деятельности «человека с луны» получила подробное освещение в научной литературе [24]. Но у этой деятельности имелась и другая сторона, которая замалчивалась или затушевывалась биографами Миклухо-Маклая в советский период, когда получили дальнейшее развитие его идеализация и мифологизация – процессы, начавшиеся еще в конце XIX в.

Дело в том, что в середине 1870-х годов начался колониальный раздел еще «свободных» островов Океании между морскими державами. Этот, как выражался ученый, «бесцеремонный дележ» встревожил Миклухо-Маклая. Николай Николаевич пришел к заключению, что Россия «пока не поздно» должна позаботиться о своих интересах в этом регионе, о чем он – судя по его письмам и дневникам – не задумывался, отправляясь в экспедицию на «Витязе» и во время первого пребывания на Новой Гвинее. С осени 1875 г. Миклухо-Маклай начал посылать письма вице-председателю РГО, а потом царю, министрам и некоторым другим российским сановникам с призывами установить протекторат над Берегом Маклая, с 1879 г. – основать военно-морскую станцию на одном из тихоокеанских островов, с 1883 г. – позаботиться о русской сфере влияния в Океании и, наконец, незадолго до своей смерти, в 1887 г., выдвинул проект создания русской переселенческой колонии на таинственном «острове М». Однако в Петербурге, несмотря на некоторые колебания, остались верны решению не участвовать в колониальной экспансии на просторах Тихого океана.

Как совместить призывы Миклухо-Маклая создать военно-морскую станцию и переселенческую колонию на тихоокеанских островах с его борьбой в защиту человеческих прав островитян Океании? Прежде всего, ученый исходил из предпосылки, что «приобретение местности или местностей, удобных для склада угля и проч. может быть сделано путем мирным, без нарушения прав собственности туземцев», или, как он позднее подчеркивал, «с полного согласия туземцев, без малейшего обмана и насилия» [25]. Более того, русские военные моряки в отличие от европейских и американских шкиперов, торговцев и плантаторов не только не стали бы эксплуатировать обитателей этих местностей, но самим фактом своего присутствия защитили бы их от «охотников на черных дроздов» и других чужеземных угнетателей. Сходную функцию, по мнению исследователя, выполнял бы

русский протекторат над Берегом Маклая, который, как он полагал, «избавит многие тысячи туземцев с одной стороны от постоянных войн и постоянного страха быть ограбленными, убитыми и подчас съеденными соседними племенами, с другой – от нередко встречающихся в этой части света случаев людокрадства, рабства, насилия, несправедливого захвата земли белыми и т.д.» [26]. Что же касается переселенческой колонии, то такой хорошо осведомленный человек, как П.П. Семенов, впоследствии писал, что ученый имел в виду «установить между русскими колонистами и туземцами такие отношения, которые соединили бы интересы этих колонистов с интересами туземцев и вместо эгоистической их эксплуатации обеспечили их от грозящего им полного уничтожения» [27]. Иными словами, Миклухо-Маклай, «переходя с чисто русской точки зрения на более обширную точку зрения человеколюбия, гуманности и цивилизации» [28], пытался совместить геополитические интересы России с защитой островитян от злодеяний колонизаторов. Ученый был человеком своего времени (а не идеальным героем, как полагал Л.Н. Толстой [29]), и в рамках господствовавших тогда представлений его патриотическое желание видеть Россию в числе держав, имеющих опорные пункты в Океании, не противоречило его гуманистическим устремлениям.

В 1884 г. Германия аннексировала северо-восточную Новую Гвинею, включая Берег Маклая, и острова Северной Меланезии. Новая Британия была переименована в Новую Померанию, а Новая Ирландия – в Новый Мекленбург. Новые названия сохранились до конца первой мировой войны, когда побежденная Германия лишилась всех своих колоний и этим двум островам были возвращены прежние названия, присвоенные им английскими мореплавателями XVIII в. Что же касается проекта барона Каульбарса, предусматривавшего появление на карте острова Новая Россия, то это эпизод, нередкий в истории колониальной политики европейских держав и США, – проект овладения некоей территорией, отвергнутый властями соответствующего государства.

Источники и литература:

1. <Petermann A.> Neu-Guinea. Deutsche Rufe von den Antipoden // Petermann's Geographische Mittheilungen. 1869. Bd. 15. Hf. 11. S. 401–405. Объединение Германии под эгидой Пруссии завершилось в январе 1871 г. созданием Германской империи.
2. Ibid. S. 405, 406.
3. Архив Русского географического общества (далее – АРГО). Ф. 6. Оп. 2. Д. 28. Л. 1.
4. Там же. Л. 1–1 об.
5. Там же. Л. 2 об.–3 об.
6. Там же. Л. 4.
7. Там же. Л. 3 об., 5 об.
8. Там же. Л. 7–7 об.
9. Там же. Л. 5.
10. Цит. по: История Русской Америки, 1732–1867 / Под ред. Н.Н. Болховитинова. Т. 3: Русская Америка от зенита к закату, 1825–1876. М., 1999. С. 342. Здесь опубликован полный текст записки Ф.Р. Остен-Сакена.
11. Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834–1867. М., 1990. С. 188.
12. См.: Тумаркин Д.Д. Николай Николаевич Миклухо-Маклай (Биографический очерк) // Миклухо-Маклай Н.Н. Собр. соч. в шести томах (далее – СС). Т. 6. Ч. 1. М., 1999. С. 562–564.
13. Известия Императорского Русского географического общества (далее – Известия РГО). 1869. Т. 5. № 8. Отд. 1. С. 298–299.

14. Петербургский филиал Архива РАН (далее – ПФ АРАН). Ф. 143. Оп. 1. Д. 40. Л. 64. Это письмо, отправленное 16 февраля 1870 г., к сожалению, не сохранилось и цитируется по ответному письму Остен-Сакена от 2 марта. В дальнейшем Миклухо-Маклаю так и не довелось приступить к изучению фауны морей, омывающих русские дальневосточные берега.
15. СС. Т. 5. М., 1996. С. 46.
16. Известия РГО. 1870. Т. 6. № 6. Отд. 1. С. 147.
17. АРГО. Ф 1–1869. Оп. 1. Д. 19. Л. 18–19.
18. ПФ АРАН. Ф. 143. Оп. 1. Д. 40. Л. 56. Письмо Остен-Сакена Миклухо-Маклаю не датировано, но, по-видимому, написано в сентябре 1869 г. В дальнейшем, возглавив в 1875 г. департамент внутренних сношений МИД'а, Остен-Сакен стал более осторожен в своих высказываниях, неукоснительно придерживался политического курса руководства МИД'а и, сохраняя на личном уровне дружественные отношения с Миклухо-Маклаем, все более скептически относился к его проектам.
19. Болховитинов Н.Н. Указ соч. С. 184–187.
20. Санктпетербургские ведомости. 1870. 8(20) августа.
21. См.: ПФ АРАН. Ф. 143. Оп. 1. Д. 40. Л. 82; СС. Т. 5. С. 62.
22. СС. Т. 5. С. 65. «Витязь» оставался у побережья Новой Гвинеи, в заливе Астролябия, всего 7 дней, в течение которых русские моряки построили исследователю маленькую хижину на сваях. См.: Назимов П.Н. Записка о пребывании натуралиста Миклухи-Маклая на корвете «Витязь» и о доставлении его на остров Новая Гвинея в заливе Астролябия / Публ. Б.П. Полевого // Советская этнография. 1986. № 1. С. 79.
23. СС. Т. 1. М., 1990. С. 261. Лишь мимоходом, рассказывая о группе коралловых островков, которую он назвал архипелагом Довольных людей, ученый отметил, что бухта, отделяющая этот архипелаг от берега Новой Гвинеи, «может оказаться гораздо более удобным якорным местом, чем глубь залива Астролаб» (Там же. С. 262).
24. См., например, Вальская Б.А. Борьба Н.Н. Миклухо-Маклая за права папуасов Берега Маклая // Страны и народы Востока. Вып. 1. М., 1959. С. 130-147; Тумаркин Д.Д. Папуасский Союз (из истории борьбы Н.Н. Миклухо-Маклая за права папуасов Новой Гвинеи // Расы и народы. Вып. 7. М., 1977. С. 103–127; Он же. Из истории борьбы Н.Н. Миклухо-Маклая в защиту островитян Южных морей // Там же. Вып. 11. М., 1981. С. 228–236.
25. СС. Т. 5. С. 316, 373.
26. Там же. Л. 394.
27. Семенов П.П. История полувековой деятельности Русского географического общества, 1845–1895. СПб., 1896. Ч. 2. С. 939.
28. СС. Т. 5. С. 394.
29. Л.Н. Толстой – Н.Н. Миклухо-Маклаю, 25 сентября (7 октября) 1886 г. // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 63. М.; Л., 1934. С. 378–379. Это письмо появилось в печати сразу после смерти «белого папуаса». Первая публикация: Неделя. 1888. 10(22) апреля.

Значение миграции для Австралии

Хренов Ю.Ф., к.и.н., ИВ РАН

Всё, что сделано в современной Австралии в области экономики, науки, культуры и т.д., является трудом приехавших мигрантов. Первые переселенцы-добровольцы появились здесь ещё в XVIII веке, и до настоящего времени они продолжают прибывать в страну. С начала и до Второй мировой войны основной поток переселенцев шёл с Британских островов. После окончания войны мигранты в Австралию в большинстве своём приезжали из Южной Европы. Сейчас потенциальным источником миграции в Австралию служит Азия, где существует быстрый демографический рост, наблюдается нехватка сельскохозяйственной земли и рабочих мест. Австралийские власти хотели бы ограничить приток мигрантов, но действительность показывает, что этого добиться нельзя из-за недостаточного прироста местного населения.

Чтобы получить наглядное представление о роли миграции в развитии Австралии, достаточно посмотреть, какой сегодня является эта страна. Всё, что сделано здесь в экономике, социальной сфере, развитии культуры и средств массовой информации, является делом рук нескольких поколений мигрантов. Первые добровольные переселенцы в Австралии стали выходцы с Британских островов, появившиеся здесь вслед за каторжными переселенцами, в начале 18-го века. И несмотря на прошествие многих лет приезд новых мигрантов в страну продолжается. Это говорит о необходимости притока в Австралию дополнительных трудовых ресурсов.

Экономика страны продолжает развиваться. Кроме того в условиях глобализации необходимо постоянно заботиться о модернизации существующего производства, внедрении в него новых технологических достижений. А это в свою очередь требует дополнительных специалистов, тем более, что многие ранее занятые на производстве люди уходят на пенсию или уезжают в другие страны, в частности, в США, где предлагают лучшие условия труда.

Проблема отбора мигрантов сегодня становится важной. В Соединённых Штатах и Канаде, где население, как и в Австралии, сформировалось главным образом за счёт переселенцев, иммигранты такие продолжают быть востребованными, и в отношении их приезда существуют строгие правила отбора. Здесь большую часть въездных виз выделяют для лиц, имеющих профессиональную подготовку, в которой нуждается внутренний рынок труда. Родственникам, желающим воссоединиться с иммигрировавшим ранее членом семьи, квота на въезд бывает значительно меньше. Правительство Говарда, стоявшее у власти, в миграционной политике пошло по аналогичному пути. В Австралии также при переселении отдаётся предпочтение специалистам. Однако это не означает, что создаются какие-то препятствия для приезда жены к мужу. Круг лиц, попадающий под понятие «родственники» значительно шире. В него попадают сёстры, братья и престарелые родители. Приезд не всех их желателен для Австралии, чтобы не пополнять ряды безработных и нуждающихся. Ведь по приезде в Австралию они оказываются на материальном попечении того, кто их пригласил. Не трудно себе представить положение семьи, если приехавшие родственники долгое время остаются без работы.

А Австралии мигранты делятся на несколько категорий. Во-первых, это лица, приехавшие в страну не только чтобы найти здесь работу, но и со временем получить здесь гражданство. Они должны иметь не только нужную народному хозяйству профессию, но и владеть английским языком. Правда последнее условие исправимо. Язык можно изучить в стране пребывания.

Несмотря на очевидную заинтересованность Австралии в приезде профессионально подготовленных мигрантов, отношение властей к ним за последний ряд лет стало более

жестким. Ранее переселенцам оплачивалась дорога, их бесплатно обучали английскому языку, и через год они могли подавать прошение о получении австралийского гражданства. Теперь мигрировать и учить английский язык приходится за свой счёт, а за получением гражданства нужно обращаться только после четырёх лет пребывания в стране и ждать ещё два года до рассмотрения заявления.

Переселенцы, как и во многих других странах, предпочитают с самого начала селиться в тех местах, где уже осела диаспора. Это позволяет получать необходимую информацию о свободных рабочих местах, кров на первых порах, помощь в случае заболевания и даже кредит при желании заняться мелкой хозяйственной деятельностью. В результате такого способа поселения некоторые группы мигрантов оказываются на окраинах городов: там возникли своеобразные гетто, где стоимость жилья является низкой из-за его состояния и расположения в экологически неблагоприятных местах. Это в частности относится к выходцам из Индонезии. Однако мигранты в материальном положении отличаются друг от друга, а поэтому есть такие, кто может селиться в хорошо обустроенных «спальных» районах. Стремление вновь прибывающих мигрантов находиться вместе со своей диаспорой приводит к крайне неравномерному расселению выходцев из других стран. Большое количество переселенцев поэтому оседало в двух крупнейших австралийских городах – Сиднее и Мельбурне. Это стало не устраивать власти, так как в стране имеется ряд экономически перспективных районов, развитие которых сдерживается из-за нехватки трудовых ресурсов. Поэтому они стараются делать так, чтобы новые переселенцы направлялись именно туда. Это также касается тех, кто приехал в Австралию заниматься бизнесом. Они попадают сюда по особым правилам. Для получения визы будущие предприниматели должны иметь определённую сумму средств для инвестирования и указать предполагаемую сферу предстоящей деятельности.

Наряду с теми, кто переселяется в Австралию в поисках работы, существуют те, кто меняет своё место жительства на какое-то время. Они считаются временными мигрантами. к их числу относятся туристы, приезжающие студенты и законтрактованные специалисты разного профиля.

Особую категорию составляют нелегальные мигранты, попадающие в Австралию из ближайших азиатских стран. Вследствие их скрытого образа жизни нельзя установить время их пребывания в стране.

Для обучения иностранных студентов в Австралии имеется 37 государственных и два частных университета, дипломы которых имеют такую же силу как и дипломы, например, Гарварда и Кембриджа, а процесс обучения студенту обходится заметно дешевле. Это привлекает молодёжь из Японии, Южной Кореи, Малайзии и Сингапура. Обучение иностранных студентов приносит немалый доход в бюджет страны. Приехавшим студентам приходится платить за учебный процесс, общежитие и питание. Кроме того, в летние каникулы часть студентов, которая заинтересована в получении дополнительных средств для оплаты учебы, получила от австралийских властей разрешение заниматься работой. Поскольку это время совпадает с приездом многочисленных туристов, то требуется много новых работников в ресторанах, кафе, а также переводчиков. Другая часть студентов, не нуждающаяся в приработках, использует каникулярное время для ознакомления со страной. Путешествуя, они вынуждены нести расходы, связанные с переездами, проживанием и питанием. За это время, по мнению австралийцев, они в среднем расходуют больше денег, чем средний турист, так как у последнего основные траты заложены в путёвке.

Таким образом иностранные студенты не только пополняют австралийскую казну, но также стимулируют развитие производства благодаря участию в потреблении.

В последние несколько лет австралийские власти всё большее внимание обращают на развитие туризма. Прошли те времена, когда в печати раздавались критические замечания в

адрес тех предпринимателей, которые, получив кредиты, инвестировали средства не в развитие отечественной промышленности, а в социальную сферу, куда относится туризм. Как показал мировой опыт, туризм приносит немалые доходы, а потому он выгоден для принимающей страны. За сравнительно непродолжительное время австралийские фирмы сумели в этом направлении бизнеса достичь мировых стандартов в обслуживании приезжающих, и результаты не замедлили сказаться. Если в 1987 году Австралию посетил 1 млн. туристов, то через десять лет эта цифра достигла 2,8 млн. Чтобы привлечь в страну по возможности больше гостей, в Австралии стремятся устраивать разные мероприятия, способные вызывать интерес у людей. В частности, это касается проведения спортивных соревнований, которые обычно собирают большое количество зрителей и пользуются вниманием у приезжающих из других стран.

Многие фирмы, особенно иностранные, для обеспечения своего функционирования заключают с менеджерами и квалифицированными рабочими временные контракты. Приезд в Австралию и работа здесь приносит определённую пользу для страны. Она выражается не столько в том, что они своими расходами пополняют бюджет страны, сколько в том, что австралийцы, работая вместе с ними на разных ступенях производства, получают возможность приобрести ценный опыт как в управлении предприятием, так и выполнении отдельных операций.

Помимо мигрантов, приезжающих в Австралию искать работу, студентов и туристов, здесь находятся также нелегальные переселенцы, приехавшие без всяких виз. Они стараются чтобы не попадать в поле зрения властей и не платят никакие налоги. Однако, чтобы существовать, им приходится работать. Поэтому вклад таких мигрантов в развитие страны определить трудно.

Первоначально поток мигрантов в Австралию шёл с Британских островов, после окончания Второй мировой войны переселенцы в основном приезжали из южной части Европы – Италии, Греции, Югославии. В дальнейшем положение дел в области миграции претерпело радикальное изменение. Европа вместо посылки мигрантов сама стала объектом их наплыва. Сейчас в европейских странах находятся сотни тысяч выходцев из Африки и Азии. А поэтому ни о каком потоке переселенцев оттуда в Австралию речи быть не может. В этих условиях основной базой для миграции становится азиатский континент. Здесь наблюдается высокий демографический рост населения при том, что не хватает свободной сельскохозяйственной земли и новых рабочих мест в промышленности и на транспорте. Конечно, то же самое можно говорить и об Африке. Однако в отличие от последней, азиатские страны более развиты в социально-экономическом отношении, а потому в них насчитывается неизмеримо больше потенциальных мигрантов, отвечающих требованию австралийского рынка труда.

Подобно любой капиталистической стране в Австралии имеется безработица, которая заметно увеличивается в годы снижения экономической деятельности. Характерно, что в такие периоды в числе безработных больше всего тех, кто приехал в страну на основе гуманитарной хартии, подписанной австралийским правительством. Таких лиц (беженцы или преследуемые по политическим мотивам) принимают в Австралии без всяких предварительных условий. Поэтому среди них встречается много тех, кто не только не владеет необходимой австралийскому рынку труда профессией, но и не знают английского языка. Государство в течение двух лет обеспечивает их материальное содержание. За это время они обязаны приобрести профессию и овладеть английским языком. И то обстоятельство, что среди таких мигрантов отмечается многочисленная безработица, говорит о том, что двухлетний адаптационный период не все мигранты такого рода смогли использовать плодотворно.

Наличие незанятости на рынке труда и в то же время приезд все новых мигрантов, естественно, порождает в обществе дискуссию – кого и сколько пускать в страну. Правительство хотело бы уменьшить размер миграционного потока. Не случайно Бюро статистики с этой целью стало рассчитывать в середине 90-х годов прошлого века, при каком естественном приросте населения это можно осуществить в ближайшем будущем. Оно даже вывело коэффициент рождаемости каждой австралийской женщины. Однако не было учтено одного. Австралийские женщины, получив хорошее образование, больше озабочены карьерным ростом, а не ростом семьи. Поэтому пришлось статистикам признать, что их расчёты расходятся с жизнью и миграционный поток вряд ли можно существенно сократить. Хотя для этого существует веская причина. В 2006 г. в стране случился острый конфликт между арабами, приехавшими из Ливана и австралийцами европейского происхождения. Он заставил власти серьёзно задуматься над возникшей ситуацией, тем более что в прошлом ничего подобного не происходило. Ранее уже отмечалось, что Азия сейчас становится основным поставщиком мигрантов. В 2005 г. их в Австралии уже официально насчитывалось 900 тыс. человек (не считая нелегалов), среди которых немало исламистов. Какие сейчас происходят события в мусульманском мире, хорошо известно. Поэтому можно с большой уверенностью предположить, что среди приехавших мусульман есть немало лиц, экстремистски настроенных. Достаточно небольшого повода, чтобы эти настроения вышли наружу. Данное обстоятельство вполне способно реанимировать вопрос о миграционном потоке, как с ним поступать в условиях сохраняющейся потребности в привлечении дополнительной рабочей силы. Каков будет ответ властей, покажет их дальнейшая миграционная политика.

Проблемы австралийской и новозеландской кинематографий

Звегинцева И.

Австралийская и новозеландская кинематография долгое время оставалась вне поля зрения мирового киноведения, в том числе и российского. Не последнюю роль в этом сыграли географическая отдалённость обеих стран, ограниченный прокат фильмов, созданных в это регионе, скромный объём выпускаемой кинопродукции. Однако более существенным всё же было полное и весьма длительное отсутствие интереса к изучению истории кино, и даже самому факту его существованию, в самих странах: и в Австралии, и в Новой Зеландии.

Это обстоятельство может показаться странным, если учесть, что с кинематографом жители региона познакомились одними из первых в мире, а история экранного искусства пятого континента насчитывает более ста лет. Тем не менее, такова действительность, и до последнего времени кинематографии этих стран остаются в некотором роде «terra incognita» на карте киномира.

Отдельные статьи, посвящённые творчеству наиболее известных кинематографистов Зелёного континента, рецензии на самые успешные фильмы, время от времени появляющиеся в прессе, конечно же, не в состоянии восполнить этот досадный пробел.

А между тем в настоящее время австралийская и новозеландская кинематографии – это серьёзные профессиональные киношколы, которые ежегодно выпускают на экран интересные и неординарные фильмы, способные привлечь внимание самой эрудированной аудитории.

Более того, именно выходцы из этого региона сегодня уверенно входят в элиту мирового кино, во многом определяя «климат» в этом виде искусства, его веяния, пристрастия и вкусы. Рассел Кроу, Николь Кидман, Мэл Гибсон, Джуди Дэвис, Брайан Браун, Элен Морс, Гай Пирс, Уэнди Хьюз, Сэм Нил, Эрик Бана, Хит Леджер, Джеффри Раш – лишь этот краткий перечень имён актёров (этот список при желании может быть дополнен десятками менее известных фамилий) уже даёт некоторое представление о том, сколь значительное место занимают новозеландцы и австралийцы в мировом кино.

Думается, также трудно найти любителя кино, которому неизвестны, к примеру, имена таких режиссёров, как автор знаменитой ленты «Иствикские ведьмы» Джордж Миллер или постановщик «Властелина колец» Питер Джексон, создатель фильма «Шоу Трумэна» Питер Уэйр или режиссёр картины «Мулен Руж» Бэз Лурманн и многие другие.

Таким образом, очевидно, что вклад этих наций в мировой кинопроцесс огромен, и потому было бы непростительной ошибкой обойти вниманием этот феномен.

Хотя история Австралии насчитывает четь более 200 лет (английский мореплаватель Кук ступил на побережье Восточной Австралии в 1770 году), за этот промежуток времени страна прошла гигантский путь. Некогда колония для ссылки особо опасных преступников превратилась в процветающее государство.

Давно ушли в прошлое и те времена, когда Австралия и Новая Зеландия были доминионами Британской империи, а политика, экономика, культура и искусство этих стран оставались лишь провинциальной версией политических, культурных и эстетических канонов, одобренных Лондоном.

Сегодня, несмотря на некоторую ещё сохраняющуюся зависимость от США и Великобритании, и Австралия и Новая Зеландия переживают подъём национального самосознания, которые закономерно привёл к стремлению и к политической, и культурной независимости. В настоящее время, к примеру, Австралия претендует, и не без оснований, на

доминирующую роль в таком огромном и важном регионе мира, как Океания, и в экономике, и в культуре, и в идеологии.

Постоянно развиваются и укрепляются связи Зелёного континента с такими государствами, как Китай, Сингапур, Индонезия и другими, что позволяет Австралии наряду с США и Японией занимать особое положение в регионе Тихого океана.

Сегодня Австралия (Австралийский союз) – одна из самых развитых и богатых стран мира, с высоким жизненным уровнем 18 миллионного населения.

Австралия и Новая Зеландия уверенно занимают лидирующее место в мире по экспорту говядины, баранины, шерсти и пшеницы. Помимо этого, Австралия вывозит и многие полезные ископаемые: нефть, железную руду, медь, уголь. Всё это заложило основу благосостояния страны, которая ещё недавно считалась периферией мира, что позволяло пренебрежительно именовать её краем коал и кенгуру, страной бумерангов и эвкалиптов, «культурной пустыней». Впрочем, к сожалению, в последнем обвинении немало истины. Увлечшись ростом материального благосостояния, жители Зелёного континента долгое время слишком мало сил и денег уделяли развитию культуры и искусства.

Лишь вторая половина XX века дала мощный импульс роста национального самосознания, вызвавшего переоценку викторианского мировосприятия, и это, в свою очередь, способствовало подъёму национальной культуры и искусства, в том числе и кинематографа, который сегодня занимает на континенте особое место.

Здесь вполне уместно будет вспомнить слова историка и теоретика кино Зигфрида Кракауэра, который писал: «Национальное кино отражает психологию своего народа более прямым путём, нежели другие искусства. Происходит это по двум причинам. Прежде всего, кино – творение не единоличное. Во-вторых, фильмы сами по себе адресованы массовому зрителю и апеллируют к нему. Стало быть, можно предположить, что популярные фильмы, или точнее популярные сюжеты должны удовлетворять массовые желания и чаяния, постоянное возникновение в этих лентах тех или иных мотивов свидетельствует о том, что они являются проявлением внутренних побуждений. Эти мотивы, несомненно, заключают в себе социально-психологическую модель поведения».

В своё время известный французский киновед Жорж Садуль в своей многотомной истории мирового кино счёл возможным уделить рассказу об австралийских картинах лишь девять страниц текста, причём две из них приходились на описание творчества нидерландского режиссёра Й. Ивенса, проработавшего несколько лет на Зелёном континенте. А в опубликованной в Мельбурне монографии в 1980 году А. Пайка и Р. Купера «Австралийские фильмы» насчитывалось уже более полутора тысяч страниц. И самое интересное, что в столь разном подходе к достижениям этого национального кино нет противоречия. Во времена создания Садулем его исследования, австралийская кинематография действительно не представляла особого интереса даже для узкого круга специалистов. Однако бурный расцвет австралийского и новозеландского кинематографа в 70-е годы XX века привлёк внимание зрителей всего мира к этой национальной кинематографии, и у киноведов появилось вполне оправданное желание объяснить этот феномен, проследить его истоки.

Общеизвестно, что корни настоящего всегда уходят в прошлое. И невозможно понять причины бума в австралийском кино, если не знать его истории.

Подробное знакомство с этими национальными кинематографиями позволяет сделать вывод, что многими успехами кино современной Австралии и Новой Зеландии обязано, в первую очередь, своим первопроходцам.

Между двумя самыми важными датами в истории этих национальных кинематографий – 1896 годом, когда австралийцы и новозеландцы впервые познакомились с экранном искусством, и второй – 1969 годом, когда правительство Австралии после прихода к власти

премьер-министра Нортон, под сильным давлением общественности приняло давно назревшее решение о комплексной программе государственной поддержки кинематографии, был огромный период, малоизученный и весьма противоречивый, исследование которого крайне важно для понимания процессов, происходящих в кинематографе этого региона сегодня.

Если в количественных показателях выпускаемых лент австралийцам и новозеландцам нечем было похвастаться долгие годы, то о качестве картин этого сказать нельзя. Фильмы С. Холмса, Р. Хэпоурда, Ч. Човела, О. Ши оставили заметный след в мировом кино. Что же касается работ пионера австралийского кино Р. Лонгфорда, то по мнению многих исследователей его творчества, вклад этого режиссёра в кинематограф может сравниться лишь со сделанным Гриффитом, Чаплином, Штрогеймом.

К сожалению, эти незаурядные произведения экранного искусства были редкими «крупицами золота», и практически остались незамеченными мировым киноведением.

Однако, долгое время спавшие летаргическим сном, неизвестные не только за рубежом, но и у себя в отечестве, в середине семидесятых годов австралийская и новозеландская кинематографии из привычных аутсайдеров вырвались в ряды кинематографических лидеров. Один за другим фильмы из этого региона начали появляться на самых престижных международных кинофестивалях, далеко небезуспешно соревнуясь с картинами самых известных кинематографий.

Первый сюрприз был преподнесён в 1976 г., когда жюри международного кинофестиваля в Сан-Себастьяне присудило Специальный приз австралийскому фильму «Кадди» никому доселе неведомого режиссёра Д. Кромби. Спустя короткое время мировая кинопресса восторженно (хотя и несколько удивленно) писала уже о целом ряде фильмов австралийских и новозеландских режиссёров, чьи картины встречали самый благосклонный приём даже на столь представительных кинофорумах, как Западный Берлин, Сан-Себастьян или Канн, где, к примеру, в 1994 году новозеландский фильм «Пианино» (1993, реж. Дж. Кэмпбелл) был удостоен главного приза – Золотой пальмовой ветви, а спустя год, и трёх «Оскаров» – главной награды Американской киноакадемии.

Естественно, этот резкий взлёт прежде малоизученных кинематографий привлёк к ним внимание исследователей экранного искусства. Из серьёзных научных работ, опубликованных как за рубежом, так и в нашей стране можно выделить монографии Э. Пайка, Р. Купера, К. Холла, Э. Элларда, статьи Д. Уайта, Б. Эдамса, Э. Риды, труды российских киноведом – Г. Компаниченко, О. Сулькиной и др. Закономерным представляется и тот факт, что основное внимание автором этих исследований уделено австралийским и новозеландским картинам 70-х годов, периоду, так называемой «новой волны», когда мировая кинообщественность впервые обратила внимание на киноискусство Австралии и Новой Зеландии.

В начале 70-х годов в кинематографе пятого континента был заложен фундамент его сегодняшнего преуспевания. Несмотря на то, что очень многие кинематографисты этого региона сейчас работают за рубежом, это не повлияло на общую ситуацию в кинематографе этих стран. Более того, постоянная ротация творческих кадров в немалой степени способствует нахождению новых талантов в национальном кино и соответственно росту стремления кинематографий Австралии и Новой Зеландии к развитию экранного искусства в мире на современном этапе. Исследование процессов, происходящих на современном этапе в австралийской и новозеландской кинематографиях, со всей очевидностью доказывает, что, будучи во многом явлением уникальным, они, тем не менее, бесспорно, входят составной частью в мировой кинопроцесс.

Дело не в количестве фильмов, снятых австралийскими и новозеландскими кинематографистами, как у себя на родине, так и за её пределами (хотя цифра получается

впечатляющей). Гораздо более важным представляется то, что стараниями режиссёров, актёров, операторов пятого континента создано очень много высокохудожественных и оригинальных произведений, которые стали достоянием мировой кинокультуры.

Однако несправедливо, что до последнего времени мировой киноведение практически не обращало внимания на самобытные и яркие ленты, снятые в Австралии и Новой Зеландии. Картины, удостоенные главных призов нВ престижных мировых смотрах, как привило, оценивались критиками как единичные успехи кинематографий «стран на краю света». А между тем, в данном регионе на протяжении вот уже более трёх десятилетий существует серьёзная кинематографическая школа, которая постоянно «поставляет» талантливых и интересных художников со своим оригинальным и неповторимым видением мира. Более того, история австралийской и новозеландской кинематографий во многом поучительна. И особое внимание отечественному киноведению необходимо обратить на тот факт, что после многолетнего затянувшегося кризиса в сфере кинопроизводства, австралийская и новозеландская кинематографии в считанные годы сумели преодолеть стагнацию и вывести национальный кинематограф в мировые лидеры.

Бесспорно, в каждой национальной кинематографии есть своя специфика. И во многом австралийским и новозеландским кинематографистам пришлось несоизмеримо труднее, нежели их коллегам из других стран. Географическая отдалённость региона от Европы и Америки, малочисленность населения, невнимание государства к культуре, узконациональные проблемы – всё это долгие годы усугубляло положение кинематографий Австралии и Новой Зеландии. Однако практика доказала, что при соблюдении определённых условий, многие вопросы можно разрешить.

Одной, и едва ли не самой важной проблемой кинематографий данного региона остаётся постоянная ротация творческих кадров.

Причины, по которым большая часть австралийских и новозеландских кинематографистов вынуждена работать за рубежом, вполне понятны, и главные из них: недостаточное финансирование, жёсткая конкуренция с американскими и европейскими картинами, узость национального рынка и желание видеть свои произведения в международном прокате являются определяющими для многих кинематографистов пятого континента определяющими, и они решаются на отъезд.

Легко объяснить и то, что большинство эмигрантов оседает в Америке. Отсутствие языкового барьера, крупные капиталовложения в кинематограф, возможность использования новых технологий, и самое главное – общность менталитета наций, бесспорно, привлекает австралийцев и новозеландцев в Новый Свет. Давно уже стало трюизмом то, что американское кино, прочно захватившее весь мир (не секрет, что самые высокие прокатные рейтинги практически во всех странах принадлежат американским фильмам), во многом делается руками иностранцев. Приезжая в Америку, эти люди «привозят» с собой не только личный опыт и талант, но и традиции и культуру своих стран, тем самым постоянно обогащая американский кинематограф, и следовательно, укрепляют его позиции в мире.

Два столетия назад Австралия и Новая Зеландия стали местом массового переселения европейцев, которые ехали в этот далёкий край, отчаявшись найти у себя на родине счастье и удачу. Сегодня их потомки по тем же причинам уезжают из страны. Таков парадокс времени. Поистине «нет пророка в своём отечестве». Те, кто ещё вчера были обласканы прессой и государственными чиновниками от кино, столкнулись с тем, что международное признание и призы самых престижных кинофестивалей мира очень мало значат, когда разговор заходит о субсидировании новых фильмов.

Америка предоставила им кров, дала возможность работать в прекрасно оборудованных павильонах и лабораториях, приглашать ведущих актёров и, что самое главное для режиссёра, – «обязалась» осуществлять широкий прокат их фильмов.

Кинематографисты пятого континента приехали на «завоевание» Америки, вооружённые мироощущением своих предков, которое, напомним, по выражению самого знаменитого поэта континента Генри Лондона, состоит всего из трёх постулатов» «Верь в свои силы!», «Никогда не сдавайся!», «Никогда не оставляй товарища»«. Эти заповеди первопроходцев, выработанные в трудных условиях обитания, необходимые для преодоления лишений, не потеряли своей актуальности и теперь. Доказав свою стойкость и умение работать в новых условиях, практически все австралийские и новозеландские кинематографисты заняли прочное место в мировой киноиндустрии.

Далеко не все из них сохранили идеалы юности и верность теме: для многих быстрый кассовый успех оказался привлекательнее риска и комплиментов. Как добросовестные ученики, Питера Файман, Филлип Мора, Джэфф Мэрфи и многие другие не только хорошо проштудировали законы развлекательного кино, но и вскоре во многом и превзошли своих учителей. И в их постановке триллер или фильм ужасов отличались новыми приемами и выразительными средствами, которые были «визитной карточкой» пятого континента.

Другие кинематографисты, в их числе Джиллиан Армстронг, Филлип Нойс с благодарностью воспользовавшись опытом американского кино, в конце концов, предпочли вернуться к родным австралийским реалиям...

Наконец, третьи, к которым относится Питер Уэйр, Джорж Миллер и др. постарались создать нечто новое, оригинальное: фильмы, где нашли отражение и американская прагматичность, и романтическая ностальгия, которая, по мнению английского критика Нины Хиббин, и является «фирменной маркой» пятого континента...

Кинематографистам Зелёного континента удалось не только адаптироваться в новой культурной среде, но и не утратить национального колорита. А это уже немало. Словом, австралийцы и новозеландцы успешно «завоевали» Америку и весь мир (ибо их фильмы постоянно демонстрируются во всех странах). Австралийский и новозеландские актёры, многие из которых давно уже шагнули в ранг «звёзд», активно снимаются в разных странах. Так, к примеру, только за последние годы австралийка Николь Кидман снялась в главных ролях у великого Стенли Кубрика в Англии «С широко закрытыми глазами» (1999), а в Америке у своего соотечественника Бэза Лурманна в «Мулен Руж» (2000), у ниспровергателя традиционного кино датчанина Ларса Фон Триера «Догвилль» (2002).

Остаётся пожалуй лишь об одном: по стопам уехавших с родины «пионеров» сегодня уже собираются в путь и их молодые коллеги... Разговор о постоянной миграции творческих кадров уже был выше. Да, кинематографии пятого континента, после отъезда лучших режиссёров, операторов, актёров и сценаристов не прекратили своего существования. «Отдавая» своих лучших кинематографистов в другие страны, сегодня Австралия и Новая Зеландия, в свою очередь, также привлекают к себе кадры со всего мира. И дело здесь не только в прекрасных ландшафтах и своеобразии флоры и фауны континента или экономии средств при работе с местным техническим персоналом, хотя это и следует учитывать. Прекрасно оснащённые студии спецэффектов (едва ли на самые лучшие в мире), высокий профессионализм кинематографистов пятого континента, взаимовыгодный обмен опытом – вот составляющие этого процесса.

Образовывающийся «вакуум» постоянно заполняется талантливой молодёжью. Отъезд ведущих кинематографистов за рубеж «расчищает дорогу» молодым кинематографистам, которые быстро получают право на самостоятельные постановки и соответственно возможность проявить себя. Именно этим объясняется то, что практически каждый год в Австралии и Новой Зеландии дебютируют новые режиссёры, актёры и т.д.

Этот непрекращающийся процесс ротации имеет и свои отрицательные стороны. Если Америка только выигрывает от прибытия одарённых людей, то Австралии и Новой Зеландии,

право же, не мешало бы более бережно относиться к своим талантам. Страна должна дорожить своими художниками, если хочет сохранить и приумножить свою культуру.

Бесспорно, есть и другие негативные стороны. Глобализация кинематографа, охватившая все страны, не могла обойти стороной Австралию и Новую Зеландию. И здесь надо признать, что если «в идеале глобализация кинопроцесса означает, что фильмы производятся во всех странах и фильмы каждой отдельной страны распространяются и потребляются в любой другой стране мира», то понятая таким образом глобализация заключает в себе огромные позитивные возможности для каждой национальной кинематографии и киноаудитории. Но на практике теоретически возможное становится действительностью не автоматически, а через механизм рынка и жёсткой конкурентной борьбы в нём. А это означает, что возможное становится действительностью постольку, поскольку продукция данной национальной кинематографии конкурентно способна. Понятно, что из-за неравенства сил на рынке теоретическое равенство возможностей на деле не может реализоваться. В результате вместо подлинно демократической мы имеем национально- монополистическую глобализацию. Возможности отдельно взятой кинематографии, как правило оборачиваются экзистенциальными вызовами ей. Не случайно теоретики ведут речь не об интернационализации, а о глобализации кинопроцесса.

Но даже в этих условиях всеобщей глобализации кинопроцесса австралийские и новозеландские кинематографисты сумели сохранить свою национальную кинематографию. Возвращение (временное или постоянное) в страну ведущих режиссёров (Ф. Нойс, Дж. Миллер, П. Кокс, Д. Кэмпион), появление новых имён, обращение к реалиям жизни пятого континента в их фильмах, сохранение национального колорита, свидетельствуют об укреплении позиций кинематографа региона.

Сегодня австралийские и новозеландские кинематографисты работают в разных странах мира. Каждый из них выбрал свой путь. Многие предпочли ассимилироваться, легко вписавшись в другую культурную среду, согласившись со всеми требованиями новых хозяев. Другие предпочли сохранить своё видением мире, верность выбранной тематике, использование отработанных приёмов. Третьи сумели создать новый тип произведения, в котором нашли своё отражение разные национальные культуры.

Но главный итог – это то, что австралийская и новозеландская кинематография занимают достойное место в мировом кинопроцессе, постоянно обогащая его притоком новых творческих кадров и появлением ярких самобытных картин, отличающихся как талантом и профессионализмом их создателей, так и оригинальностью и свежестью восприятия окружающей реальности.

Живопись фасадов мужских домов папуасов абелам и чертежный способ передачи объемных объектов на плоскость

Иванова Л.А.

В докладе рассмотрены основные персонажи росписи на фасадах культовых построек папуасов абелам ПНГ. Это: 1) нгвалнду, антропоморфные лики духов великих предков клана, 2) ку-тагва, антропоморфные фигурки недоброжелательных духов женского пола, 3) птицы из числа клановых тотемов (казуар, птица-носорог, какаду), а также ящерицы и черепахи.

Для создания этих образов, по мнению автора, использован «чертежный» метод передачи объемов на плоскость. Он предполагает изображение объекта один раз в одном из трех характерных поворотов – спереди, сбоку, или сверху, т.е. анфас, в профиль, или в плане. Глубину пространства воспроизведена методом перекрытия, при котором более близкий объект перекрывал более далекий. Оба способа применяли с эпохи верхнего палеолита в наскальных изображениях Евразии, а также в памятниках традиционного искусства народов Австралии и Океании недавнего прошлого.

К истории российско-новозеландских культурных связей

Петриковская А.Г., к.филол.н., ИВ РАН

В полном объеме эта история, которой без малого два века, пока не написана и даже не обозначена в достаточной мере фактами и явлениями. У ее истоков – выдающиеся творческие личности: артисты, ученые, писатели, которые приближали жизнь отдаленную и непознанную, постигая и своеобразие, и общечеловеческие смыслы.

Знаменитый русский поэт-символист и неутомимый путешественник Константин Бальмонт, жаждавший познакомиться с жизнеустройством и духовным миром разных народов, в 1912 году побывал в странах Южных морей – в Австралии, включая ее островной штат Тасманию, на Новой Гвинее, на меланезийских и полинезийских архипелагах – Соломоновых островах, Фиджи, Самоа и Тонга, островах Кука и в Новой Зеландии. Впечатления были излиты в стихах, путевых заметках и выступлениях. Их плодами были также записи фольклора и этнографические коллекции – одна из них, с маорийскими палицами, подарена Музею антропологии Московского университета [1].

В новозеландских впечатлениях Бальмонта главное место занимают маори – в соответствии со взглядом на народы, сохраняющие первобытный или близкий к нему уклад, как источник созидательной силы, но при этом – жертву колонизации и цивилизации. Смуглая, сильная, воинственная раса, бороздившая неведомые моря задолго до Колумба и викингов, обречена на вымирание: она чахнет, духовно и физически, «в английской выучке». Ее судьба уподоблена разорванному ожерелью из черных жемчугов. Поэт, побывавший в городке Роторуа на Северном острове (в дальнейшем – центр маорийских искусств и ремесел), в «музейной» деревне Вакареварева, был очарован традиционным искусством маори – красочностью и знаковостью росписей и резьбы по дереву, изделиями из зеленого камня-нефрита, обрядовыми танцами [2]. Русское общество проявляло интерес к Океании: в газете «Русское слово» в то же время, что и очерки Бальмонта, была напечатана статья «Памяти Гогена» (книга самого Гогена «Путешествие на Таити» вышла в 1914 году).

Пейзажи Бальмонта – необозримый океан, острова, атоллы, кораллы, лагуны, растения, смуглоликие островитяне, простодушные и счастливые дети природы, обнаруживают черты сходства с натурой. Обратимся к строкам о новозеландской сосне, «каури»:

Это домчался откуда,
Он из столетий каких
Звон-перезвон изумруда,
Соснами сложенный стих?

Хвоями крытые горы,
Папороть-древо внизу.
Мхи, словно цепкие воры,
Гибкую сжали лозу.

Справа и слева стремнины
Стройно взлетели из мглы.
Гор вековых исполины,
Каури гордой стволы.

Мхи не дерзнут к ним коснуться,

Горные сосны – цари.
Смолы с них желтые льются,
Ладан страны Маори [3].

Но зримое предстает в масштабе вечности, в стремлении постигнуть послание незапамятной древности, вневременное, божественное откровение. Да и сам океан, которому так подходит певучее полинезийское слово «моана», есть образ, символ вечности.

Хотя Вл.Ходасевич подверг резкой критике поэтический сборник Бальмонта «Белый зодчий» (1914) за «безбрежную и утомительную риторику», цикл его маорийских стихов он все же выделил как интересный в общем [4]. Маорийская резьба по дереву вдохновила Георгия Нарбута, русского и украинского графика: на заставке к сборнику Бальмонта «Гимны, песни и замыслы древних» (1908) – ворота в па, маорийскую деревню, с фигурами двух влюбленных, памятник традиционного искусства и архитектуры.

Океанийские зарисовки Бальмонта – едва ли не последняя зарница мечты о тихоокеанском рае, вспыхнувшая на предгроном небе Европы в канун Первой мировой войны.

«Дикими» народами Океании и их фольклором поэт продолжал интересоваться и в послереволюционный период, в эмиграции [5]. В книгу очерков «Солнечные видения. Мексика – Египет – Индия – Япония – Океания» (Париж, 1923) вошел раздел «Маори» и сказка «Трое влюбленных». Перевела книгу на французский Людмила Савицкая, поэтесса, друг Бальмонта. В русской газете «Последние новости», выходившей в Париже, были опубликованы «Маорийские поговорки».

Но мысленное возвращение в Океанию, в реальность и утопию давних странствий, вряд ли существовало отдельно от незатухавшей тоски по родине.

И все пройдя пути морские,
И все земные царства дней,
Я слова не найду нежней,
Чем имя звучное: Россия. [6].

Сильное влияние русской литературы, а именно – Чехова, испытала Кэтрин Мэнсфилд, классик новозеландской литературы, занявшая почетное место на англоязычном Олимпе. Джоан Вудс, жена дипломата, посла Новой Зеландии в СССР (1993–1995) подготовила, живя в Москве, магистерскую диссертацию «Кросскультурная связь между Россией и Новой Зеландией: Кэтрин Мэнсфилд и русская культура» (1996) [7]. На основе исследования Дж.Вудс опубликовала книгу «Катерина» (2003).

В России творчество Мэнсфилд давно известно и почитаемо. Ее рассказы неоднократно издавались в русском переводе. Первая в СССР кандидатская диссертация, обращенная к литературе Новой Зеландии, рассматривала влияние Мэнсфилд на новозеландский рассказ.[8] Изящным иллюстрированным изданием отмечено столетие со дня рождения писательницы, рано ушедшей из жизни. К оригиналам ее произведений обращаются также в учебных целях как образцам английского литературного языка.

Мэнсфилд – яркий, но не единственный пример живой связи с русской литературой. Сегодня Новая Зеландия – один из мировых центров ее изучения. Главные академические силы сосредоточены в университете Кентербери в Крайстчерче с его Русской программой, и университете Виктории в Веллингтоне, который уже несколько десятилетий издает «Нью Зиленд славоник джорнел». В летописи журнала – номера, посвященные Пушкину, Тургеневу, Достоевскому, российско-новозеландским сближениям. Его редактор в течение

многих лет профессор Патрик Уоддингтон, славист с мировым именем, поддерживает связи с Институтом русской литературы (Пушкинским домом). Обнаруженные им и присланные в Институт автографы и другие материалы немало способствовали изданию академического собрания сочинений Тургенева.

Долгую память оставили гастроли в Австралии и Новой Зеландии (1926 год) Федора Шаляпина и особенно Анны Павловой. Безусловно имело значение то, что в труппе Павловой танцевала новозеландка Тирса Роджерс. По свидетельству англичанина – участника гастролей, ей сопутствовал успех уже в австралийской части турне: «чувствовалось, публика гордится тем, что в труппе танцует, по крайней мере, один человек если не из Австралии. то из числа «антиподов» [9]

Если коснуться области фундаментальных наук, то важную роль сыграла совместная работа великих физиков – новозеландца Эрнеста Резерфорда и П.Л.Капицы, который считал руководителя Кавендишской лаборатории в Кембридже своим учителем и другом.

Культурная связь, при всей автономности – производное от международных отношений и уровня изучения истории и современного состояния контактирующих сторон. Между тем, история изучения в России Новой Зеландии (как и Австралии) все еще остается делом будущего.

Разумеется, частично она освещалась при решении тех или иных исследовательских задач, в первую очередь в изучении роли Новой Зеландии во внешней политике, во взаимоотношениях с Россией (СССР): работы А.И.Мартынова и О.К.Русаковой, В.П.Олтаржевского.

Роспись части русских дореволюционных журналов была сделана в ходе исследований, развернутых в Иркутском государственном университете [10].

Шаг в интересующем нас направлении предпринят и в Новой Зеландии. Обзор «Эти счастливые острова. Русское восприятие Новой Зеландии во второй половине XIX – начале XX века» (1992) опубликовал профессор Университета Кентерберри Джон Гудлифф: избранные аннотированные тексты, с переводом и аннотациями [11].

Очевидно, что в интересах дальнейшего культурного диалога между Россией и Новой Зеландией необходимо удовлетворить назревшую потребность в полном обзоре репертуара русской «новозеландианы», подобном «Библиографии Австралии», составленной Е.В.Говор. Помнится, составительница говорила что ею подготовлена и библиография русских печатных материалов, касающихся Океании. К сожалению, она пока не увидела свет.

В истории знакомства российской читающей публики с Новой Зеландией был свой «морской» период (конец XVIII – XIX в.), связанный с географическими открытиями в Южных морях и кругосветными экспедициями. Это касается описаний путешествий Дж. Кука, изысканий, сделанных во время плаваний Ф.Ф.Беллинсгаузена на шлюпах «Восток» и «Мирный» в 1819–1821 годах и других материалов.

Поток печатной информации о Новой Зеландии – книг зарубежных и русских авторов, пришелся на рубеж XIX – XX веков, до Первой мировой войны. «Никогда раньше или позже в России нельзя было прочитать столько о Новой Зеландии как в предвоенную четверть века» [12]. Небольшое островное государство, подобно соседке Австралии, стяжало славу лаборатории социальных реформ. Сказались и подъем демократических движений и актуальность социальных преобразований в самой России, и расширение общей картины мира, потребовавшее изменений в программах образования.

В 1920-е–1930-е годы непосредственные российско-новозеландские контакты, и без того редкие, были близки к отрицательной величине. Однако волна мирового интереса к Советской России, прежде всего в среде интеллигенции левой ориентации, достигла и

новозеландских берегов. Так, в СССР приезжал поэт Чарльз Брэш, впоследствии разочарованный в советском опыте.

Дружественные настроения и культурные запросы стимулировались совместным участием во Второй мировой войне на стороне антигитлеровской коалиции, когда известный поэт выпустил брошюру с призывом: «Помоги СССР – в противном случае ты поможешь Гитлеру». Появились возможности институциональной поддержки связей. В 1941 году было учреждено Общество за сближение с Россией (впоследствии Общество дружбы с СССР, Общество Новая Зеландия – СССР). В 1944 году установлены дипломатические отношения между обеими странами.

Во второй половине XX века в академических кругах СССР и постсоветской России внимание к Новой Зеландии возрастает вместе с возрастанием значения Азиатско-Тихоокеанского региона. Советский Союз позиционировал себя как державу, принадлежащую к нему.

При том, что параллельное обращение к австралийским и новозеландским сюжетам оправдано, помимо места на географической карте, интегративными тенденциями, Новая Зеландия, наряду с Австралией, становится объектом отдельного изучения, что необходимо для выявления историко-культурного своеобразия.

Новозеландская тематика разрабатывалась историками, этнографами, экономистами, литературоведами: В.М.Андреевой, К.В.Малаховским, В.А.Богомоловым, А.И.Мартыновым и О.К.Русаковой, Л.Г.Стефанчук, Б.Б.Рубцовым, В.П.Олтаржевским, А.С.Петриковской, Л.И.Володарской и др.. Центром новозеландских исследований стал Иркутский государственный университет.

Этнографов, начиная с 1950-х годов, увлекает культура полинезийской составляющей населения Новой Зеландии – маори (работы С.А.Токарева, А.И.Блинова, Н.А.Бутинова, В.М.Бахты). Изданы в русском переводе «Мореплаватели солнечного восхода» (1950, 2-е изд.1959) – классический труд Те Ранги Хироа о путях переселения полинезийцев, и маорийские мифы и легенды из собрания фольклориста А.В.Рида.

В научно-популярном жанре путевых очерков рассказала о Новой Зеландии чета И.А.Лебедев и И.Л. Железнова, историк и литератор – «Киви» (1966).

Начинается изучение австралийского и новозеландского национальных вариантов английского языка. Вслед за лингвострановедческим словарем «Австралия и Новая Зеландия» (1998) руководитель работы В.В.Ощепкова публикует пособия для изучающих английский язык, исходя из необходимости страноведческой информации: усвоения одних языковых структур недостаточно, необходимо знание культурного фона и стереотипов сознания [13].

В работах общего характера по истории Новой Зеландии культурный компонент (система просвещения, информационные ресурсы, сохранность наследия, структуры общественного сознания и бытовые реалии др.) до сих пор был слабо выражен, если вообще выражен. Культурный процесс и его национальные особенности освещался преимущественно в статьях, рецензиях, разделах коллективных трудов, в научно-справочных и энциклопедических изданиях. На кино- и телевизионном экранах показывают, изредка, новозеландские фильмы, а также сделанные в США, но со звездами родом из Аотеороа. У И.А.Звегинцевой были основания в заглавие первой монографии, рассматривающей кинематограф Австралии и Новой Зеландии, включить определение Terra Incognita [14]. Его можно повторить, если сегодня выйдет в свет книга, характеризующая изобразительное искусство Новой Зеландии.

Литературе повезло больше в силу универсальности содержания и возможностей коммуникации, а также русской школе перевода. Назовем вступительные, репрезентативные

сборники «Новозеландские рассказы» (1963) и «Поэзия Новой Зеландии» (1978), избранное Фрэнка Сарджесона в серии «Мастера зарубежной прозы», избранное Ноэла Хиллиарда (роман «Маорийская девушка» и рассказы), роман Сильвии Эштон Уорнер «Старая дева».

Откликом на современное творчество маори, элемент «Маорийского возрождения», преобразивший новозеландский литературный пейзаж, был перевод романа «Ванау» (1979) и рассказов «Мир маори» (1982) Вити Ихимаэры. Вместе с маорийкой Патрицией Грейс этот талантливый прозаик представлен и в сборнике произведений молодых литератур Океании «Новые рассказы Южных морей» (1980).

В постсоветской России снижение государственного финансирования науки надолго исключило и без того редкую возможность исследований, максимально приближенных к их объекту. Сократился также объем деятельности институтов, транслирующих культурные ценности, прежде всего книгоиздания, отныне подчиненного коммерческому принципу.

Однако отказ от акцентированного идеологического противостояния, новые информационные технологии, свобода инициативы и организации создают обнадеживающие предпосылки развития с привлечением молодых сил. Хроника выступлений музыкантов, певцов, балетных трупп, организации художественных выставок, которая насчитывает десятки славных имен и коллективов, продолжается вплоть до сегодняшнего дня (фестиваль русского балета в Крайстчерче, октябрь 2007 г.).

Возрастает культурная роль русской диаспоры. Складывалась она из тех же волн, что и австралийская: белоэмигранты, «китайские русские», (харбинцы и другие), перемещенные лица как следствие Второй мировой войны, беглецы из СССР и постсоветская трудовая эмиграция. И хотя численность русских относительно невелика (несколько тысяч, среди них есть хорошо образованные люди, добившиеся успеха – преподаватели университетов, журналисты, актеры. Они иницируют культурные проекты и вовлекаются в них.

Так, Вадим Ледогоров, известный артист театра и кино, поставил на оклендской сцене, с участием местных актеров, «Вишневый сад» Чехова. «Письма из Новой Зеландии» (2004) Т.И.Благовой, своего рода пособие для желающих поселиться там, дает в какой-то степени представление о социокультурном облике страны.

Возник своего рода поэтический диалог сторон, заинтересованных во взаимном продвижении плодов своего творчества к иноязычному читателю или зрителю. Так, в подготовке второй антологии поэзии Новой Зеландии в переводе на русский – «Земля морей» (2005), участвовали преподаватель новозеландской литературы в Университете Кентербери, Крайстчерч, поэт и переводчик Евгений Павлов, литератор Марк Уильямс, также преподающий в этом университете, поэт Гегори О'Брайен, поэт Аркадий Драгомощенко, знаток творчества маори Маргарет Орбелл. Переводчики, в основном, – молодые русские поэты [15], тяготеющие к новому поэтическому языку.

Выход в 2007 году специального номера новозеландского литературного журнала «Лендфол» (издается с 1947), по сути, явился продолжением двустороннего по целям и составу участников проекта [16].

Теперь новозеландскому читателю предъявлены произведения современных русских поэтов, семерых – Виктора Сосноры, Аркадия Драгомощенко, Ольги Седаковой, Алексея Парщикова, Дмитрия Голынка, Александра Скидана и Анны Глазовой. Перевод, сказано, выполнен ведущими поэтами Новой Зеландии в содружестве с лингвистами. «Эти стихи, – сообщает редакция журнала, – составляют новейшую главу в развитии литературного обмена между русскими и новозеландскими писателями».

В свое время «Лендфол» писал о Толстом и Чехове, Набокове и Пастернаке, печатал Иосифа Бродского. «Знакомя новозеландцев с русской литературой и искусством, он также

обозревает контакты писателей Новой Зеландии – в качестве путешественников, читателей и ученых – с Россией и ее народом» [17].

Можно предположить, что целенаправленная источниковедческая работа сулит любопытные открытия в области культурных связей двух стран. Тематически русские мотивы в новозеландской литературе – это и «русский след» в творчестве автора детективных бестселлеров Найо Марш («Игра в убийство»), и главная героиня романа Эштон-Уорнер «Старая дева» (фамилия отзывчивой учительницы в школе для маори – Воронцов, штрихи ее биографии указывают на русское происхождение), и стихотворение Джанет Фрейм «Русская война».

Думается, и в нашей литературе имеются произведения новозеландской темы, остающиеся до поры до времени под спудом. Два рассказа русской писательницы Стефании Караскевич-Ющенко (годы жизни 1863 – 1918) были подсказаны ранней историей Новой Зеландии. Источник информации о Караскевич – словарь «Русские писатели 1800 – 1917» [18]. Рассказы, ««Руа-Тара» и «Новозеландский Наполеон» были опубликованы в 1907 году в журнале для детей и юношества «Родник» [19].

Их герои – реальные лица: молодой вождь нгапухов Руа-Тара, матрос и земледелец, научивший свое племя сеять пшеницу, и его дядя, храбрый и жестокий воин Гонги (Хоне Хика), истовый поклонник Наполеона и зачинщик истребительных межплеменных войн. Близкий родственник Хонги, вождь Хоне Хеке, участвовал в подписании знаменательного Договора Ваитанги. Выведен в рассказах и миссионер Сэмюэл Марсден, работавший в Австралии, но основавший в 1814 году христианскую миссию в Новой Зеландии, на берегах Айлендс-Бей, «Островной бухты», где обитают действующие лица. Упомянут Томас Кендалл, участвовавший в создании маорийской письменности [20].

Герои добираются до Англии, где их встречают по-разному: от насмешек над бездомными и нищими до приема у короля Георга. Повествование этнографично: приводятся и разъясняются детали быта и материальной культуры.

Не установлено, что послужило источником для рассказов (быть может, и пересказов) Караскевич? Переводу книги П.Леруа-Болье «Новые англосаксонские общества. Австралия и Новая Зеландия, Южная Африка»(1898) петербургский издатель счел необходимым предпослать фразу: «При совершенном отсутствии на русском языке каких-нибудь обстоятельных сведений об австралийских и южноафриканских колониях, заселенных англосаксонским племенем, издатель счел небесполезным познакомить русскую публику с книгой Пьера Леруа – Болье». Спустя десять лет Караскевич без дополнительных объяснений обращается к юношеской аудитории, вливаясь в общероссийский поток публикаций по Новой Зеландии. В 1911 году рассказы о маори были перепечатаны в сборнике ее прозы «Повести и рассказы», вновь с иллюстрациями А.Ф.Шлиппера, художника, работавшего для издательства «Просвещение».

Как и следовало ожидать от напечатанного в «Роднике», рассказы историко-биографического жанра написаны в духе тогдашней литературы для школьной аудитории: сгусток положительных знаний, наглядность добра и зла, поучительность, сентиментальность. Они интересны взглядами на последствия английской колонизации для маори. Разрушение традиционного уклада, обман и эксплуатация со стороны пришельцев (капитаны судов – честные и работодатели-негодяи), и в то же время преобразование жизни, благодаря новым умениям и благодетельной христианизации, вселяющей веру в силу знания и любви.

Почему Караскевич, автор рассказов и повестей о христианских мучениках, о людях славянской истории, из крестьянского быта и жизни учащих, обратилась к новозеландской материи? Надо полагать, сыграла свою роль романтическая притягательность неведомого

экзотического мира. Заметим также, что среди современников Карасевич, писавших об Австралии и Новой Зеландии, немало женских имен; Э.К.Пименова, С.Ф.Русова, Л.П.Куприянова, М.Черняева, А.А.Полкова. Эти авторы олицетворяли «новую женщину», самостоятельно зарабатывавшую на хлеб, причастную демократическим взглядам, бестужевку (какой была и Карасевич), подвижницу просвещения. В литературных занятиях они не боялись, скорее предпочитали нехоженые тропы. Десятки повестей о героях разных стран и народов оставила Маргарита Ямщикова (псевдоним Ал.Алтаев), рассказавшая о Карасевич в книге «Памятные встречи». Карасевич вращалась в кругу художников-передвижников, была дружна с семьей Ярошенко, и Николай Ярошенко запечатлел ее в широко известной картине «Всюду жизнь».

Автор скромных, но примечательных рассказов о Новой Зеландии и маорийских вождях Стефания Карасевич-Ющенко пополняет известный нам ряд женщин-литераторов, участниц просвещения народа, пионеров, распространявших знания о далеких странах Южных морей.

Источники и литература:

1. См.Новикова Н.И. Путешествие К.Д. Бальмонта в Австралию и Океанию / Бальмонт Девятнадцатая научная конференция по изучению Австралии и Океании. Тезисы докладов. Ч. II. М., Ин-т востоковедения АН СССР, 1988.О фольклорных записях и их обработке см. Рождественская И.С. Фольклор Океании в сказках К.Д.Бальмонта / Русский фольклор. Т.XVIII. Л., Ин-т русской литературы, 1978.
2. Бальмонт К.Д. Маори / Русское слово, 1913 №87, 14.IV.
3. Бальмонт К.Д. Каури / Бальмонт К.Д. Белый зодчий. С–П., 1914, с.105.
4. Ходасевич Вл. Рец.: Константин Бальмонт. Белый зодчий. СПб, «Сирин», 1914 / Биржевые ведомости, 1914, 28.V. №121.
5. См. Письма К.Д.Бальмонта Дагмар Шаховской / «Звезда», 1997 №9.
6. Бальмонт К.Д. Избранное. Стихотворения. Переводы. Статьи. М., 1983, с.16
7. Woods J. M. A Crosscultural link between Russia and New Zealand: Katherine Mansfield and Russian Culture. Diss. Presented for a Master's Degree. М/? 1996.Работая над диссертацией, Дж.Вудс посетила Институт востоковедения Ан СССР и беседовала с автором данной статьи
8. Наниташвили Н.Г. Новозеландский рассказ 20–30-х годов XX века. Тбилиси, 1985.
9. Algeranoff H. My Years with Pavlova. Melbourne, 1957.
10. Синцова Л.М. Освещение некоторых проблем новозеландской истории русской прессой второй половины XIX – начала XX веков / Страны и народы Востока: История, экономика, международные отношения. Тез. докл. к. регион. конф. 10–13 мая 1990 г. (ИГУ) Иркутск, 1990. (Любезно указано Л.Г.Стефанчук).
11. These Fortunate Isles. Some Russian Perceptions of New Zealand in the nineteenth and early twentieth centuries. Christchurch, 1992.
12. Олтаржевский В.П. Советский Союз и Новая Зеландия в системе международных отношений 40 □ 80-х гг. XX века. Иркутск, 1999, с.5. См. также: Россия □ Новая Зеландия: 50 лет дипломатических отношений. Сборник документов. Сост. В.П.Олтаржевский. Иркутск, 1995.
13. Ощепкова В.В. Язык и культура Великобритании, США, Австралии и Новой Зеландии. М. □Спб., 2004.
14. Звезгинцева И.А. Кино Австралии и Новой Зеландии. “Terra Incognita”. М., 2004. Земля морей. Антология поэзии Новой Зеландии. М., Новое литературное обозрение, 2005.

15. Landfall 213 May 2007.
16. Ibidem, p.5.
17. В.М.Бокова. Караскевич – Ющенко Стефания (Стефанида) Стефановна / Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. Том 2. М., 1992..
18. «Родник» 1907, №7-8.
19. О них сказано в таких работах, как «Аотеароа» (1965) В.М.Бахты, «История Новой Зеландии» (1981) К.В.Малаховского.

Суда и навигационное искусство народов Микронезии (к постановке проблемы)

Чининов И. В.

Судостроение и навигационное искусство народов Микронезии, населяющих небольшие, удаленные от материков острова, являются неотъемлемой частью их уклада жизни и мировоззрения. Изучение способов постройки судов, методов ориентации и поиска земель в открытом море, позволяет лучше понять хозяйственную деятельность микронезийцев, их социальную организацию, особенности религиозных верований и фольклора.

Микронезия – историко-культурная область Океании, включающая четыре крупных архипелага (Марианские о-ва, Каролинские о-ва, Маршалловы о-ва, о-ва Гилберта) и несколько небольших отдельных островов (Науру, Банаба, Нукуоро, Капингамаранги). По антропологическим, лингвистическим и этнографическим особенностям Микронезию принято делить на Западную (Марианские о-ва, о-ва Палау, о-ва Яп) и Восточную (центральная и восточная часть Каролинского архипелага, Маршалловы о-ва, о-ва Гилберта).

Среди народов Океании микронезийцы выделялись наиболее высоким уровнем судостроения и искусства навигации.

При сравнительно небольших локальных вариациях, микронезийские традиционные суда имеют ряд общих отличительных черт: высокий клиновидный корпус, ассиметричный в сечении, балансир (аутригер), треугольный парус, сплетенный из листьев пандануса. Разновидности судов этого типа за пределами Микронезии были известны на о-вах Санта-Крус (Меланезия), на о-вах Тувалу и Туамоту (Полинезия). Двухкорпусные лодки, характерные главным образом для Полинезии, за исключением островов Трук, нигде больше в Микронезии не встречались.

Корпуса небольших по размеру лодок микронезийцы полностью выдалбливали из стволов хлебного дерева. Для более крупных судов выдалбливали основание, к которому крепили изогнутые деревянные брусья, составляющие шпангоут (каркас лодки). К нему прикрепляли борта, состоявшие из деревянных планок, в которых делали отверстия по краям и сшивали веревками из волокон кокосовой пальмы. Швы законопачивали кокосовыми волокнами, после чего промазывали древесной смолой. С противоположной от балансира стороны судна крепилась широкая платформа, на которой перевозили груз и располагались люди. Иногда на платформе сооружали небольшую хижину, стены которой обшивали циновками. В хижине устанавливали деревянный ящик с песком, где разводили огонь для приготовления пищи. Нос и корму судна украшали резным орнаментом и инкрустировали раковинами. Строительство судна сопровождалось особыми магическими ритуалами.

Перед каждым плаванием островитяне промазывали корпус лодки жиром акулы и покрывали краской красного, черного и коричневого цветов. Для дальних путешествий микронезийцы брали заготовленную впрок пищу (тертую мякоть плодов пандануса, бананы, жареное таро, сушеную рыбу и др.). В качестве якоря использовали тяжелый камень, подвешенный на канат из волокон кокосовой пальмы [1].

Размеры микронезийских судов сильно варьировали. В водах лагуны атолла использовались небольшие двух-трехместные лодки, а для дальних плаваний строились суда, вмещавшие до двадцати человек. Наиболее крупные лодки были у чаморро Марианских островов (сакман), достигавшие 9 – 12 м в длину и у кирибати (тунгару) островов Гилберта, чьи суда (бауруа) доходили до 20 – 30 м в длину и 2 м в высоту.

Проследить генезис микронезийских и других океанийских судов довольно сложно. В островной части Юго-Восточной Азии балансиры крепились по обеим сторонам корпуса судна, за исключением Андаманских и Никобарских островов, о-вов Ниас и Ментавай, где

использовался один балансир. Треугольный парус использовался, по-видимому, еще создателями культуры лапита во время их расселения по островам Океании.

Однако народы Микронезии значительно усовершенствовали типы судов ранних австронезийцев и создали самые быстроходные и маневренные каноэ во всей Океании.

Уникальная особенность микронезийских судов заключается в том, что нос и корма у них не отличаются друг от друга. Каноэ можно было направлять вперед или назад, повернув треугольный парус вокруг центральной мачты. Такой парус позволял идти судну любым нужным курсом: по ветру, против ветра или под углом к ветру.

Микронезийцы использовали свои суда для самых разнообразных целей: хозяйственных, экономических и военных.

Испанские мореплаватели, посещавшие Марианские острова в XVI – XVII вв., с восхищением описывали в своих отчетах и путевых дневниках суда коренных жителей этого архипелага. По их словам, чаморро на своих лодках ловили рыбу, а на более крупных совершали торговые плавания и военные экспедиции [2].

Примерно в конце XVII столетия, согласно тунгаруанским (кирибати) преданиям, воины с атолла Беру, расположенного в южной части архипелага Гилберта, на огромных быстроходных судах совершили опустошительный рейд по большинству атоллов этой островной группы [3].

На островах Яп широко употреблялись в качестве денежной системы каменные диски, многие из которых достигали огромных размеров. Однако материал для их изготовления (арагонит) отсутствовал на этом архипелаге. Поэтому для изготовления «каменных монет» япцы отправлялись либо на острова Палау, либо на остров Гуам, где имелись залежи арагонита. Для транспортировки готовых каменных изделий на Яп использовались суда, способные выдержать огромный вес «монет». Более крупные диски грузили на плот, который затем судно вело на буксире. Такое сложное плавание было возможно благодаря исключительной маневренности микронезийских лодок, поскольку при волнении на море плот с огромным каменным диском мог наскочить на судно и потопить его. Поэтому многие подобные плавания заканчивались трагически [4].

Техника судостроения и искусство мореплавания у жителей центральнокаролинских атоллов находились на значительно более высоком уровне, чем у обитателей высоких вулканических островов. Еще в конце XIX века население этих атоллов входило в обширную обменно-данническую систему (местное название савеи), которая в науке получила условное название «япская империя». Центром всей системы была деревня Гатчепар в округе Гагил на острове Яп. Между линиджами высшей касты япцев и линиджами населения центральнокаролинских атоллов, входивших в савеи, существовали строго иерархические отношения покровительства и зависимости. Для характеристики этих отношений существовала особая метафора. Линиджи высокого ранга япцев были «отцами» линиджей населения атоллов, которые считались их «детьми». Считалось, что земля на этих атоллах принадлежит япским линиджам, и поэтому один раз в год символическое признание этого факта владения проявлялось в выплате дани. Представители четырнадцати атоллов привозили на своих парусных судах на Яп различные виды даров: набедренные повязки, юбки, плетеные паруса и канаты и изделия из раковин. В ответ они получали менее ценные ответные дары. Кроме того, обитатели атоллов передавали япцам некоторые свои секреты из области судостроения и мореходного искусства. Эти познания помогали в дальнейшем вождям Гагила добиваться значительных успехов в их противостоянии с другими округами архипелага.

На многих островах Каролинского архипелага навигаторы пользовались так называемым «звездным компасом». Существовали специальные «навигационные школы», где будущие мореходы досконально изучали 32 положения пятнадцати звезд на момент их

восхода и захода, а также 28 других точек на окружности морского горизонта. Кроме того, они изучали также движение на небосклоне еще 150 других звезд, отмечая как ориентиры точки на горизонте, где они восходят и заходят. Из этих звезд самыми важными являются те, которые в зените проходят через меридиан определенных островов. В современных терминах это можно выразить как равенство склонения звезды и географической широты острова [5].

В навигационных школах учили, как точно определять снос судна ветром и течением, хорошо разбираться в информации, которую дают облака, меняющийся цвет неба и моря, направление и сила ветра, поведение морских птиц и т. д.

Цепь Каролинских островов простирается с востока на запад, и поэтому видимое восточно-западное движение звезд над островами могло быть выгодно использовано навигаторами. Навигация на центральнокаролинских атоллах основывалась на высокоточном «звездном компасе» и астрономических наблюдениях. Кроме того, островитяне использовали сезонные изменения ветрового режима. Например, обитатели атолла Ифалук выделяли два сезона: ванг (ноябрь – апрель) – период, когда преобладают пассаты, дующие с востока на запад, и раг (май – октябрь) – сезон изменчивых преимущественно западных ветров и штилей. Этот сезон начинается тогда, когда зона западных ветров смещается в эти широты [6].

Эти особенности ветрового режима использовались преимущественно при плаваниях на большие дистанции, например, доставке дани с атоллов на Яп и, особенно, при посещении каролинцами Марианских островов.

На Маршалловых островах большинство традиционных плаваний осуществлялось с севера на юг и с юга на север, вдоль островных цепей Ралик и Ратак. Эти две цепи островов простираются дальше на север, нежели Каролинские – туда, где господствуют пассаты. Поэтому маршалльцы могли более надежно использовать в качестве ориентиров господствующие ветры. В этом районе с востока на запад проходит Северное экваториальное течение. Поскольку атоллы и рифы архипелага довольно вытянуты и близко расположены друг к другу, это течение неизбежно отклоняется, огибая отдельные атоллы. Поэтому навигация островитян Маршалловых островов основывалась на интерпретации, интенсивности и направленности волн. Опытный навигатор оценивал свое положение в море, изучая характер волн,двигающихся к известному атоллу или рифу.

Широкую известность получили маршалльские «морские карты» или «морские макеты». Было известно три их вида: маттанг, меддо и реббилиб.

Это были мнемонические пособия, использовавшиеся для обучения молодых навигаторов различным типам и структурам волн [7].

«Морской макет» состоял из параллельных и перекрещивающихся прожилок пальмовых листьев, изображавших структуру и направления волн между и вокруг нескольких островов и рифов (они изображались на макете маленькими раковинами или кусочками кораллов, которые лежали на прожилках). Маршалльский навигатор идентифицировал острова «макета», затем устанавливал курс от одного острова к другому, изучая структуру изогнутых и перекрещивающихся полос, изображавших волны и течения, с которыми он сталкивался во время плаваний.

На островах Гилберта будущие навигаторы проходили обучение мореходному искусству в домах собраний – манеаба. Пожилой гилбертиец рассказывал в 1942 г., как он, будучи подростком, изучал традиционную астрономию, необходимую для плаваний. Карниз манеаба изображал восточный горизонт, крыша – небо, коньковая балка – меридиан, верхушка центрального столба – звезду Ригель. Стропила условно делили небо на участки, и каждое созвездие имело свое воображаемое место на крыше. Он изучил 178 звезд и созвездий, указывал их место на стропилах, высоту их над карнизом (горизонтом) при

восходе и закате солнца в любое время года. Лишь после этого он перешел к изучению звезд на небе и маршрутов к различным островам [8].

Кирибати пользовались также каменными указателями – те-атибу-ниборау (камни для путешествий), по которым намечались курсы на соседние острова.

В 50-х годах прошлого столетия новозеландский историк Эндрю Шарп выдвинул гипотезу, согласно которой острова Полинезии были заселены спонтанно, в результате дрейфов и случайных плаваний, и что двусторонние постоянные контакты были невозможны между островами и архипелагами, удаленными друг от друга на расстояние свыше 300-360 миль. Тем самым Шарп ставил под сомнение эффективность навигационных навыков полинезийцев [9]. Среди множества его оппонентов были люди, стремившиеся на практике доказать несостоятельность доводов новозеландского ученого. Одним из таких энтузиастов был американский социальный антрополог Бен Финни. С группой своих последователей ему удалось сконструировать реплику традиционного полинезийского двухкорпусного судна (получившего название «Хокулеа»), на котором он намеревался пройти расстояние от Гавайских островов до Таити и обратно, доказав тем самым возможность длительных двусторонних плаваний в пределах «полинезийского треугольника».

Во время плавания исключалось применение современных навигационных средств и методов, однако в Полинезии уже не было людей, которые бы помнили древние навыки мореходного искусства. Поэтому Бен Финни решил найти опытного кормчего в Микронезии, на центральнокаролинских атоллах.

Население атолла Сатавал отличалось наиболее сильной приверженностью традиционному образу жизни. Христианство проникло на Сатавал лишь в середине XX в. и многие традиции, в том числе связанные с судостроением и искусством мореплавания, достаточно прочно удерживались среди населения этого атолла. Островитянин Мау Пиайлуг был одним из местных палу (искусных навигаторов), которого Финни взял в качестве кормчего на «Хокулеа».

«Изменение цвета моря, – объяснял Пиайлуг тонкости древнего морского ремесла, – предсказывают погоду на ближайшее время. Если облака скрывают звезды, я держу курс по другим приметам. Есть восемь видов океанских волн. Все они отличаются друг от друга в зависимости от того, идут ли с Викувула (севера), Майлапа (востока), Тимура (юга). Волны могут рассказать о многом...» [10].

Протяженность маршрута Гавайи – Таити более 4 700 км. Кроме того, центральный район Тихого океана – наиболее пустынная и опасная для мореплавания часть океанского простора. Его пересекают северо-восточные и юго-восточные пассаты, несколько экваториальных течений и противотечений [11]. Мау Пиайлуг согласился повести «Хокулеа» и пользоваться при этом не современными навигационными средствами, а лишь «звездным компасом» и другими древними навигационными познаниями. Каждый день вопреки меняющимся течениям и ветрам Пиайлуг строго выдерживал заданное направление, причем коридор отклонения от нужного курса не превышал в ширину 74 км.

Уникальное плавание на «Хокулеа» стало блестящим аргументом в пользу теории о дальних двусторонних плаваниях в Полинезии.

Другой исследователь, Дэвид Льюис, предпринял плавание от центральнокаролинского атолла Пулуват к острову Сайпан, в Марианском архипелаге. На Пулувате, как и на Сатавале, достаточно прочно сохранялись традиции мореходного искусства и техника судостроения. Потомственный пулуватский навигатор Хипоур, пользуясь тем же «звездным компасом», привел экспериментальное судно к Сайпану, а затем обратно, покрыв расстояние более чем в 2000 км. [12].

Это плавание дало практическое подтверждение существования в доисторическую эпоху двусторонних контактов между Марианскими и Каролинскими островами.

Искусство мореплавания и судостроительная техника – важные аспекты традиционной материальной и духовной культуры островитян Микронезии, и яркое проявление их адаптации к суровым условиям жизни среди океанской пустыни.

Источники и литература:

1. Müller W. Yap // Ergebnisse der Sudsee-Expedition 1908–1910. II. Ethnographie; B. Mikronesien. Bd. 2. Halbband 1. Hamburg, 1917. S. 170–187.; Krämer A. Zentralkarolinen // Idem. Bd. 10. Halbband 1. Hamburg, 1937. S. 91–106, 259–266, 356–358.; Damm H. Zentralkarolinen // Idem. Bd. 10. Halbband 2. Hamburg, 1938. S. 49–55, 133–134, 175–178, 250–253, 328–330.
- 2 См.: Малаховский К. В. История колониализма в Океании. М., 1979. С. 49.
3. Grimble A. F. Tungaru Traditions. Honolulu, 1989. P. 269 – 275.
4. Чининов И. В. Острова каменных денег // Восточная коллекция. 2008. № 1. С. 98–102.
5. Lewis D. We, the Navigators. Canberra, 1972. P. 62–73.; Riesenberг S. H. The Organization of Navigational Knowledge on Puluwat // Pacific Navigation and Voyaging. Comp. by B. R. Finney. Wellington, 1976. P. 91–128.
6. Burrows E. G., Spiro M. E. An Atoll Culture: Ethnography of Ifaluk in the Central Carolines. New Haven, 1957. P. 23.
7. Lewis D. Op. cit. P. 201.
8. См.: Народы Австралии и Океании. М., 1956. С. 746.
9. Sharp A. Ancient Voyagers in Polynesia. Berkeley, 1964.
10. См.: «Звездный компас» древних мореходов.//За рубежом. 1986. № 25. С. 19.
11. Подробнее см.: Voitov V. I., Tumarkin D. D. Navigational Conditions of Sea Routes to Polynesia // Archaeology at the Eleventh Pacific Science Congress. Honolulu, 1967. P. 88–100.
12. Lewis D. A Return Voyage Between Puluwat and Saipan Using Micronesian Navigational Techniques // Pacific Navigation and Voyaging. P. 15–28.